

ISSN 2227-4413

ВЕЛИКОРОССЪ

Литературно-исторический журнал

№2(28) 2018

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Специальный редактор –
Д.П. ВОРОНИН

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ПОЭЗИЯ

Валентин СОРОКИН
Здравствуй, поэты!4

Магомед АХМЕДОВ
Персидские стихи6

Светлана ГОРОШИЛОВА
«Радости общения не скрою...»74

Юрий БОГДАНОВ
Вечный двигатель (цикл сонетов) 78

Татьяна КОСТАНДОГЛО
«Поплачь, душа моя, поплачь...»89

Нина ГОЛОВАНОВА
«Куда стремится дух нетленный...»98

Дмитрий МИЛОВ
«Из темноты знакомых окон...»107

Виктор ХАТЕНОВСКИЙ
«Растормошив безмолвие страниц...»117

Евгений ХАВАНОВ
«Мне лишь – жила бы Русь...»122

Татьяна ПАРСАНОВА
«Мне за тебя молиться надо...»147

Тамара ПОТЁМКИНА
«Наверно, правда – посредине...»160

Сергей ПОПОВ
Похищение Европы164

Надежда ОХРИМЕНКО
«Светлый образ России моей...»182

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
Лучший город земли188

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№2(28) 2018

Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:

С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 20.07.18.

Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 1000 экз.

Заказ Е-3599

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta

ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.

Тел.: (495) 926-63-96,

www.bukivedi.com,

info@bukivedi.com

 ПРОЗА

Виталий БОГОМОЛОВ
Отрывок из книги «Рубашка на вырост»24

Алексей МУЗЫЧКИН
Рассказы.....102

Василий ПОЛЯКОВ
Эх, Ванюшка-Ванька!
или Полчаса в автобусе.....135

Марат ВАЛЕЕВ
Юмористические рассказы.....172

Светлана КОМРАКОВА
Уроки музыки.....185

 ПАМЯТЬ

Александр АЛИЕВ
И священник, и художник81

Александр КУЩ
МВТУ.....94

Инна МУХИНА
Чаша Фаберже.....111

 ПУБЛИЦИСТИКА

Николай БАШМАКОВ
Хомячок в колесе153

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

В нынешней жизни, как, может быть, никогда прежде, присутствует ощущение некоего междувременья. Все социальные силы, все духовные, политические и экономические устремления находятся в состоянии неустойчивого равновесия, словно ожидая чего-то главного, что должно прийти неизвестно откуда и внести хоть какую-то определённую смутную действительность бытия. Это видно как по значительным политическим событиям, так и по частным явлениям повседневности. Уже давно не было в мире такой масштабной девальвации духовных ценностей и такой обыденной подмены их симулякрами разной, но чаще самой низкой степени подобия. Взаимоотношения между субъектами бытия – от государств до социальных групп и отдельных людей – всё чаще сводятся к принципу сиюминутной выгоды, с возможностью моментального пересмотра всех договорённостей, не говоря уже о традиционных онтологических основах, прежде казавшихся незыблемыми, а ныне ставших практически пустыми фикциями. Чувство разочарования и скепсиса пронизывает ткань современного общества, причём независимо от того, какую мировоззренческую модель поддерживает тот или иной человек, тот или иной общественный класс. В результате борьбы «всех против всех», спровоцированной разрушением мирового равновесия на рубеже веков, настоящих победителей нет. Ибо даже те, кто имеет формальные основания считать себя победителями, фактически также являются проигравшими. Но надо жить...

Россия из своей многовековой истории вынесла огромный опыт государственности, оплаченный ценой великих испытаний, героических свершений и побед. Художественная мысль гениев русской и многонациональной российской литературы создала неисчерпаемое наследие, способное дать нравственную опору и духовные ориентиры для дальнейшего пути по дорогам истории. Журнал «ВЕЛИКОРОССЪ» продолжает линию, направленную на укрепление единства нашей великой многонациональной России, её государственных интересов и духовных ценностей.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2018

© Авторы, 2018

Здравствуйте, поэты!

Приятно читать стихи Магомеда Ахмедова, как искренне разговаривать с добрым другом, которого ты ждал и вот встретил. И превратилась встреча в беседу, уютную и биографическую, двух собратьев по времени и по заботам.

Куда спешить? Думай и говори:

*Откуда мы пришли,
Куда вершим свой путь?
Что ждёт всех нас в дали?
В чём нашей жизни суть?*

А суть жизни – в её удивительном, зовущем тебя многообразии. Жизнь слышит твои желания, возможности твои; иди, не робей, работай полезно и вдохновенно твори.

*Вот небо. Ну а на земле –
Ширазский сад, зари светлей.
Садовник здесь – поэт влюблённый,
Безумной страстью вдохновлённый.*

Юность, молодость, энергия и красота дела, а любовь – звёздная высота необъятных просторов. Человек без любви никогда самого себя не поймёт. А поэт без любви – орёл с перебитыми крыльями: смотреть на него горько и обидно.

Магомед Ахмедов часто опирается на житейский и на творческий опыт классиков, молодец! У талантливого поэта или полководца, художника или философа скучной и серой судьбы не бывает. Магомед Ахмедов – авторитетный наследник Расула Гамзатова, руководитель Союза писателей Дагестана, честный, известный поэт России.

Его нежность к матери и к отцу, к семье, к детям традиционна и благородна, укрепляюще спасительна и вечна:

*Мне понять тебя непросто,
Задаю тебе вопрос я:
– Как сказать тебе смогу я,
Что люблю тебя, люблю я!*

Валентин Васильевич Сорокин – русский поэт. Родился в 1936 г. в Башкирии, на хуторе Ивашила. Около 10 лет проработал в 1-м мартене Челябинского металлургического завода. Член Союза писателей СССР с 1962 г. Автор многих поэтических книг. Лауреат премий – Ленинского Комсомола, Государственной РСФСР им. А.М. Горького, Международной Шолоховской и Всероссийской им. С.А. Есенина. Проректор Литературного института имени А.М. Горького, руководит Высшими литературными курсами.

Живёт в Москве.

Гамзатов и Абасил, Хаям и Есенин привычно и уважительно говорят с ним, прогуливаясь по холмам и долинам края и отечества: ведь Родина для поэта – слово и гимн, клятва и меч, любовь и песня.

Поэт очень биографичен, корректно и достойно национален, верен заветам отца и матери, мудрости отчего края, пророчествам богов и поэтов.

Иван Голубничий, известный поэт и друг Магомеда Ахмедова, бережно перевёл с аварского языка на русский откровенные стихи поэта. Верность народному слову, отчему краю, гордость и служение нашей общей Родине – великой России, и есть божья награда, призвание и честь поэта!

Спасибо Магомеду Ахмедову за стихи, а Ивану Голубничему спасибо за переводы. Они друзья мои, оба! Спасибо, наши поэты!

*На горы искренних стихов
Из слёз горячий ливень льётся.
Зову друзей я вновь и вновь,
И жду, что кто-то отзовется.
Чтоб от отчаянья спасти,
Стучат в окно мне, сходят свыше
Расул Гамзатов, Абасил,
Омар-Гаджи, Фазу... Я слышу...*

ПОЭЗИЯ

Магомед АХМЕДОВ

Магомед Ахмедович Ахмедов – известный российский дагестанский поэт, Председатель Правления Союза писателей Дагестана. Его поэзия следует в русле национальных традиций, которые развили и укрепили его великие земляки – поэты Гамзат Цадаса и Расул Гамзатов. Один из ведущих поэтов Дагестана, пишущих на родном аварском языке. Основные мотивы его стихов – любовь к родной земле, размышления над загадкой жизни, философское осмысление исторических судеб Дагестана и России...

Живёт в Махачкале.

Персидские стихи

Любовь, любовь...

Чтобы чужой язык понять,
Язык, которого не знаешь,
Ты должен песню услышать
Ту, что влюблённый напевает.
Звучит та песня... И она
Полна до края страсти жаром,
И вся она напоена
Любви неистовым пожаром.

Чтоб новые места узнать,
Места, которые не знаешь,
То также нужно песне внять,
Той, что влюблённый напевает...
Звучит она... И вновь и вновь
Слова, что душу озаряют,
Летят, звучат: «Любовь, любовь...».
Их вечно люди повторяют.

Чтоб душу новую узнать,
Коль человека ты не знаешь,
То нужно песню услышать,
Что он, влюблённый, напевает.
Звучит она... И вновь, и вновь
Душа трепещет и рыдает.
И слово вечное: «Любовь...»,
Волнуясь, сердце выдыхает.

Вот небо, на небе – она,
Благословенная луна,
Друг всех влюблённых и поэтов;
Мы благодарны ей за это!
Всевышним нам дана как милость,
Махмуду свет она дарила
В горах, когда весь мир ему
Казался погружён во тьму.

Вот небо. Ну а на земле –
Ширазский сад, зари светлей.
Садовник здесь – поэт влюблённый,
Безумной страстью вдохновлённый.
Его любви едины корни,
И сад растёт из них упорно:
Очей любимых красота,
Любви небесная мечта.

Вот небо, а на нём видна,
Свидетель Вечности, она –
Любовь. Как радуга, блистает,
Над миром радостно взлетает.
И через долгие столетья
Она всё так же миру светит.
Неповторимые цвета
Всевышний дал ей навсегда.

«Откуда мы пришли?
Куда вершим свой путь?
Что ждёт всех нас в дали?
В чём нашей жизни суть?»

Вопросы, что судьба
Из века гонит в век,
Настигнут и тебя,
Быть может, раньше всех.

Но мне Хайям твердит
Стихами вновь и вновь,
Что мир во зле лежит,
Всех опьяняет кровь.

Лишь ненавистью жив,
Жизнь превратив в тюрьму
И о любви забыв,
Наш мир летит во тьму.

«Любовь, любовь, любовь!»,
Хайям опять твердит.
«Любовь, любовь, любовь!»,
Саади говорит.

...Отчизны лишены,
Оставив отчий кров,
Спасаясь от войны,
Страдают люди вновь.

Я спросил сегодня у менялы...

Сергей Есенин

Денег мне менять не надо,
Ты сама – моя отрада.
Как прекрасна ты, иранка,
Молодая персиянка!

Мне понять тебя непросто,
Задаю тебе вопрос я:
– Как сказать тебе смогу я,
Что люблю тебя, люблю я?

Пальцы словно бы играют,
Деньги весело считая,
Ты внимаешь неустанно
Денег тихому шуршанью.

– Денег мне менять не надо,
Ты сама – моя отрада!
Мне твоих не надо денег,
Злато слов мне дал Есенин.

А любовь – как конь надёжный,
Торговать им невозможно.
Так и страсть, что в сердце бьётся,
Никогда не продаётся.

Денег мне менять не надо,
Ты одна лишь мне отрада!
Серебра не нужно, злата,
Если золото сама ты!

«Те глаза, что заплаканы,
Не просыхают,
Губы, что пересохли,
Не влажнеют от губ», –
Эту истину слышал я,
Друг мой Гамзаев,
На дорогах земли,
И забыть не могу.

Вспоминаю я Каспия
Синюю воду,
Мы с Омаром-Гаджи
Возле моря вдвоём.
И бессмертный Хайям
Говорит мне сегодня:
– И у вас ведь когда-то
Было время своё.

Здесь, у юности нашей
Могильного камня
Мы остались с тобой,
И беседу ведём,
Задавая друг другу
Вопросы Хайяма,
Вспоминая то время,
Что промчалось как сон.

Снова Каспий седой
Отпускает на волю
Белоснежные волны –
Молодых скакунов:

«Наши очи в слезах,
И не высохнут боле,
Губы не увлажнятся
Пересохшие вновь».

Вся жизнь становится иною,
Когда седеет голова:
Рассвет, встающий над землёю,
От ночи отличишь едва,
И все вопросы и ответы
Между собой ведут войну,
И небеса дрожат от ветра,
А время держит их в плену.

Но если голова седая,
То сердце чистым быть должно.
Грехи из сердца вычищая,
Не совершай ошибок вновь.
Ведь ты добрался до заката –
Заката дел своих земных,
И призываешь, как глашатай,
Остаток скудный дней своих.

Так говорят мне все поэты,
Чьи Бог напутствовал слова.
И солнце по-другому светит,
Когда седеет голова.
И каждый день, что в мире прожит,
Как будто целый век, идёт.
И каждый вздох мне счастье множит,
Надежду выдох мне даёт.

Когда виски твои седеют,
То значит – истекают дни.
И небеса твои темнеют,
И приближаются они.
Азан к молитве призывает,
К молитве Истина зовёт...
Когда уж голова седая,
Она до неба достаёт.

«Люблю! – звучало вновь и вновь, –
Боюсь, что ты моей не станешь!»...
Она, безгрешная любовь,
Как лебедь, что отстал от стаи.
И слышен голос моего
Большого друга Абасила.
И он в стране любви живой
Звучит, как эхо, с новой силой.

Щебечут птицы про любовь,
Что вновь весна вернуться хочет,
И губы шепчут, что собой
Она наполнит дни и ночи.
Но снова в горной тишине
Трепещет крик и нарастает:
«Люблю! Люблю! Но страшно мне,
Что ты моей уже не станешь!»...

Мой друг, стихам твоим всегда
Был дорог сад, где мы мечтали.
Я не забуду день, когда
В саду тебя мы погребали.
Сегодня в том саду звучат
В ветвях деревьев песни жизни.
Твой, Абасил, цветущий сад –
Твоя аварская отчизна.

Любил ты повторять, мой друг,
Порой задумавшись глубоко:
«Весь мир, что видим мы вокруг, –
Приют, где мы гостим до срока.
Он бесполезен и постыл,
Наш мир, где дни мы коротаем». –
О, прав он, мудрый Абасил,
Его слова я подтверждаю.

На горы искренних стихов
Из слёз горячий ливень льётся.
Зову друзей я вновь и вновь,
И жду, что кто-то отзовется.
Чтоб от отчаянья спасти,
Стучат в окно мне, сходят свыше
Расул Гамзатов, Абасил,
Омар-Гаджи, Фазу... Я слышу...

С дерева жизни уже опадают цветы,
Вот и берёзы в Гунибе моём пожелтели.
Тропы, которыми шёл я на поиск мечты,
Снова в отчизну ведут, как к единственной цели.

Песню аварскую слышу, что пела мне мать,
Снова звучит она, эхом в горах откликаясь.
Жизни моей приближается скоро зима,
Родина снова в объятья меня призывает.

«Где ты скитался так долго, мой сын Магомед?», –
Матери голос звучит из аула родного.
Камень с могилы отца ожидает ответ:
«Сын, как там мама одна? Ты скажи мне хоть слово...»

Матери слышу молитву в ночной тишине:
– Сына, Всевышний, храни на дорогах чужбины!
Сам я прошу у Аллаха в чужой стороне:
– Маму храни, вняв молитве далёкого сына!

Руки её постаревшие вижу сейчас,
 Ныне они только чётки усердно считают.
 Я вспоминал за прошедшие годы не раз
 Время, когда моя мама была молодая.

Вижу, как встарь – поднимается в горы отец,
 Я вслед за ним на вершину бегом поднимаюсь...
 Истину понял с тех пор я, что мир этот – лжец,
 Он обманул меня, сказку вдали обещаая.

Хоть и забыл я про этот обман навсегда,
 Но не забуду вовек колыбельную песню.
 ...Тропка, веди меня снова в аул Гонода,
 Там все надежды, что умерли, снова воскреснут.

Глаза персиянок прекрасных
 Похожи на омут зеркал.
 Смотреть в них и сладко, и страшно –
 Я век бы смотреть в них мечтал.
 Всевышний, глаза персиянок
 Пусть светят над миром всегда,
 Как звёзды в ночах Тегерана,
 Как розы в персидских садах.

Не зря в персиянок влюблялись
 Мужчины во все времена.
 Поэтов всегда вдохновляли
 Пленительных дев имена.
 И свежие розы Шираза
 Как алые губы цветут.
 И два приоткрытые глаза
 Нам слёзы влюблённые льют.

Стоит у окна, вся в нарядах,
 Прекрасен красавицы взгляд.
 И станет вдруг бедным богатый,
 И вмиг богатеет бедняк.
 Хоть спрячь ты сто раз под чадрую
 Бездонные очи свои –
 Зовут и зовут за собою,
 Исполнены тайной любви.

Я помню всех наших поэтов,
 Расстрелянных пулями глаз.
 Охотницы смелые эти
 Прославили древний Шираз.
 Я помню поэтов, любовью
 С обрыва низвергнутых вниз –
 Одним лишь движением бровью,
 Иль кратким движеньем ресниц.

Приходит ко мне вдохновенье,
 И сердце от счастья поёт,
 Когда предо мной, как виденье,
 Она, персиянка, пройдёт.
 Вот вспыхнула, чудо Шираза,
 Как солнце, и спряталась вновь.
 Как жаль, что чужая... Но разве
 Чужою бывает любовь?

Любовь идёт по свету неустанно,
 Даря весну всем людям на земле.
 Она, как солнце, радостным сияньем
 Мир освещает, тонуший во зле.
 Порой она бушующею страстью
 Крадёт у нас и счастье, и покой,
 А иногда – неведомою властью
 Возносит ввысь незримую рукой.

И девушек красою одаряет,
 И юношам возлюбленных даёт.
 Она лишь на вершинах обитает,
 До тех вершин не каждый достаёт.
 Её всегда от века воспевали
 Поэты вдохновенно вновь и вновь,
 И тайно непременно прибавляли,
 Что в ад пойти готовы за любовь.

И вот Муи великого Махмуда
 Увидел я, Шираз, в твоём саду,
 Она была прекрасна, словно чудо,
 Напоминала горскую звезду.
 Лейла Меджнуна с ней вела беседу,
 И ей она промолвила в ответ:
 – О, посмотри-ка, вот идёт Ахмедов,
 Махмуда друг, наследник и поэт!

Любовь, как чудо, в сердце нашем
Живёт до смерти иногда.
Как мирный пахарь, сердце пашет,
Чтоб всходы в нём дала мечта.

Чем меньше слов ты миру даришь,
Тем больше ливень красоты,
И промокаешь, как чинара,
Под этим сильным ливнем ты.

О, яркое любимой знамя,
Что покоряет города!
О, жаркое её дыханье,
Что рушит страны без труда!

За родинку красы Ширази
Хафиз, что видел много стран,
Готов отдать был по приказу,
И Бухару, и Самарканд.

Спроси Махмуда, иль Хафиза,
Иль, наконец, меня спроси,
Ответим мы: любовь для жизни
Есть подвиг, требующий сил.

Люби сильнее и сильнее
Тот образ, что тобой воспет.
И коль сберечь любовь сумеет,
Бессмертным станет тот поэт.

Прекрасные цветы Ширази
Сияют радугой любви.
Они приносят миру радость,
Поют в них ночью соловьи.
И шлёт любовь свои молитвы
Цветам Ширази в тишине.
Цветы душою ей раскрыты,
И тихий зов их слышен мне.

В судьбе у каждого поэта
Цветок любви цветёт всегда –
Стихами горькими воспетый,
Вдруг исчезает, как мечта.

Поэт подругу называет
Прекрасным именем цветка.
Певец умрёт, но прославляет
Любимый образ на века.

Мне на цветок смотреть приятно, –
Срывать не стану тот цветок.
Зухра, Лейла ли? Саният ли?
Богат любимыми Восток.
А может, снова в Дагестане,
В горах рождённая Муи?
Глаза искать не перестанут
Цветок по имени любви.

Цветок, срывать тебя не буду...
А он промолвил мне в ответ,
Открыв уста свои, как чудо:
«Благодарю тебя, поэт».
А из груди моей усталой
Опять летит тяжёлый вздох:
«Душа гореть не перестала,
И счастья дни подарит Бог».

Услышав песню соловья,
Раскрылась на рассвете роза.
Дрожала, снова ожила,
Из глаз любви струились слёзы.

Но люди добрые теперь
Сказали розе: песня эта,
Что соловей сегодня пел,
Для розы для другой пропета...

И вот опять рассвет встаёт,
И вот уже другая роза,
Узнав, что соловей поёт,
Всё так же льёт от счастья слёзы.

Но люди добрые и ей,
Как прежде, объяснили снова,
Что пел сегодня соловей
Ту песню для цветка другого.

С. Есенину

Ты персидские мотивы
Воплотил, твой дар – нетленен.
Самый русский, всеми чтимый,
Шлю привет тебе, Есенин.

Века нового в начале
На пандуре стихотворец
Здесь, в Ширазе, в дальней дали,
Стих поёт твой на просторе.

Всё зову: Лейла, ну где ты!
Шаганэ! – шепчу я имя.
Шлю в Рязань – исток поэта –
Розы слов непостижимых.

Ты небесными глазами
На страну смотрел иную,
И пропел о ней стихами
Про Шираз, любовь большую...

Божий дар есть долг поэта,
Вечный долг перед Всевышним.
Все исполнены обеты,
Если Бог тебя услышал.

Только лишь слова молитвы
До Всевышнего доходят.
Коль в стихи молитвы слиты –
Краткий путь они находят.

У таланта постоянно
На лице отметка Бога.
И Шираз, Гуниб, Рязань ли –
Это значит здесь немного.

Как мучительно страдают
Все влюблённые в отчизну!
Как изменчивы бывают
Иногда подруги жизни!

Что же делать нам, Есенин,
Если в кузнице судьбины
Переломанное сердце
Ждёт тебя, поэт невинный!

Хоть святые души эти,
Ад познали в жизни этой,
Я надеюсь, после смерти
В рай отправятся поэты.

Красавицу нежная песня зовёт,
Красавица страстную песню поёт.
Порою вздохнёт о возлюбленном: «Ах!..»
Мечтает, что счастье пошлёт ей Аллах.
А звонкий и нежный её голосок
Несёт, словно пёрышко, ветра поток.
Летит, ей огонь разжигая в крови,
Звучит он в пространстве мольбою любви.

О, музыка страсти! Твой бешеный ритм
Рождает в сознании чувств лабиринт,
Где вбиты гвоздями по стенам его
Терпенье и слёзы, и много всего...
Ты ввысь поднимаешь, безумная страсть,
И вниз опрокинуть имеешь ты власть.
Ты, вечное чувство, похоже на мёд –
Но сладкий иль горький – кто сразу поймёт?

Я был в Гулистане, в саду я гулял,
Вдруг в полночь знакомый мотив услышал –
То песня, к которой я с детства привык,
Но был незнакомым той песни язык.
И боль, что звучала в напеве чужом,
Пылала знакомым любовным огнём.
И снова терзала мне сердце тоска,
Хоть не понимал я того языка.

Вот снова красавицу песня зовёт,
Красавица грустную песню поёт.
И вместе, согласно, летят они вновь
На этот любовный тоскующий зов.
...Так было и раньше. Я помню, в горах,
На склонах крутых, на вершинах, в домах
Красавицы пели с волнением в крови
Про вечно свободное чувство любви.

Восточная песня

Пусть уста мои расскажут
О любви твоим устам,
Чтоб волшебной сказкой нашей
Этот мир отныне стал.
Сердце сердцу пусть подарит
Музыку любви своей.
Пусть поёт согласно пара
Двух сердец в потоке дней.

Лишь скажу «Люблю безмерно!»,
Как душа сама собой
Воспарит над жизнью серой
На крылах любви большой.
Повторю «Люблю!» я милой –
Счастье к нам вернётся вновь.
Я забыть тебя не в силах
Никогда, моя любовь.

Кем бы что ни говорилось,
Красота – всегда одна.
Сотню раз бы повторил я,
Что любовь всегда верна.
Я с тобой покой теряю,
Бога за тебя молю.
Неизменно повторяю:
«Я люблю тебя, люблю!»

В саду гуляю, где деревья
В уединенье этих мест
Стоят как юные царевны,
И озираю всё окрест.
Есть в том саду любви аллея,
Там родники среди травы
Поют, созвучий не жалея,
Святую песню о любви.

В саду стоит дворец высокий,
В котором шах когда-то жил.
Не видно стражи здесь жестокой,
И шах давно уж опочил.
Его Всевышний сбросил с трона,
Освободив простой народ.
Послушна времени закону,
Жизнь мерно движется вперёд.

О, сколько шахов незаконных
Народа ненависть смела!
Всевышний волей непреклонной
Отверг их грешные дела.
А сколько было их, безликих,
Тех, кто жестокости творит?
Лишь шах любви – Хайям великий
Доныне над людьми царит.

Шумят деревья еле слышно,
Им ветры ветви теребят.
Здесь воздух нежной страстью дышит,
Ручьи о чувствах здесь звенят.
Вот снова вздрогнул лист зелёный
От слов, что будоражат кровь.
Повсюду – голоса влюблённых:
«Люблю, любовь моя, любовь...»

В окно, что ты оставила открытым,
Вид сделав, что закрытое оно,
По небу вниз катящейся луной
Влечётся сердце, что давно разбито.

Стою я под дождём воспоминаний,
Любви ушедшей, тщетных ожиданий,
Промокшею чинарою стою,
И молча вспоминаю жизнь свою.

Мне то окно другим светило светом,
Как только загоралась в нём свеча.
Я закрывал его в рассветный час,
И уходил, его теплом согретый.

В Ширазе показалось мне на миг,
Что снова я к тому окну приник.
Услышав зов Хафиза и Саади,
Я влез в окно, мечтая о награде...

Жизнь – это тоже словно бы окно,
От самого рожденья до могилы.
Но если уж закрытое оно,
То мы уже открыть его не в силах.

Шакалы не давали
По жизни мне идти,
И волки завывали
Порою на пути.

Годами осаждали
Меня клеветники –
Ругали, принуждали:
«От правды отрекись!»

Но вот умолкли звери,
Шакалов нет, волков.
И жизнь закрыла двери
Для всех клеветников.

Значение имеет
Уж мало что вокруг...
Душа тогда мертвеет,
Когда изменит друг.

Саният

Саният ты моя, Саният...
Мчатся годы, мой близок закат.
Ведь не вечен никто на земле,
Упокоимся все мы во мгле,
Эту жизнь не вернуть нам назад.

Вот, со мною ты рядом садись,
Расскажу тебе сказку про жизнь.
Расскажу про минувшие дни –
Все горьки, словно слёзы, они.
Ты от шуток о них воздержись...

Жизнь – приют, все мы – гости лишь в нём,
Мельник дней нас размелет зерном.
Попаду ли я в рай, или в ад –
Но, Всевышний, храни Саният,
В дни, когда я покину наш дом!

В этой жизни я много грешил,
Груз ошибок меня придавил.
«Без вины виноватая ты,
Виноватого встретив в пути», –
Я, тебя полюбив, написал.

Саният ты моя, Саният!
Обо мне много сплетен твердят.
Но звучал мне, как песня, всегда
Путь домой все былые года –
Там ведь дети и ты, Саният!

Чем к Аллаху быстрее стремлюсь,
Тем я больше людей сторонюсь.
Словно я в муравейник попал,
Я от зависти, злобы устал.
Саният, за тебя я молюсь!

Я стихи лишь с молитвой пишу,
В них терпения, мира прошу.
Я защиты ищущу в небесах:
«Сбереги моих близких, Аллах!
Упокой покаянный закат...»
Саният ты моя, Саният!

Разговор с Хайямом

О времени, царящем надо всеми,
С Хайямом мы неспешно говорим.
Найдя во времени другое время,
Наедине оставлены мы с ним.

Вина не пьём, о чувствах умолкаем,
К молитве чистой песня нас зовёт.
Перед Всевышним головы склоняем,
К нему – души возвышенный полёт.

«– Поэт я хоть хорош, но неизвестный.
Всевышний знает, что стихи – не грех.
И ты сегодня ищешь повсеместно,
Что средь людей найдётся человек.

Да! Призывал я: – Наполняйте чаши! –
Чтоб, Магомед Ахмедов, слышал ты
Всю совесть слов, всю силу речи нашей,
Превознося до горней высоты.

Слова любви хмельным вином разбавил,
С молитвою и верою в любовь.
Я семь небес и семь земель ударил
Друг в друга, чтобы был доволен Бог.

Ещё когда лежал я в колыбели,
Шептали губы: «О, велик Аллах!»
Как жалко, что понять вы не сумели:
Вино и страсть – великие из благ.

Моё вино другим вином мне было,
Любовь другой любовью мне была.
Жаль, что понять вам это не под силу,
Довольно мне, что знает то Аллах.

О, я хотел во всём дойти до сути,
Внимать небесной азбуке был рад.
Мой мир в моих стихах на перепутье,
Где делят власть над нами рай и ад.

Свою дорогу каждый выбирает,
Один – к Аллаху, к дьяволу – другой...
Во мне поэтов много пребывает,
И смысл глубокий стих имеет мой.

Я этот мир хвалил не очень много,
Я птицей у него в капкане был.
Но звёздная страна звала в дорогу,
И ум свободный время торопил.

Родился, жил на свете я Хайямом,
Бессмертным стал я как Омар Хайям.
И пьяным был, но по-иному пьяным,
Любил – иной была любовь моя!..»

...Слов не найду я, чтоб ему ответить,
Как оправдать пред ним мои грехи.
И сам я часто нарушал запреты,
Любил я, пил вино, писал стихи.

Любовь порой в бокале утопала,
И время оседало в нём на дне...
Мои грехи, что в жизни совершал я,
Простишь ли ты когда, Всевышний, мне?

Старый певец

Чужбина доставляет лишь страданье,
Без родины и жизнь совсем пуста.
Кому здесь верить? Кто тебя обманет?
И кажется, что даже Бог устал.

– Откуда ты? – И он мне отвечает:
«– Из Сирии...». Махмуд в краях тех был.
«Лихое время в мире наступает», –
Так Цадаса когда-то говорил.

Ты их не знаешь, беженец сирийский,
В заботе хлеб насущный отыскать.
Голодный мир тебе стал другом близким,
Что может лишь терпением помогать.

И чем, собрат, помочь тебе я в силах?
Богат я лишь поэзией своей.
Сердца ты тешишь музыкой красивой,
А я стихи слагаю для людей.

Меж нами мост, что нас соединяет,
По милости Аллаха, как судьба.
Ты беззаветно музыку играешь,
А я с волнением слушаю тебя.

*Перевод с аварского
Ивана ГОЛУБНИЧЕГО*

ПРОЗА

Виталий БОГОМОЛОВ

Редакция журнала ВЕЛИКОРОССЪ
поздравляет Виталия Анатольевича
БОГОМОЛОВА
с Юбилеем!

Отрывок из книги «Рубашка на вырост»

Книга «Рубашка на вырост» представляет автобиографическую мозаику, которая охватывает период с момента, когда мама, отсидевшая в заключении десять лет, забрала четырёхлетнего будущего писателя из детдома, и до дня его демобилизации из армии.

В повествовании нет ничего вымышленного, автор погружается воспоминаниями в колхозное житьё своего детства, в минуты пребывания на грани жизни, в дни безрадостного бродяжничества, в годы становления после того, как был исключён в восьмом классе из школы, как теперь шутит, «за отличную учёбу и примерное поведение».

После этого он прошёл период «чистилища» через нелёгкую работу от пастуха и колхозного разнорабочего до комбайнера-передовика... Писатель рассказывает о людях, среди которых сформировался, размышляет о значении крестьянина в жизни страны, о том, что вынесло на своих плечах русское крестьянство, деревенские люди середины XX века, перед которыми мы все в неоплатном долгу.

Повествует о впечатлениях воинской службы в 1967–1970 годах в Восточном пограничном округе, на границе с Китаем в самый конфликтный период тех лет.

Повесть насыщена многими интересными эпизодами из жизни автора, издана к его семидесятилетию и рассчитана на широкий круг читателей старше 12 лет.

Виталий Анатольевич Богомолов – родился в 1948 г. в г. Тавде Свердловской обл. Прозаик, публицист. В 1978 г. окончил дневное отделение филологического факультета Пермского государственного университета. Работал в университете, затем в книжном издательстве, позже во вневедомственной охране и грузчиком, корреспондентом газеты «Сельское Прикамье». Член Союза писателей России с 1990 г. Лауреат Всероссийского литературного конкурса им. В. Шукшина (третья премия; 1998), областной премии в сфере культуры и искусства (1999).

Живёт в Перми.

От автора

В деревне жизнь крестьянская нередко трагическая, и, конечно же, об этом надо писать. Как нелегко достаётся хлеб, какими тяжёлыми усилиями он добывается. И если, случается, пьют деревенские люди, то не от хорошей жизни пьют, не от бескультурья, а от своего каторжного и беспросветного труда, далёкого от утончённой культуры, но всегда граничащего с тяготами, чрезмерными усилиями мышц и души, а нередко и с риском для жизни... А улучшения, просветления, облагораживания они не видят даже в далёкой перспективе. Разве не писательский долг – сказать об этом?

И не из квасного же или презренно-навозного патриотизма ценю я высоко труд Микулы Селяниновича, то есть – крестьянина, считая его профессию (тысячный раз готов в этом признаться!) по значимости первой в ряду всех других, а потому, что сам испытал я этот труд с малых лет и через это понял, прочувствовал и оценил его великое значение, его непреходящую вселенскую важность! Потому что страшнее голода нет ничего!

Вот потому и мечтаю о памятнике русской деревне, которого она, конечно же, давным-давно достойна, выстрадаала.

Часть 4. Перелом

*Высота горы, на которую ты
поднялся, определяется
глубиной ямы, из которой
ты выбрался.*

Сократ

Худая слава убежала вперёд меня

Из школы нас исключили сразу, как только мы там появились. Но я ещё целую неделю приходил на уроки литературы, которую очень любил. И преподавательница не выгоняла меня, видимо, сочувствовала, что ли. Но в дальнейшем приходиться самовольно на её уроки мне запретили.

Все эти события как-то вдруг изменили меня. Я захотел учиться и не иметь больше никаких дел с Вовкой Бабушенко. Хотел поступить в вечернюю школу, но меня не взяли; туда принимали только с шестнадцати лет, а мне было четырнадцать. Я пошёл к следователю Хохлову, но и он, имея желание, ничем не смог мне помочь. Никому в нашей школе, по сути, до нас теперь дела не было, это я хорошо почувствовал.

Много раз после вспоминал я этот переломный в моей жизни момент, когда оказался на развилке, и школа оттолкнула меня, сбившегося с пути, бросив без всякой поддержки на произвол судьбы в тот момент, когда я более всего – униженный, отверженный и опозоренный – нуждался в поддержке и мудрой опеке. Но знать, промыслом Божиим предопределено мне было не свихнуться на путь кривой и преступный...

Из школы нас тогда исключили, конечно, заслуженно, однако не просто лишили возможности учиться, но, по сути, открыли возможность продолжать преступную жизнь – так вышло, так получилось по факту. Эту риторическую

занозу в моей голове я пронесил всю свою жизнь. Очень обидно мне было за школу, за то её действие... Очень. Как-то неправильно получилось, мне казалось... Хотя, конечно, поделом, виноваты мы были во всём сами.

Ничего не оставалось мне, как собрать скромные пожитки и отправиться в свою Межовку, к маме с тёткой, которая после смерти Фёдора Никандровича считалась теперь хозяйкой нашего двора. Всё было записано на неё. Шёл конец февраля 1963 года.

Конечно, возвращаться в Межовку было мне нелегко. В первое время в деревне я боялся высунуть нос из дома, было мне очень стыдно, дурная слава моя убежала туда вперёд меня, прокатилась по всей деревне и давно уже поджидала там своего верного воспитанника, чтоб поизмываться над ним... Люди ещё не забыли мой первый побег из дома, который был менее трёх лет назад. А теперь-то побег получился с «ограблением» магазина... История эта мгновенно обросла невероятными слухами...

18 ноября 2016 года мне позвонил из Екатеринбурга Николай Меркурьев, сын того самого Ивана Филипповича, который меня в детстве раннем едва не насадил на пожарный багор за своего сына Лёньку. Но у Ивана, говорят, с психикой было не всё в порядке... Коле 5 декабря исполнится 64 года. И у него, возможно, с этим делом тоже проблемы... Я много раз слышал, что обострения происходят периодически, особенно в дни полнолуния. Он начинает звонить разным людям и нести всякое такое...

В разговоре он вспомнил мою маму и сообщил вкрадчивым голосом, но с уверенностью свидетеля, что-де в Кунгуре она из ревности застрелила капитана, оружие у него лежало под подушкой. Дали ей за это десять лет, но через пять лет освободили по УДО (условно-досрочное освобождение). Не может поверить, что она сидела по 58-й статье, за «контрреволюционную пропаганду» и полных десять лет.

А я в эти дни как раз мамины документы изучал и обдумывал, копия приговора у меня рядом... И от Колиных небылиц мне стало смешно. Сочинитель.

Рассказал он и про меня, стараясь при этом уязвить побольнее, что школьником я ограбил магазин в Уинском, украл несколько отрезков ткани, зарыл в снег возле дома, а муж моей сестры Ани, зять, нашёл их и так меня избил, что я неделю лежал, а потом меня полуживым увезли из Уинского в Межовку. Такую интересную легенду о себе я услышал впервые. Говорили, что двенадцать домов в карты проиграл – да. Иван Кузнецов принародно позорил меня походя, что я, бандит, могу хоть автомат раздобыть и всех перестрелять – да. Много наговаривали, жизнь-то скучная была, однообразная. Да в том возрасте мне и в голову не могло прийти воровать отрезки, тряпки...

Представляю, что мама тогда пережила из-за меня, как нелегко было ей смотреть людям в глаза, отвечать на их расспросы, терпеть подковырки. Мне самому казалось, что все тычут в мою сторону пальцем и говорят: «Вот идёт вор и бандюга!» Горькая печаль тогда «чистила» моё сердце, как червь ядро ореха.

Пошёл работать в колхоз. И сейчас думаю, что это было для меня благо. В противном случае попал бы я в какую-нибудь подлую компанию и давно окончил свои дни где-нибудь на зоне... После я много раз мысленно возвращался к этой ситуации, когда нас из школы за «отличную учёбу» и «примерное поведение» выгнали и, освободив себя от ответственности за нас, толкнули, по сути, на погибель...

За полгода учёбы в Уинской школе запомнилась мне только фамилия директора Быкова Фёдора Ивановича, имя преподавателя немецкого языка

Рудольфа, кажется, Владимировича и завуча Марсельезы Шигабудиновны, из-за её имени и отчества, таких необычных и поэтических. Всё.

Сегодня одно могу сказать: дело не в том, каким был человек, дело в том, каким стал. Коля Габов, благородный друг всей моей жизни, сосед Коли Меркурьева по Межовке, говорит, что Меркурьев жутко завидует (и давно), не может он смириться с тем, что я такой неблагополучный пацан: и мать сидела, и сам бандит-бандитом, и человек от сохи – стал писателем, а он, достойный большего, остался шофёром. А ему, утверждает он, есть что сказать. И признавался соседу, что пишет книгу про Межовку. Я представляю, сколько «сказок» и про меня он напишет в этой книге, если действительно пишет. Хотя это маловероятно. Полнолуние, обострение.

Итак, в Межовку мне возвращаться из Уинского было очень совестно, однако пришлось. Положение-то безвыходное. Конечно, смотрели на меня осуждающе, кто-то с надменными и презрительными усмешками. Позор свой я чувствовал, как девица, потерявшая честь и ставшая беременной; он жёт меня до боли в сердце...

В марте я уже работал в колхозе. С лопатой, вилами, ломом и топором предстояло мне пройти круг общественного чистилища...

До пятнадцатилетия оставалось больше двух месяцев, но я был ещё слишком жидковатым для тяжёлого физического труда, каковым является труд колхозника. Работать меня наряжали вместе с женщинами. В марте мы с ними чистили от снега складские крыши, потом переключились на стога сена возле фермы, притянутые сюда по осени тракторными волокушами. С них тоже предстояло свалить огромные снежные шапки и очистить снег вокруг каждого стога до земли. Занимались перевеской зерна на складе, перетаскивая его из сусека в сусек через весы, специально для этого приспособленной деревянной бочкой с дырками в боках, сквозь которые пропущена палка для переноски вдвоём. Поворачиваешь на палке бочку кверху дном – зерно высыпается... Всё рассчитано с учётом загрузки и центра тяжести.

Когда снег сошёл и начала подниматься молодая трава, меня стали угрожать пойти опять пастухом колхозного стада коров. А мне так не хотелось, меня тянуло уже к технике, я желал пойти в прицепщики, но в прицепщиках нужды не было, а вот на трудное и, главное, невыносимо нудное дело – пасти коров – никто не хотел. Пришлось мне с тяжёлым сердцем согласиться. Мы оказались в прежнем составе: Виктор Михайлович, Валентина Кузьмовна (в деревенском обиходе – Валька Кузькина) и я.

Виктор Машин

Стоит сказать, что пастьба стада – дело не такое уж и лёгкое: надо не просто продержаться на зное длинный день под жгучими лучами солнца, или под дождём в ненастье, но необходимо хорошо накормить коров, чтоб они дали больше молока. От этого зависит план, от этого зависит заработок доярок, ну, и мой пастуший тоже. Два лета подряд мне довелось пасти большое колхозное стадо коров. Первое лето – после седьмого класса и только в каникулы, а второе – после исключения меня из школы – от первой травки до первого снега. Нас, пастухов, было трое, как я уже упоминал: Виктор-инвалид, Валька-полудурочка и я, можно сказать – полный придурок. Пасли по двое. Два дня от восхода до заката пасёшь, на третий у тебя выходной.

Валька пасла пешком, у нас с Виктором были лошади. Без коня со стадом в сто двадцать голов управиться двоим просто физически невозможно, каким бы ни был у пастуха богатым запас матерных слов, которые коровы понимали великолепно, а набегаешься так, что вытянешь ноги к вечеру первого же дня... Да, коровы на своём уровне понимают всё, и когда видят, что ты на лошади, то ведут себя совершенно по-другому, зная, что спуску им не будет. А пешком попробуй её догони, завори в нужную сторону...

С утра, пока не разыгрался зной, коровы пасутся спокойно, с аппетитом щиплют травку. Но солнце с каждой минутой палит всё жарче, всё больше разрастается над стадом туча кровососущих слепней, оводов и мух... И вот одна какая-нибудь корова, самая, видимо, слабонервная, не выдерживает, задирает хвост вверх (это сигнал) и даёт ходу, за нею это же делает всё стадо, срывается с места и как угорелое несётся к воде, к водопою. Коровы по брюхо забираются в реку и стоят неподвижно и час, и два... Здесь их не донимают насекомые, и от воды прохлады. За это время и сам ты накупаешься, наплаваешься, нанырнешься до посинения.

Но надо знать и меру, пора обратно выгонять стадо на пастбище...

В ненастье, по прохладе стадо пасётся хорошо, наедятся коровки, лягут отдыхать. А ты весь мокрый от дождя, от кустов, от высокой травы. И костёр развести непросто, чтоб обогреться и обсушиться.

Виктор был с 1925 года рождения, фронтовик, инвалид войны. Призвали его в восемнадцать лет, в сорок третьем году. Прошёл он снайперские курсы, кажется, в городе Моршанске, и после этой скороспелой подготовки был отправлен на передовую, охотиться за немецкими снайперами. Но воевал совсем мало. Враг не дремал, тоже охотился за russische Scharfschützen. Немец, видимо, более опытным оказался, опередил его.

Однажды, когда Виктор по-пластунски полз между кочками по берегу озера, разрывная пуля немецкого снайпера попала ему в правое предплечье и вспорола руку от ребра ладони вдоль кости до самого локтевого сустава. Лечился Виктор что-то около года в городе Кулебаки Горьковской области. Рука осталась целой, но полумёртвой, его после так и обзывали деревенские злые люди – сухорукий: из-за порванных сухожилий действовали только два пальца, большой и указательный. Но для него и это была награда: когда не отрезали всю руку, так и двум пальцам рад! После лечения был комиссован, в 19 лет вернулся домой инвалидом.

По отчеству Виктор звался Михайловичем, но деревенские величали его за глаза – Витька Машин. По жене Маше, Марии Фёдоровне.

Родовая усадьба Виктора находилась в другом конце деревни, в Болотовке, так называли нижний конец нашей деревни, выходивший к болоту, и когда мы пасли стадо недалеко, когда коровы, наевшись травы, ложились отдыхать, он ездил на обед к своей старой матери. Виктор навещал её часто, отзывался о ней всегда очень уважительно, и если не удавалось навестить её днём, то нередко ездил к ней вечером, когда мы загоняли стадо в ферму на вечернюю дойку, которая продолжалась обычно час с небольшим. Ну и, конечно, всегда помогал матери по хозяйству. Несмотря на покалеченную руку, он не пасовал ни перед какой работой. И собственное крепкое хозяйство содержал на редкость в исправном состоянии. Помню, даже огороды пахал, ходил за плугом, налегая на поручи.

Виктора давным-давно нет в живых. Сегодня я вспомнил его и неожиданно поразился вот чему. Никогда Виктор Михайлович не говорил мне о своей

любви к матери, никогда не наставлял, что мать нужно уважать, беречь её, помогать ей. Но своим отношением к матери, своими уважительными поступками он такое же отношение закладывал, оказывается, подсознательно и в меня.

Я работал, стал добытчиком, становился постепенно другим. Чувствовал, что детство моё заканчивалось... Переходил в другой возрастной период – ранней юности.

Нет, я своё детство ни в чём не виню, не упрекаю, не ругаю, не презираю. Да, оно было не таким, каким хотелось мне видеть его после, став взрослым. В нём оказалось много тяжёлого, горького и безрадостного. Если б оно было чуточку помягче, поменьше бы осталось в душе горести, которая и до сих пор не растворилась, не растаяла. Как сказал Н. Лесков в повести «Детские годы», «я во всю жизнь мою не переставал грустить о том, что детство моё не было обставлено иначе...» И всё-таки оно, детство моё, было прекрасным, было замечательным и бесценным. Именно оно сделало меня тем, кем я стал, оно сделало меня таким, каким я стал. Я ни о чём не жалею.

Стоял прекрасный тихий вечер

Итак, в начале мая 1963 года я снова пастух колхозного стада.

В этот день мы стадо пасли с Виктором. В шесть часов загнали коров на вечернюю дойку. Каждая бурёнка послушно заняла своё привычное место, позволила доярке пристегнуть себя на цепь. В кормушках была разложена аппетитная зелёная подкормка, в автопоилках – чистая вода. Доили коров ещё вручную. За каждой дояркой была закреплена группа в десять-двенадцать голов.

Мы с Виктором привязали лошадей возле кормокухни, а сами уселись на беспорядочную гору дров, колотого метровника, и решили потеревить свои полевые сумки, добить то, что за день не было съедено. Наблюдаем, как к двери кормокухни подошёл кот Васька, который обитал на ферме. Вот он припал к щёлке и начал воинственно бить хвостом. Мы уже знали, что сие означает. Я тихонечко подошёл к двери и резко распахнул её. Васька молнией метнулся вовнутрь, там раздался пронзительный панический писк тревоги – крысы, собравшиеся на кормёжку к ларю с мукой, бросились врассыпную. Но одна из стаи, как и всегда в таких случаях, стала жертвой Васьки. Задушив её, кот брезгливо отряхнулся и ушёл обратно на улицу, отправился в ферму, снимать пробу с парного молока. Для этого у него была там своя «фамильная» площадка.

Стоял тихий, умиротворённый летний вечер. И вдруг в воздухе шум, затем раздался сильный деревянный треск, я глянул в ту сторону и, ошеломлённый, вижу, как крыша длинного корпуса коровника в середине прогнулась седлом, с грозным треском просела. Из длинного корпуса фермы с дикими воплями в обе стороны выбегают доярки, и уже в следующее мгновение раздался ещё более страшный треск брёвен, смешавшийся с рёвом животных – вся ферма рухнула на стоящих в ней коров. Лишь бык, привязанный с краю, порвал цепь и выскочил на улицу. Это налетел вихрь. Доярки успели выбежать все, только пожилую женщину Любу Чеснокову, пришедшую на дойку помогать дочери Лене, уже на самом выходе, в тамбуре, стукнуло бревном, сбило с

ног, оглушило, но ничего не поломало, не покалечило, просто ушибло. Из-под рухнувшей на коров фермы доносился разрывающий душу и сердце жалобный рёв покалеченных бурёнок, взывающих о помощи...

Я вскочил на свою Ласточку и, нахлестывая её по бокам, погнал галопом в деревню, мчался по улице, крича во весь голос: «Ферма пала! Ферма пала!» Пролетев на обезумевшей лошади до конца деревни, повернул обратно, собирая народ. Поднялась вся Межовка. У кого были мотопилы, те пришли с ними, кто с топорами, кто с чем. Разламывали крышу. Распиливали стены. Приехали два колёсных трактора «Беларусь», растаскивали брёвна тросами. Весь вечер люди разбирали завал, пока не высвободили всех коров.

Погибло восемнадцать животных... Вот сейчас я пишу это и не могу сдерживать слёз... Страшная была картина: мёртвых коров, зацепив тросом за рога, оттащивали трактором в сторону. В одно место. Тут же резали живых, но обречённых животных, разделяли, чтоб хотя бы мясо их пустить в дело. Двадцать коров было покалечено, которых удалось вылечить, и со временем они вернулись в стадо, которое заметно уменьшилось. Одна из них до сих пор стоит перед глазами: выжила, но позвоночник сросся уступом, хребет у неё был ступенькой. Возможно, она страдала от постоянной боли, но никак не могла на это пожаловаться...

Стоял прекрасный тихий вечер, на небе ни одного облачка, полный штиль. Откуда налетел этот свирепый ураган? Он прошёл узкой полосой – двадцать-тридцать метров, в лесу оставил за собой полосу поваленных деревьев. И надо же такому случиться, что ферма оказалась именно на его пути...

Под коровник оборудовали телячью ферму, а на месте рухнувшего корпуса выстроили новый, из гипсоблоков. В возведении его стен мне довелось принимать даже участие: подносил и подавал гипсовые блоки...

Если бы всё подробно в жизни описывать, то и самой жизни не хватило бы на это, потому что это и была жизнь. Но кое-что, думаю, невозможно опустить, важное для меня.

Кабы на добра́ коня не споты́чка...

В этот раз мы стадо пасли с Валентиной. Коровы спокойно ели травку, часть из них прилегла отдыхать. Лошадь я никогда не треножил, она свободно паслась рядом или вблизи стада. Так было и в этот раз. Когда коровы широко разбрелись и понадобилось их завернуть, я стал смотреть, где моя Ласточка, но её нигде не было. Я звал её. Обошёл кустарники – нигде Ласточки нет. Понятно, видимо, сбежала на конный двор, хотя прежде такого за нею не водилось. Пришлось мне обходиться без лошади. Окончив пастьбу, по дороге домой, я заглянул на конный двор – лошади на месте не было, и не приходила. Я забеспокоился. Не появилась и утром следующего дня.

Три дня бродил я по полям и лесам, оглашая их кличкой «Ласточка!»; обходил окрестные деревни, прошёл по окраине села Малый Ашп, спрашивая, не видел ли кто-то лошадь под седлом? Никто не видел, нигде я её найти не смог. В правлении мне пообещали, что лошадь поставят на счёт, и я буду платить за неё, за седло тоже. Прикидывали: года на два хватит. Я был очень подавлен. Но надеялся, что, может, объявится где-то моя Ласточка, пусть шумит, украдут новое седло, но хоть сама-то она придёт...

На четвёртый день я вышел на свою работу – пасти. Вечером опять заглянул на конный двор – не было Ласточки. Утром, идя на работу, снова наведалься на двор. Конюх, Иван Заозёров, сказал: «Прибежала утром рано твоя Ласточка. Под седлом. Я её расседлал, лежит в тамбуре». Я пошёл к ней, лошадь была невесёлая, как будто загнанная, голова понурая. Мне пришла догадка, что лошадь кто-то незаметно подманил в кустах, сел на неё и угнал куда-то далеко... Загнали лошадь, запалили...

Вечером этого дня мне сообщили, что Ласточке моей пришёл конец. Я был в шоке. Приехал ветеринар, произвёл вскрытие. Установил, что лошадь наглоталась где-то удобрений...

Платить мне за неё не пришлось, списали, но пасти теперь я был вынужден пешком. Это было невозможно, когда выпадало пасти с Валентиной, и мы оба оказывались пешими, не хватало никаких слов, чтобы управиться со стадом. Но другой лошади мне колхоз дать не мог, не было лишних лошадей, Ласточка, как и Тоник Виктора Михайловича, была выделена специально для пастьбы, хотя в зимнюю пору они работали в упряжи. Стадо телят ребята пасли тоже на конях. У них одна из лошадей была по кличке Матроска, тёмно-каряя, низкорослая, но исключительно красиво ходила рысью, и в зимнее время на свадьбах её всегда запрягали в кошёвку и наряжали для жениха и невесты. Кличка второй кобылы, очень высокой, ужасно своенравной и уросливой, была Яблонь...

Начальник Межовского участка колхоза, Александр Сергеевич, распорядился, чтоб мы с Виктором Михайловичем пасли на одной лошади; когда Виктор на выходном, чтобы я пользовался его конём.

Тоник был мерин с большими ногами, он постоянно спотыкался. Когда-то его разгорячённого после работы напоили холодной водой (а этого категорически нельзя), и конь обезножил. Виктор работал на Тонике постоянно: летом пас на нём стадо, зимой возил на нём, что заставят.

Мне этот мерин не нравился, высокий, неуклюжий, как на ходулях, но выбора-то не было. Пас я на нём, пас, и в один из дней он преподнёс мне сюрприз. Я обгонял и заворачивал стадо, ехал рысью, и сделал резкий поворот влево, при пастьбе стада – дело обычное. И Тоник, как подрезанный, упал на левый бок, и всей своей меринской тяжестью придавил мою левую ногу, а деревянная полка седла угодила как раз на колено и повредила мне подколенные сухожилия. Боль была неопишуемая! Но всё же я с трудом забрался в седло поднявшегося Тоника, стадо надо было пасти, управлять им. В какие-то моменты приходилось неизбежно переходить на рысь, а это значит, что ногами ты упираешься в стремяна, ритмично подсакиваешь в седле, колени сгибаются и разгибаются. А я от боли не могу согнуть левую ногу даже на сантиметр. Сажу в седле и беззвучно реву.

Ванька Ворошнин, сосед, он пас телят, стадо которых они прогоняли мимо нашего стада, подъехал, спрашивает, чего я слёзы лью. Я соврал, что чирей на спине очень болит.

Чирьев в то лето я действительно износил немало. Когда мы отпускали коров к реке на водопой, они по брюхо и выше погружались в воду, спасаясь от оводов, и могли там стоять, если их не выгонишь обратно на пастбище, по нескольку часов. Я в это время не вылезал из воды. А в Ирени, надо сказать, вода всё же довольно прохладная. Я испростыл, и по мне пошли чирьи, один сменяя другого. А когда чирей нарывает, то он доставляет такие боли и мучения, что, как говорится, не приведи Господь.

Но в данном случае чирей был ни при чём. Виктор Михайлович знал особенность своего Тоника – падать при резком повороте на бегу, но меня об этом не предупредил. Как много позже я узнал, он и сам падал вместе с Тоником, но более удачно, чем я.

По окончании работы я приехал на конный двор, расседлал Тоника и отпустил его в леваду, а домой идти не могу, скрючило ногу, и не разогнуть – невыносимая боль. А идти до дома от конного двора километр. Три дома я с трудом миновал. Никто мне, к счастью, не встретился, потому что слёзы позорным ручьём катились по лицу моему. Между домами Лазаревых и Петра Егоровича был проулок, и чтоб не быть посмешищем, я спустился по нему под огороды, к речке Межовке, уж здесь-то мне точно никто не встретится в эту вечернюю пору. Подобрал палку и, опираясь на неё, покостылял, а кое-где и на боку пополз домой. Наверное, не меньше часа одолевал я этот километр. Хорошо, что следующий день был моим выходным. Три дня пролежал в своей постели на сеновале не в состоянии приступить на ногу. В медпункт пойти я не мог, а вызвать фельдшера домой не решился, стеснялся: ведь ни крови, ни раны нет, просто сильный ушиб...

Подобные случаи были некими чёрными вешками в череде солнечных, светлых и радостных дней ранней моей юности.

После вечерней дойки коровы обычно паслись уже недалеко от фермы на прибрежных, пойменных лугах, по вечерней прохладе они здесь спокойно щипали скудную подбитую травку, никуда не рвались. И нередко в такую пору один из нас по договорённости и по очерёдности уезжал-уходил домой, Виктор Михайлович частенько навещал свою мать в Болотовке, а я подавался поскорее на волейбольную площадку, или в кино, если такое было в клубе. Волейбол у нас был самым доступным, самым популярным и любимым увлечением не только молодёжи. Здесь, когда позволяла погода, собирались мужики и среднего и старше среднего возраста, поболеть, покурить, пообщаться, поделиться жизненным опытом. Молодёжи было столько, что порой желающим сыграть надо было ждать окончания партии, чтоб занять место на волейбольной площадке. Играли с азартом, болели – тоже.

Потом, уже поздно по сумеркам, парни разбредались с девчонками куда-нибудь в укромные места кормить комаров...

В один из вечеров после дойки пришлось мне пасти стадо одному. Загонять на ночлег надо было в одиннадцать. А где-то около десяти часов напоздла с юго-запада туча, чёрная, грозная, не обещающая ничего доброго, зловещая. Надо было мне плюнуть на то, что до одиннадцати ещё чуть не час, да загнать поскорее коров в леваду. Но я этот момент упустил. Началась гроза, поднялся ветер, косые струи ливня погнали стадо от фермы, я пытался, изнемогая в крике, завернуть стадо к дому, к леваде, но невозможно было заставить коров идти против ветра и дождя. А дождь хлестал, не ослабевая, очень скоро я промок до последней нитки... Я носился, как Чапай перед панически бегущими с поля боя солдатами, и не мог ничего сделать. Заворачивал стадо к ночлегу, оно тут же поворачивалось задом к дождю, к ветру, устремляясь в луга, в согра – в кусты, в лес. Уже стало совсем темно. Дело дошло до нехороших слов, до истерики... Не знаю, какими усилиями мне всё-таки удалось загнать их в леваду, и только к полуночи я был дома, а редкой мощи гроза ещё долго не унималась, полыхая какими-то безумными вспышками молний, освещая всё пространство синим светом, сотрясая округу громовыми ударами невероятной силы, от которых вздрагивала земля.

Р. С. Этим летом (1963 года) тётка Катя наняла плотника Степана из Нижнего Сыпа, который строил нам дом, чтоб он теперь перебрал сарай, до сей поры покрытый соломой. После смерти Фёдора Никандровича она получала 50 процентов его пенсии, это было всего около тридцати рублей, но она скопила какую-то сумму. Конечно, и мама помогла; наверное, какая-то часть и моего заработка пошла. Степан вкопал пару новых столбов, заменил обвязку, поставил стропила, обрешетил их, покрыл крышу тёсом. Следующий этап перестройки хозяйства придётся ровно через двадцать лет проводить исключительно мне, когда Кати уже не будет в живых. А в 63-м году мы с Катей сильно конфликтовали.

Невзирая на инвалидность

Виктор Михайлович оказался мастером по выращиванию самосада и признавал табак исключительно своей выделки. Он умел ухаживать за ним, как добрая хозяйка за помидорами. Табак у него был такой свирепый крепач, что редко кто «стрелял» у него закурить, не могли мужики выдержать такую злую крепость, захлёбывались и впадали в буйный кашель.

Табачный лист был настолько силён (думаю, и сигары не могли бы с ним соперничать), что он примешивал к нему измельчённые в крупку стебли. Я в пятнадцать лет стал уже открыто покуривать, хотя в Уинском мы с Вовкой Бабушенко курили тайком. Виктор Михайлович дал мне отведать своего фирменного табака, протянул кисет, я завернул самокрутку, склеил её, подпалил, и, раскурив, затянулся. Будто броневой снарядом ударило мне в грудь: дыхание моё остановилось, лёгкие сжались в куриный гребешок, спазмы стянули всё нутро... Наконец всё перешло в кашель и невольные слёзы. Я стал, наверное, зелёным; думал – умру... Виктор Михайлович хохотал, довольный крепостью своего самосада. Он с гордостью говорил, что это ещё не чистый лист, а с добавлением стеблей, чистый лист он теперь уже не может курить, слишком крепок.

И стоило такую отраву запускать в свои лёгкие, размышляю я сейчас, после бесцётных попыток бросив окончательно курить в январе 1983 года.

Виктор был среднего роста, коренастый, энергичный, подвижный, круглолицый, скуластый, очень темпераментный. Когда выпивал спиртное, становился необыкновенно говорливым; голос имел резкий, пронзительный, далеко слышно, когда общаешься с ним, подвыпившим. Жена Виктора была старше его на 18 лет. До революции её семья, по рассказам старожил, жила очень богато, торговали, держали лошадей, занимались извозом. Виктор взял Машу уже со взрослой дочерью Надей, которая была, пожалуй, не намного моложе самого Виктора. Вернее, он пришёл примаком к Маше в дом, добротный, просторный – пять окошек на дорогу, с крепким хозяйством. Никакое дело у него из рук не валилось, невзирая на свою инвалидность, он мог делать любую крестьянскую работу, и хозяйству прийти в упадок не позволил бы.

У них с Машей была и совместная дочь, Галина, года на два моложе меня, которая уже в третьем классе возила в сенокосную пору на лошади копы наравне с ребятами. Женщин Виктор любил, случалось, из-за старой жинки погуливал. И ещё у трёх, как минимум, одиноких женщин росли в Межовке от него дети, сыновья, в том числе у слабоумной очень неопрятной Вальки, с которой он пас коров. Ну, целый день на природе вдвоём с женщиной, даже с

такой – искушение... Да если ещё случится быть под хмельком... Кроме руки, у него всё было на месте.

Иногда своими любовными похождениями он доверительно и откровенно делился со мной. Он вообще был очень словоохотливым и общительным человеком и о чём только ни рассказывал за длинные, как год, пастбищные дни...

До пастьбы коров Виктор в летнее время работал на жнейке, пока их не вытеснили комбайны, потом на двуконной косилке, пока их не вытеснили тракторные косилки. Работа на конной косилке напряжённая, в течение долгого летнего дня здесь нужна была постоянная сноровка, чтоб одновременно, слушая однообразное стрекотание режущего аппарата, держать своё внимание и на управлении вожжами пары лошадей, чтоб они шли строго по краю, и следить за высотой среза, и всевозможными помехами и препятствиями: кочками, бугорками, пнями, кустами. У Виктора всё это получалось как ни у кого другого. Рассказывал, что много при этом гибнет в траве зайчат, особенно когда приходится докашивать массив и зайцы прячутся в уменьшающемся островке травы...

Я был, наверное, студентом, когда Виктор с Машей продали своё жилище и переехали в Уинское, здесь купили себе небольшой дом. После смерти Маши Виктор Михайлович жил один; по природе очень общительный, помогал всем соседям, чем мог. Умер в самом конце девяностых, в мае на восьмом десятке лет, но неожиданно. Накануне договорился о посадке картошки с соседями, пообещал, что поможет им, да утром не проснулся уже навсегда.

Мой сосед – тракторист

Сосед мой, Коля Пастухов (по детской оплошности которого, меня в четырёхлетнем возрасте, не забуду, и переломало тележным колесом) теперь уже работал самостоятельно на стареньком издавшем виды тракторе ДТ-54 с самодельными деревянными дверцами в кабине. Хотя был Коля всего двумя годами старше меня, ему было семнадцать. Он окончил краткосрочные курсы трактористов при центральной усадьбе колхоза «Урал», и ему доверили этот старенький трактор, доживающий свой короткий век. Шла августовская уборка хлебов, и он пахал зябь, так называется вспашка земли после уборки хлебов, осенняя вспашка с подготовкой полей уже к весеннему севу. На вспашке он работал один, прицепщика у него тогда почему-то не было. Да он и без него обходился замечательно: от рычага автомата плуга была протянута в кабину верёвка, дёрнув за которую, можно было раму с отвалами поднять, поставить на автомат, или опустить для вспашки.

Работать с техникой оставалось моей мечтой, и когда Коля трудился в ночные смены, я прибегал к нему в поле поката́ться на тракторе, поехать на плуге, нажимая рычаг автомата, поднимая отвалы в конце загона перед разворотом, или заглубляя в землю после разворота. Иногда Коля разрешал мне поуправлять трактором, а это была вершина моих желаний.

В ночную смену работать тяжело, особенно ближе к утру, спать хочется – глаза слипаются против воли твоей под монотонный убаюкивающе ровный гул мотора... В такие моменты Коля останавливал трактор и валился на сиденье, чтоб вздремнуть часик-полтора. Его мать-трактористка в войну запахла сонная своего сонного же прицепщика-подростка Федьку¹... Она, наверное,

¹ Этот случай описан у меня в рассказе «Тятка с мамкою ругают».

и наставляла теперь сына Колю: захочешь спать – лучше останови трактор да вздремни... Меньше будет беды.

А я, случалось, уходил в такой момент в омет свежей соломы, забирался на него и спал, зарывшись в солому. Именно на исходе таких ночей я навсегда был поражён чудом восхода летнего солнца, наблюдая, как в четыре часа утра безжизненную линию горизонта в стороне Вторых Ключиков прожигает малиновый непомерно раздувшийся за короткую ночь величественный шар светила. Вначале прорезается тоненькая скобочка-горбушечка, скоро разрастающаяся в сегмент, полукруг, а потом выкатывается уже всё завораживающее огненное колесо...

Это было настолько захватывающим зрелищем, что каждый раз я немел с изумлением дикаря, очарованный красотой, любовался восходом будто впервые. Непередаваемые ощущения, корни которых гнездятся, несомненно, в глубине тысячелетий, уходя в первобытную тьму существования человека. Вот какая древняя наша любовь к родине!

По завершении пастбищного сезона я работал в бригаде – куда бригадир нарядит, чаще всего на лошади: возил сено, солому, силос, дрова, мешки с зерном и мукой, снопы льна, навоз и т. д. и т. п. Порой с тем же соседом Колей на тракторных санях в компании четырёх человек отправлялись в поля за соломой или сеном, нагружали высокий, широкий воз, стягивали его берёзовым бастригом (у нас его называли так) и везли на ферму.

Глядя на нынешних подростков шестнадцати-семнадцати лет, я не могу поверить себе, что в пятнадцать лет уже работал в колхозе наравне со взрослыми, порой надрывая неокрепшие мускулы непосильной работой...

После того, как меня исключили из школы, мне довелось пережить – по тому, как относились ко мне тогда окружающие люди – период самый унижительный и тяжёлый в моей жизни. Сполна испытал и глубоко прочувствовал я тогда горькое положение отверженного человека – пария¹... Долго пришлось мне носить неутраченную язву напраслины... Некоторые, как Михаил (Степанович) Рогожников, или надменный, амбициозный и циничный Иван Кузнецов, с каким-то мстительно-радостным презрением, со злорадством «вешали на меня всех собак».

Но верно сказано в народе, что время лечит всё в природе. Обживёшься, так и в аду ничего, есть пословица. Время шло, жизнь моя менялась. Днём я работал, как все, вечерами приходил в клуб, как все молодые. Здесь был биллиард со стальными шарами, проходили танцы и игры; раз, иногда два в неделю показывали кино. В красном уголке лежали на столе подшивки журналов «Огонёк», «Крокодил», «Сельская молодёжь» и нескольких других. Приобщался к новой для меня обстановке, незаметно вращался в неё, становился одним из многих, одним из всех. Ко мне привыкали. И девчонки уже воспринимали меня всё с меньшим, постепенно иссякающим презрением. Вчерашнее уходило в прошлое, видоизменялось, вытеснялось новым потоком событий, впечатлений, мало-помалу забывалось... Но забывалось не мной, конечно. Во мне эта рана пока не заживала, она горела и кровоточила...

В доме нашем атмосфера была теперь другая, спокойная. Дух деспотизма исчез. Бориске, племяннику моему, исполнилось семь лет, и он пошёл в первый класс. Аня очень редко навещала нас. Не доведённый до ума свой дом, выплата ссуды, маленький Валерка, спивающийся муж – всё это

¹ Пария – представитель низшей, бесправной касты в южной Индии.

требовало с её стороны большого душевного напряжения и немалых физических усилий.

Шёл второй год, как не стало Фёдора Никандровича.

Конечно, сказать, что никакой обиды на него в душе моей не осталось, значит слухавить... Но с годами я всё ему простил. И остался только благодарен, что научил он меня работать, научил многим крестьянским премудростям, добросовестности, требовательности в деле. Иногда он рассказывал разные интересные истории из своей жизни. Всё это пригодилось впоследствии мне в жизни, в моей писательской работе. Господь вёл меня по судьбе и дал мне испытать и пройти тем путём (пусть даже унижения и позора), который необходим был для моего утверждения на будущем писательском поприще. Впоследствии я не высасывал свои книжки из пальца и из чужих архивных и литературных трудов, мои книжки, какими бы они ни были, обеспечены моей собственной судьбой.

Слава Всевышнему за всё!

В ком-то может вызвать неприязнь, что я нередко упоминаю в своих писаниях Бога, ссылаюсь на Его промысел. Но в мои лета, с моим опытом прожитой жизни было бы уже противоестественным нечто противоположное. Да и не навязываю же я никому своих взглядов, понимая, что танком в церковь не затащишь.

Голова с конденсатом

Бригадиром тракторной бригады в то время работал Виктор Антонович Пастухов. Сам он был роста маленького, кажется, метр сорок с небольшим, из-за роста его и в армию не взяли. А жена у него, Таисья, – высокая, крупная, под метр восемьдесят, он ей даже до плеча не доставал. Но – любовь, ребят настряпали аж пятёрку... Ко мне Виктор Антонович относился как-то с пониманием, что ли, сочувственно. По крайней мере, не с безразличием. Мне кажется, у него было желание, чтоб я стал нормальным человеком, а не тем «бандитом», какого во мне видели некоторые люди в деревне.

Начальник колхозного участка – Александр Сергеевич – планировал меня на лето 1964 года снова в пастухи, а я упёрся и категорически не хотел, у меня тогда было невероятное желание пойти работать прицепщиком. Виктор Антонович поддержал меня и взял к себе в тракторную бригаду.

Но работать мне выпал жребий не на ДТ-54, а на «стиляге», так в народе прозвали этот уродливого вида тракторишко за его узкие короткие гусеницы, высокую посадку и вынесенную далеко вперёд моторную часть. Он был предназначен для южных областей, для работы с навесными орудиями при обработке кукурузных полей. Этой культурой было поражено воображение тогдашнего правителя нашей страны – Никиты Хрущёва. Уральским нашим полям такой трактор нужен был, как ёжику сарафан. «Королева полей» здесь из-за сурового климата никак не хотела расти... Даже тогда, когда под неё отдавали самые лучшие земли. И «стилягу» использовали по обычному назначению: и пахали и боронили, и культивировали и сеяли... Трактор был вообще-то дрянной, работать на нём никто не рвался, ходовая никуда не годная: сделал по неосторожности чуть порезче поворот – гусеница капризно соскакивала с ведущей звёздочки. Вот и тыркаешься с ним, вместо того чтобы зарабатывать.

Дело прицепщика – своевременная смазка прицепных орудий, помощь трактористу в технических уходах, в заправке. Короче, на побегушках, на подхвате, помощник. Но почётная должность, и с техникой интересно, романтика. Весенние работы начинаются у нас с закрытия влаги: трактора таскают по полям сцепки борон и рыхлят ими поверхностный слой почвы, разрушая сложившуюся за зиму структуру и тем препятствуя быстрому высыханию земли. Ну, и сорняки попутно уничтожаются.

Поначалу я работал с Алексеем Заозёровым, но его временно забрали на другую работу, а меня перевели к его сменщику – Николаю Тёплым, или просто Коле, как все звали его с иронией и даже с оттенком некоторого пренебрежения. Он был мужем Нади, приёмной дочери моего напарника-пастуха Виктора Тёплым. В тракторной бригаде Коля был объектом постоянных шуток, насмешек и подтруниваний. И надо быть шибко терпеливым, чтоб всё это сносить. Коля был тугодум, терпеливый и принимал насмешки как должное. Возле кладбища Коля (и это человек, чуть ли не побывавший на войне) ни за что не будет работать ночью один, прицепщика из кабины даже по малой нужде не выпустит: боится покойников. А у Алексея можно было отпроситься и в клуб сбегать вечером на часик-полтора, он отпускал, если работали недалеко от деревни.

В ту ночь мы с Колей закрывали влагу на массиве гектаров в двадцать, над самой деревней, выше конного двора. Всё шло хорошо, да среди ночи «стиляга» у нас вдруг заглох. Дело обычное, случается: сплеховал тракторист, не рассчитал и не успел переключить скорость на подъёме или в сыром месте на более низкую, и мотор от натуги захлебнулся...

Коля вышел из кабины, снял щит капота, стал заводить пускач, это бензиновый одноцилиндровый моторчик в десять лошадиных сил, с помощью которого запускают основной, дизельный двигатель.

Наматывает Коля шнур на шкивок – дёрнет. И так много раз: не заводится никак пускач и всё. По очереди мы с Колей так надёргались, что от рук отстали. И свечу меняли и прокаливали её, плеснув бензина в консервную банку и поджигая его.

А время идёт, надо же норму выполнять, спросят; весенний день, говорят, – год кормит. Здесь, правда, была весенняя ночь. И посылает меня Коля домой к бригадиру тракторной бригады, к Виктору Антоновичу, который разбирается в технике не хуже любого механика.

Начало мая, холодно, на почве подмораживает, корочка, меня знобит, четыре часа, ещё темненько, самый сон под утро – ноги не шагают, глаза слипаются. Дошёл я до избы бригадира, побарабанил робко в главное окно. Виктор Антонович скоро отозвался, видимо, чутко спал; открыв задвижку, высунул голову на улицу. Я объяснил, в чём дело. Он с досадой шумно вздохнул, привычно снарядился без задержки, пошли. Благо, что идти было недалеко, метров шестьсот-семьсот.

Пришли. Виктор Антонович тоже для начала намотал шнур на шкивок, сопит недовольно. Дёрнул раз, прислушиваясь для оценки дела. Говорит Коле:

– Дай ключ на двенадцать.

Тот подал. Виктор открутил пробку картера пускача, снова намотал шнур на шкивок, дёрнул ещё раз – из отверстия выбросило струю воды с пузырьками воздуха. Продул он таким способом картер несколько раз, завернул пробку, говорит категорично:

– Заводи!

Коля дёрнул разок – движок завёлся. Ох, и потряс Коля от удивления головой своей, ох, и похмыкал. Ещё бы, причина-то была простейшая – конденсат: влага от перепада температуры скопилась в картере постепенно больше допустимого, давно не продували... Но такой уж Коля был знаток техники, такой тракторист.

– Хм, конденсат! – всё приговаривал раз за разом в недоумении Коля, наяривая по привычке коленкой и заворачивая самокрутку из махорки перед продолжением работы. – Хм, конденсат!

Для него было это неожиданным открытием. Меня, подростка, тогда это тоже очень поразило, на всю жизнь запомнилось. Виктор Антонович разобрался в технике, чувствовал её, знал много тонкостей.

– В голове у тебя, Коля, конденсат! – усмехнулся укоризненно Виктор Антонович, вздохнул как-то безысходно и пошёл домой досыпать. На днях начнётся посевная, всю технику выгонят на поля, там уж нормально совсем не поспишь, только урывками...

Потом Алексей Заозеров вернулся. Мы с ним в ночную смену сеяли на спецсеялке лён на поле против Пронинских ворот. Я стоял на сеялке. Помню, что задняя фара не светила. Льняное семя мелкое, расход его малозаметен. Но через несколько гонов я заметил и выяснил, что из правой секции семя не убывает, зажёт спичку – вал высевающего аппарата неподвижен, шплинт срезало. Устранили мы неисправность, работаем дальше. Засеяли поле.

Когда лён начал всходить, то обнаружилось: четыре-пять полос (на полсеялки) – через всё поле позорно чистые прогоны. Дорога рядом, а они перпендикулярно дороге – всё на виду. Агроном Раип, человек ответственный, добросовестный и очень исполнительный, увидел – ужаснулся.

Не забыть, как по настойчивости агронома мы с Алексеем, повесив на шею перед собой на проволоку по ведру, ходили вдоль этих полос и дедовским способом разбрасывали семена, сеяли лён. К счастью, он взошёл и со временем огрехи наши спрятал.

Раип, если погода позволяла, всегда ездил по полям на велосипеде, а жил он в селе Малый Ашап, в восьми километрах от Межовки. За всё время только один раз я видел этого человека подвыпившим. Он ехал неровно по тропинке на своём велосипеде и благодушно напевал песенку «Крутится, вертится шар голубой». «...Вот эта барышня вся в голубом...» – именно эти слова я слышал, когда он проезжал мимо меня. «...Вот эта барышня вся в голубом...» Запомнилось.

Сегодня, теперь, сейчас я понимаю, насколько это был чистый и благородный человек, колхозный интеллигент.

Штурвальный

В июле меня определили неожиданно к комбайнеру Геннадию Зыкову в помощники – штурвальным. Он получил с завода новенький СК-4 (самоходный комбайн, с четырёхметровым захватом жатки). Мы с ним комплектовали этот комбайн, навешивали жатку и собирали копнитель, ставили цепи и ремни, проверяли все крепления, подтягивали все гайки, доводили до ума поспешную заводскую сборку. Геннадий прежде работал на прицепном комбайне «Сталинец», потом на самоходном М-4, а современный СК-4 был ему

незнаком, и он не выпускал из рук справочник, инструкцию, разбирался, осваивая новую технику. Попутно знакомил с комбайном меня.

В последних числах июля вызрела рожь, началась жатва. Геннадий, прирождённый механизатор, сложную машину освоил очень скоро.

Как бы поздно мы ни закончили работу, а, бывало, если долго не падала роса, жали аж до часа ночи, он требовал, чтоб комбайн на стоянку становился чистым, обметённым от пыли, мусора, готовым к утреннему техническому уходу, к смазке, заправке... Утром, а приходили к комбайнам часов в семь (не отдохнувшие, полусонные, полуживые), Геннадий указывал, какие сегодня подшипники помимо ежедневных нужно смазать, отшприцевать солидолом, где проверить подтяжку болтов, освободить валы и валики от намотавшейся на них накануне за смену соломы, травы, всё это не без труда срезалось специальным ножом-крючком, выкованным в кузнице из крепкой и закалённой стали. Сам он занимался мотором и некоторыми регулировками.

Во время работы комбайна я чаще всего стоял в готовности на лесенке возле рулевой колонки, ловил внимательно каждое движение Геннадия, наблюдал каждое его действие. Спустя некоторое время мне казалось, что, если бы он доверил мне вести комбайн, я бы справился. Знаю уже всё, научился уже всему. Но одно дело – видеть и проделывать всё мысленно, и совсем другое – на практике.

И вот настал этот желанный и очень, очень памятный момент, когда Геннадий первый раз доверил мне сесть за штурвал комбайна, а сам остался с другими мужиками перекурить, отдохнуть. И сразу же я допустил грубейшую оплошку. Бункер у меня наполнился зерном, сигнал оповещения сработал на самом повороте хлебного поля. Мне надо было проехать ещё метров хотя бы пятнадцать, а я на самом повороте и остановил комбайн. Шофёр Миша Шарипов подогнал свой газик-самосвал под выгрузной шнек, я его включил, зерно ссыпал, врубил молотилку, скорость, дал газ и поехал... Не учёл, что на незавершённом правом повороте заднюю часть комбайна непременно занесёт в сторону машины... Клапаном копнителя сошлось по кабине газика, кронштейном защёлки я пропорол машине крышу кабины сантиметров десять-двенадцать.

Что тут было-о-о! Все сбежались. Я готов был провалиться под землю. Работа встала: бункеры комбайнов наполнились, надо ссыпать, а куда, загрузенный Шарипов не едет с зерном на склад, вызывайте, говорит, комиссию, составляйте акт, иначе завгар скажет, что я пьяный изуродовал машину. А день, как по заказу, жаркий, каждая минута дорога... Пришлось агроному Раипу ехать на своём велосипеде в деревню, в правление участка. А работали далеко, в вершине Веселушинского лога. Упрямый Шарипов не сдвинулся с места, пока из деревни не приехал на лошади Иван Миронович, член правления, не составил акт и не подписали его свидетели происшествия... Несколько бесценных часов неотложной работы потеряли из-за меня...

На другой же день утром на шариповский газик наложили в гараже центральной усадьбы заплатку, виртуозный автогенщик машинно-тракторной мастерской (МТМ) Гена приварил её автогеном. Заплатку покрасили краской, и разорванное место сделалось почти незаметным. Но после этого происшествия Геннадий до-о-олго не доверял мне больше езду на комбайне. Всё приходит с опытом. И обо всём не расскажешь.

Из трёх межовских комбайнов лучший результат показал Геннадий Зыков, с которым я работал. Иван Окунцев, недавний выпускник Суксунского

ПТУ, работал на стареньком СК-3, часто ломался и в гонке за лавры участия не принимал. А вот его однофамилец Толя Окунцев, опытный комбайнер (тоже на СК-4, который ходил, правда, третий сезон), очень тщеславный и самодушный человек, завидовал Геннадию страшно. Мог и гадость сделать, не гнушался ничем. Несколько раз он пытался сыграть на моей подорванной репутации, то болты крепления какого-нибудь важного узла на своём комбайне ослабит, пока на утреннем техническом уходе стоим, а как только появится начальство, «обнаруживает» ослабленные болты, разыгрывает публичный спектакль, сваливая свою подлую проделку на меня, я-де ночью открутил нарочно болты, чтобы его комбайн во время работы вышел из строя; хорошо, что вовремя он заметил это (как сейчас понимаю, в тридцатых-сороковых годах такая провокация обошлась бы для меня статьёй «за вредительство» и заключением в лагерь). То кричит, что это я подбросил проволоку в хлеба на том месте, где он поедет, и хорошо, что вовремя он увидел её.

А однажды во время приезда в поле высокого районного начальства Толя показывал ему железную болванку чуть не с кулак величиной, которую якобы опять же я подложил ему в хлебный валок на подборке скошенной ржи, но хорошо, что он заметил, иначе бы молотилку разнесло.

Каково-то мне было переносить эти поклёпы... Наш комбайн соревновался с его комбайном честно. Люди видели завистливое поведение Анатолия Дмитриевича и не верили ему. Впоследствии я эти наши взаимоотношения положу в основу рассказа «На жатве», который был напечатан в моей второй книге «Дороже сказочных земель», изданной в 1989 году.

Припомнился случай забавный. Мы с Геннадием обмолачивали на подборке горох и наткнулись на здорового хомьяка... Я раскопал лопатой его нору, из которой он выскочил при приближении грохочущего комбайна, и мы выгребли два ведра отборного (горошек к горошку!) заготовленного этим буржуем нашего колхозного добра. Основательно подготовился он к зимовке, вот только дожить ему до неё не удалось...

Маму мою в этот период поставили поварихой в тракторную бригаду. Она готовила, варила на полевом стане в котлах под открытым небом механизаторам горячие обеды, и на лошади развозила их по полям, к месту работы трактористов, комбайнеров: суп, кашу, чай. Это была благословенная минута обеда в полевых условиях: лёжа на боку в тени комбайна, поесть из эмалированной глубокой миски свеженького супа с мясом. Колхоз на период горячей работы – посевная или уборка – регулярно резал очередного бычка на мясо. Обеды были платные, но недорогие и под запись: стоимость их списывали в конце месяца из нашего заработка.

Иногда в завершение обеда, на слова благодарности механизаторов, мама роняла шутку: «У нас такая организация: наелся не наелся – вылезай из-за стола!» Ну, шутка и шутка, я никогда не придавал ей какого-то значения. Лишь иногда мимоходом интриговало слово «организация», оно несло, прятало в себе какой-то таинственный смысл. Уж в долгие после смерти матери до меня дошло, что шутка эта лагерная. Тогда мне стало понятно, что это за «организация». Да, лагерь – это такая «организация», в которой наелся ты или не наелся, получив пайку, нет никому дела – вылезай из-за стола! Очень, кстати, родственная ситуация с армией. Но в армии о человеке забота: пайка побольше, нормы другие, одевают тепло.

После, читая произведения на лагерную тему, особенно писателя-мученика Варлама Шаламова, я не раз думал об отношении лагерной администрации

к заключённым, к «врагам народа», о безжалостном и жестоком отношении ГУЛАГОВСКОЙ СИСТЕМЫ к человеку в сороковых годах. Великая, невиданная по масштабам истребления война выхлестала самый молодой и лучший слой людей, подорвала экономику страны, разрушила народное хозяйство. Казалось бы, в такой ситуации надо было дорожить народом, его рабочими руками, пусть даже зековскими, ведь заключённые представляли огромный потенциал рабочей силы. Могли представлять. Но для этого необходимо заключённого хотя бы сносно утеплить, достаточно накормить. И такой человек работы делает больше, проживёт дольше, принося пользу. Выгода государству явная. И подход будет государственный, мудрый. Нет, заключённого безжалостно гробили, ставили в такие условия, чтоб он мучился, страдал, его, по сути, убивали специфической пыткой...

<...>

Потом на отгрузку зерна прибыли к нам из Губахи с шефской помощью два самосвала ЗИЛ-164. На одном водителем был молодой парень Юра Теленков, которого очень скоро прямо с жатвы призвали в армию. Он был так хорошо развит физически, что спокойно делал стойку на руках и в таком вертикальном положении несколько раз отжимался. Вместо него потом прислали Петю, в которого влюбилась не по годам рано созревшая, совсем молоденькая (лет пятнадцати) наша деревенская девчужка Нинка. Петя был лет на двадцать старше Нинки, но в конце командировки увёз её, женился на ней, и они прожили счастливую жизнь, пока он не умер. Вторым шофёром был Лёха, высокий, ширококостный белокурый мужчина лет тридцати с небольшим, самец-красавец, очень циничный и развязный. Он любил рассказывать сальные и пошлые истории с его участием... Лёха умудрялся ещё шабашить на вывозке дров деревенским жителям, за деньги, за выпивку... Иногда даже по утрам, до начала жатвы, чаще вечерами, после жатвы, и даже ночами...

Не забыть его рассказ, как вывозил он дрова в дальней глухой деревушке учительнице-вдове, Ираиде, женщине средних лет. Я знал её. Привезли они с Ираидой самосвал дров из леса, свалил их Лёха. Пригласила она его в дом, сгостила там какой-то стол, с глазуньей, зелёным луком, солёными огурчиками, выставила трепетно хранимую для такого важного случая бутылку водки. После угощения у Лёхи возникло желание овладеть ею. Удивительно ли, что женщина, которая несколько лет не знала мужчину, отдалась ему легко... Рассказывает циничный Лёха: «Разделась она, увидел я на ней зановошенную сорочку и всё желание пропало, как говорится, малыш мой в обморок упал...» И ржёт Лёха, как конь.

И до того ничтожный образ этой учительницы (с подробностями, которые я упустил) он нарисовал, что у меня до сего дня, как вспомню, горько сердце сжимается: она бы, может, и рада была удивить его шёлковым свежим бельём, да у неё и эту-то сорочку постирать, может, в тот момент денег на мыло не хватало... Учеников у неё в четырёх классах было меньше десяти. Какая там была зарплата – Бог ведает. И своих детей-сирот двое; во что-то же одеть их надо. Ничтожно-жалкое существование, в котором себя, наверное, и женщиной-то почувствовать сложно... Можно сказать, и выглядит женщиной было невозможно, оставалось только казаться ею.

По завершении уборки, в середине октября (как раз в этот день передали по радио о снятии Хрущёва) мы промыли нутро наших комбайнов струёй

воды из пожарной помпы, и отогнали их в Ашап на стоянку на территории МТМ (машинно-тракторной мастерской). Моторы прикрыли деревянными ящиками, сколоченными специально для этого своими руками. Комбайны поставили на колодки, колёса побелили извёсткой. Все ремни и цепи сняли, уложили в бункер и закрыли на замок. Требовательную приёмку осуществлял сам главный инженер Юрий Михайлович Минеев, которого механизаторы боялись и, по-моему, не очень-то любили за его жёсткость и придирчивость, он для них был чужим... Не то что второй инженер-механик Алексей Иванович Симонов, с которым мне предстояло познакомиться в конце этого года... Очень демократичный по природе, мягкий, добросердечный и порядочный человек.

Яма спасительная

В нашем домашнем хозяйстве, в погребе под самой лестницей была у нас яма около полуметра глубиной и примерно такой же ширины, и в ней до самой поздней осени, пока не начнутся заморозки, стояла вода, которая обильно сочилась из земли, накапливалась. Когда яма начинала переполняться, вода растекалась по днищу погреба, её отчерпывали ведром и поднимали кверху, выливая на землю. По весне воду черпали ежедневно ведер по пятьдесят, а то и семьдесят, если день пропустишь. Прямо, не погреб, а колодец! На жилу, видимо, попали. Картошка лежала на вымостках и приходилось следить, чтоб вода не поднялась до неё. Пока был жив Фёдор Никандрович, воду мы откачивали с ним. Я спускался в погреб и наполнял ведро, а дядя за верёвку вытягивал его кверху и выливал в жёлоб из липового лубка, по которому вода скатывалась подалее от погреба. Никаких насосов тогда и в помине не было. Ох и почерпали мы этой воды. Эта мучительная операция продолжалась из года в год, с весны иногда до осени, иногда заканчивалась в середине лета...

С весны 1964 года до поздней осени я работал в тракторной бригаде – прицепщиком, штурвальным. В конце сентября, по окончании жатвы, мы ремонтировали и ставили на зимнее хранение на полевоом стане сеялки, культиваторы и другие сельхозмашины: всё надлежало смазать, непокрытые краской части защитить от коррозии гудроном, разведённым в бензине, под колёса (они в то время были стальные), чтоб они не касались земли, требовалось подложить деревянные колодки.

Работа теперь, по завершении основных полевых трудов, была неспешная, спокойная, и я выходил из дома не рано. Чтоб скоротать дорогу, ходил к «вагону», как именовали в обиходе механизаторов полевой стан, напрямую, вдоль Назаровского лога. В это утро позавтракал, собрал полевую сумку с едой на обед (горячими обедами нас уже не кормили) и отправился обычным путём, забирая по пологому склону краем поля постепенно вверх. Мама раньше меня ушла на свою работу.

У человека есть такая привычка – оглядываться на родной дом, усадьбу, когда он отойдёт от них на какое-то расстояние. Отойдя метров пятьсот, оглянулся и я. Погода стояла ещё тёплая, тихая, пасмурная, но дождя не было. С холма мне сразу бросилось в глаза, что из-за крыши сеновала, на задах усадьбы поднимается синий столбик вьющегося дыма. Это насторожило: что там за дым какой-то странный, думаю, откуда он, с чего? Его в этом месте никак не должно быть! И меня это встревожило. Чутьё подсказало, что надо вернуться и проверить. Катя, тётка, возится возле печи и ни о чём не

подозревает... А вдруг что-то опасное? Я двинулся обратно. Прошёл через двор в огород – мама дорогая! в погребе стоит треск разгорающегося огня и в творило валит дым! Пламя вот-вот вырвется наружу, ухватится за крышу погребушки, а тут всего полметра до стены, и пойдёт полыхать вся усадьба!.. Просохшие за десятилетия постройки пыхнут, как порох.

Я сделал глубокий вдох, набрал в лёгкие побольше воздуха, задержал дыхание и быстро спустился в погреб. Лесенку ещё не тронуло огнём. Там стоял плотный дым и почти невыносимый жар, по стенам ползали языки пламени, и только недостаток кислорода ещё сдерживал огонь и не давал ему набрать силу, но всё шло уже к тому, что вот-вот огненный петух вылетит в творило наружу...

Возле ямы всегда лежал ковш. Я схватил его и стал быстро плескать воду на стенки, вода шипела, дым стал плотнее, он ел глаза, запас воздуха в лёгких кончился, мне нужна была порция свежего воздуха. Я выскочил наружу, судорожно и часто хватая его. Когда отдышался, снова набрал полные лёгкие воздуха и нырнул в погреб. Таким образом, в несколько попыток я пламя сбил. Потом хорошо пролил тлеющие стены, сведя на нет все мамины труды. Она ведь развела костёр в погребе, чтобы просушить его, продезинфицировать и подготовить к закладке овощей. Картошка под навесом уже давно ждала своей очереди. Так делают каждую осень. Мама уже не первый раз в эти дни, как я узнал вечером того дня, разводила в центре погреба костёр, но перестаралась, пересушила, просохшая древесина стенок занялась от огня.

Что мама протапливает погреб – я не знал. И это благо, а то бы дым не насторожил меня, и я ушёл бы спокойно в «вагон», а полная, рыхлая Катя провозилась бы со своей стряпнёй возле печи и хорошо, если бы сама успела выбраться из пожарища. Убедившись, что возгорание ликвидировано, я вошёл в избу и поведал Кате о том, что произошло. Чему она очень удивилась. Наказал, чтоб присмотрела за погребом на всякий случай...

Но весь день не было мне покоя, и я всё тревожно поглядывал от «вагона» в сторону своего дома, не поднимается ли там хвост дыма. Километра два было расстояние, увидел бы. Всё обошлось.

Удачное осушение и твари мерзкие

Этот погреб копали, когда мне было лет девять, и даже я принимал в этом посильное участие. Глина там была отменная, жирная липкая глина, которая не отставала от лопаты. Мучительно было копать. Но никто не знал тогда, что главные и многолетние мухи ждут нас впереди. Надо же, какое проклятое место выбрали когда-то для усадьбы, во многих местах жмётся вода.

Пока я служил в армии в 1967–1970 годах, а потом работал и учился в городе, мама отчерпывала воду одна. В 1973 году погреб рухнул, обвалился, следующим летом, в каникулы после первого курса, я его перестроил, сделал расчистку, полностью заменил в нём сгнивший сруб и потолочный накат. Но вода как была, так и продолжала мучить нас. На стыке 70–80-х годов мама стала жаловаться на сердце, что сил уже нет черпать эту окаянную почвенную воду. Чего только ни делали: и кол-то осинового вершиной вниз забивали, и ртуть в яму бросали, чтоб воду увела...

По весне мама достала из погреба остатки картошки, воду отчерпывать перестала, и теперь воды в нём скопилось почти метр, выше этого вода уже не поднималась. Ведёрком такой слой уже не откачаешь...

Старик Афанасий Васильевич Солин, 1905 года рождения, ветеран войны, сосед, его дом стоял в двухстах метрах от нашего, в разговоре со мной поделился советом, что если забить вбок трубу, хотя бы метровую, то вода будет якобы уходить. Он-де однажды такое мастерил. Я в это не поверил: во-первых, забить в плотную глину трубу на уровне дна погреба будет не так-то просто, во-вторых, ну, пусть даже забьёшь метровый кусок трубы, а куда там вода станет отходить, глина не пропустит её...

Постоял я возле погреба, посмотрел, подумал, и этот совет старика Солина навёл меня на дерзкую мысль: а что, если выкопать канаву глубиной до уровня днища погреба, заложить туда трубу и вода уже всегда будет уходить из погреба. От погреба шёл уклон, и наружный конец трубы можно вывести на поверхность. Но покопать, конечно, землицы придётся немало... И, разумеется, чем ближе к погребу, тем канавка будет глубже, не меньше моего роста.

Шло лето, у меня был отпуск. И я принялся за работу. Когда, наконец, докопался до стенки погреба, до полусгнившего сруба, и ломом пробил в нём отверстие – из погреба ударила струя воды с такой силой, что окатила меня в узкой канаве снизу доверху... Но я обрадовался, понимая уже, что нашёл правильное решение. Я ликовал. Работа шла с азартом.

Старую, кривую и ржавую трубу от автопоилок для коров я отыскал на задворках животноводческой фермы. Приволок, выправил её кувалдой и закопал под небольшим уклоном. Одним концом труба выходила в яму под лестницей, другим в огород, метрах в десяти ниже погреба. С тех пор мы не знали проблемы с откачкой воды. Мама и тётя Ариша нарадоваться не могли. А я озадачился, почему умный и мудрый Фёдор Никандрович не додумался до такого простого решения? Трубу тогда невозможно было достать? Это правда. Но можно было водоотвод сделать даже из дерева... Столько времени – двадцать лет с лишним мучились!.. Столько сил и времени угрохали!..

Правда, весной следующего года случился казус. До самой поздней осени, пока накапливалась в погребе вода, она уходила по трубе, даже струечкой тонкой текла в самый водообильный период, летом иссякла, осенью её совсем не было. А весной, когда почва оттаяла и вода ожила, она перестала уходить, уровень её начал подниматься выше трубы. В чём дело, понять не могу. Я нашёл проволоку, которая была длиннее закопанной трубы, и стал её в трубу проталкивать. Оказалось, туда забралась мышь, застряла: ни вперёд, ни назад, и там подохла, закупорив канал... Я прочистил трубу, после этого предпринял необходимые защитные меры, закрыв конец трубы сеточкой, и с той поры за всё время пользования погребом, более двадцати лет, проблем с водой больше не возникало. Фу! Можно стало дух перевести.

Но чтобы уже не возвращаться больше к погребу в другом месте, скажу здесь ещё, что летом 1991 года мне удалось купить в колхозе шесть центнеров рассыпного цемента (около 60 ведер) и два куба гравия. Сделал опалубку и залил из бетона стенки 10 см толщиной, пол и потолок. Это был маленький подвиг – одному повернуть такую памятную работу, делая замесы по четыре ведра в корыте, всё вручную. Кажется, дней одиннадцать потратил тогда на заливку. Молод ещё был, вынослив, неутомим... И обошлось мне это всё по тогдашним ценам почти бесплатно: 35 рублей заплатил деньгами в колхозную бухгалтерию, да водки два пол-литра поставил трактористам. Цены оставались пока советскими.

А предшествовало этому бетонированию то, что после смерти мамы в 1987 году, я каждое лето продолжал приезжать с семьёй в Межовку, мы сажали

там овощи, а на зиму я спускал их в погреб: картошку, морковь, свёклу, банки с солёными огурцами. Сверху я всё прикрывал сухой осокой – прекрасным антисептиком и утеплителем. Зимой время от времени наезжал навестить усадьбу, набрать моркови и свёклы; картошку мы по четыре мешка (12 ведер) каждую осень переправляли с Геннадием Легостаевым в город (дай Бог этому благодетелю нашему многих лет при добром здравии!), и на зиму картошки нам хватало. А хранилась она здесь, в городе, в подвале частного дома моей двоюродной тётушки – Анны Ефимовны Габовой, дочери бабушкиной сестры Маремьяны... Жившей прежде в соседней с Межовкой Денисовке.

Однажды приехал в Межовку за овощами, спустился в погреб и ахнул: крысы прорыли в него ход и всё, что можно, погрызли, обгадили... Я тут же поставил крысоловку. Утром спустился проверить её – и обомлел: попавшая в неё крыса была почти полностью съедена соплеменниками. Какие мерзкие твари эти крысы!

Дочь пермского писателя Авенира Крашенинникова, Марина, помню, написала рассказ, в котором благородная и невероятно очеловеченная ею крыса приносит из квартиры завмага (или завскладом) наворованные им продукты в комнату, где лежит и умирает от недоедания больной мальчик (действие разворачивается во время войны), мать которого пропадает целыми днями на заводе. Оригинально? Да! Правдиво? Нет! Метафора, иносказание? Слово-блудить можно тут долго. Но всё это останется ложью. А правда о крысах – я увидел её собственными глазами в своём погребе и содрогаюсь от неё до сих пор. Никакая условность здесь не срабатывает. Крыса скорее сожрёт ослабевшего мальчика, нежели принесёт ему печенье и тушёнку...

На обсуждении этого рассказа в литературном объединении я был страшно возмущён. Недопустимо эстетизировать неэстетическое! Эту мысль внушал нам в университете мудрый преподаватель-философ Александр Афанасьевич Корчагин. Он был прав, приводя пример, говоря, что на этом положении был воспитан фашист, бросающий живого русского-белорусского младенца в огонь горящей русской-белорусской избы. Надо, видимо, очень осмотрительно выбирать персонажей, наделяя их теми или иными качествами. Крыса останется всегда самой мерзкой, отвратительной тварью, какими бы благородными качествами её ни наделяли, как бы ни одухотворяли...

Точка в этой истории оказалась для меня ошеломительной. Прошло несколько лет. Однажды в 1993 году иду по двору соседнего дома и вижу: ватага ребятишек в возрасте лет 10–13 запинывают на газоне огромную крысу, которая не особенно и пытается от них убежать: то ли старая, то ли больная... Говорю, оставьте вы эту мерзость и мразь... А вечером мне сообщили, что в этот день умерла от алкоголя Марина Крашенинникова. Было ей 35 лет. Я мистик и верю, что просто так ничего не происходит, всё связано между собой в глубинном и нами невидимом мире... Крыса всегда останется крысой. Тогда термина «интернет-пространство» в нашем обиходе ещё не было, но в Космосе, во Вселенной, в мире духовном пространство это с его сложно переплетёнными духовными нитями существовало всегда.

Минус сорок один, плюс – сорок

Когда выпал снег достаточным слоем, омёты сена, соломы, стога́ из полей – трактора стали таскать волокушами к ферме. Мне шестнадцать с половиной лет и меня определили прицепщиком к Ивану Кузнецову, да, к тому

самому Кузнецову, который любил человека задирать, принародно высмеять, унижить. Не раз я становился для Ивана объектом публичного унижения...

К концу ноября снега навалило уже совсем порядочно. Да к тому же неожиданно ударил на редкость ранний мороз, в тот день было минус сорок один. Нам с Кузнецовым предстояло ехать за стогами километров за пять. Кабина трактора ДТ-54 не была оборудована никаким подогревом, и внутри громады железа было немногим теплее, чем на улице. Руки погреть можно было, только обхватив рукавицами выхлопную трубу трактора, когда он стоит.

Прицепили волокушу, поехали. Было часов десять, может, чуть больше. Возле магазина Кузнецов остановился. Ему тогда исполнилось лет двадцать пять. Рослый, статный, бывший моряк, отслуживший четыре года на флоте. Сильный, смелый, самоуверенный, ни от кого не зависимый, никого не боящийся. Из амбициозного рода «Осиповичей». В магазине он купил бутылку водки «Московской» за 2 рубля 87 копеек. На улице – минус 41 градус, в бутылке – 40. Поехали дальше.

Что представляет из себя волокуша? Это два длинных троса, два конца которых прочно соединены одним кольцом, два других конца соединены другим таким же кольцом, чтоб цеплять эти кольца за шкворень прицепной серьги к трактору. В середине тросов три штанги (стойки). Тросы обводят вокруг омета или стога, оба кольца цепляют за трактор, штанги ставят сзади стога или омета вертикально, трактор натягивает волокушу, срывает стог или омет с места и тросами тащит его волоком по снегу до самой фермы.

Бывает непросто сдвинуть сросшийся с землёй омет или стог, иногда удаётся это далеко не с первой попытки, а то и к двойной тяге приходится прибегать, если в омете уложено тяжёлое клеверное сено. Но если удалось сорвать с места, то дальше по снегу груз идёт уже легко. Тем более по проложенному следу.

Вперёд, порожняком, ехать нам минут сорок. Полдороги проехали, Иван остановил трактор, распечатал бутылку, выпили граммов по сто...

Приезжаем к намеченному стогу, Иван вокруг него объехал (окажётся) и остановился. Я тросы заправил, как надо, второе кольцо к серьге присоединил, пошёл штанги устанавливать за стогом, тоже – как надо. Иван стоит на гусенице, ждёт команды трогаться. Установил я штанги, свистнул, он стал потихоньку натягивать тросы. Верхний трос у меня на уровне груди, я его поддерживаю, чтоб штанги как надо зафиксировать натянутым тросом, а нижний трос утонул в снегу, зарылся, и я не вижу, что он оказался у меня между ног. Это почувствовал я, когда натянувшийся трос уже прихватил мою правую ногу ниже колена сантиметром на двадцать пять – тридцать и подтянул её к стогу. Я свистеть, но поздно: Иван уже дал полный газ, кто меня услышит из-за стога сквозь взревевший мотор. Самая сильная нагрузка – когда срывают стог с места, внутри него оснастка: столяр, баганы, подпоры. Трос врезался в стог, вдавив в него мою ногу так, что я света не взвидел. Я ухватился руками за верхний трос, чтоб не свалиться и чтоб меня не поволокло, скачу за стогом на свободной ноге... Иван отъехал, остановился, ждёт меня, когда я выйду из-за стога... Ждал-ждал – сам пришёл...

Подал он трактор назад, ослабил тросы, я ногу высвободил, доковылял до кабины, сел, поехали... Вечером от гаража я с трудом дошёл до дома. Нога долго болела, явно трещина была и, видимо, хорошая, месяца три-четыре прихрамывал я и долго не мог бегать. До сих пор след того троса остался отметиной на голени: пятно омертвелой ткани. Хорошо ещё не сломало. Мой друг,

очень талантливый поэт и врач, Анатолий Гребнев говорит мне, что молодые кости ещё гибкие, это и спасло мою ногу от перелома, да и валенок в какой-то мере смягчил...

А мораль сей «басни» такова: пить водку для «сугрева» очень опасно, когда ты связан с техникой.

Такие вот вехи созревания были расставлены на моём жизненном пути, проходя через которые, мы обретаем взрослость, опыт, зрелость, мудрость, если доживём до неё...

Убийство четырёх...

Синицы – очень любопытные птички. Однажды синица-разведчица залетела в сёнки. Когда я входил в избу, синица всполошилась, заметалась и, увидев в открытую мною дверь свет окна в избе, впорхнула вовнутрь, решив пролететь сквозь это окно. Она же не знала, что там стекло. Ударилась в стекло, забилась, не понимая, почему она не может пролететь через невидимую какую-то преграду.

Кошку, которая лежала на лавке и дремала, будто электрическим током подбросило, она метнулась к окошку, и через секунду птичка оказалась в её насмерть стиснутых челюстях. Мне удалось высвободить синицу из пасти недовольно и возмущённо заурчавшей кошки, но птичка была уже мертва... До сих пор жалко ту синицу, ставшую жертвой кошачьего инстинкта. Кого тут винить?..

Но вот другой случай, в котором виноват уже исключительно я, и нет мне за это прощения. Вспоминая это происшествие, я каждый раз ощущаю укол совести в сердце моём.

Наш двор на зиму закрывался почти наглухо крышей-временкой, на слёги (балки) были набросаны жерди на расстоянии 15–20 см друг от друга, на них настилали солому тонким слоем, таким, чтоб снег сквозь не сеялся. Эту плоскую крышу называли в крестьянском быту палау́с или ещё – пелёда. Она защищала двор от снега, принимая его весь на себя, но к весне на ней лежал метровый слой, который надо было своевременно убирать, сбрасывать. Был случай, когда состарившаяся, подопревшая слега не выдержала тяжести снега, переломилась, и часть крыши рухнула. Хорошо, что произошло это ночью...

Днём под эту крышу часто залетали воробьи и выискивали на земле в сенной трухе пропитание: семена трав, крошившиеся из сена для коровы, которое спускали с сеновала. Однажды я колот дрова в маленькую печку, толстые поленья кроил пополам, чтоб потоньше были. В это время в сенной трухе под крышей кормились воробьи. А я из какого-то дурацкого охотничьего азарта взял и метнул тонкое полешко в сторону стайки воробьёв. Метнул и обомлел: четыре воробья вспорхнули и улетели, а четыре остались лежать без движения, я их убил. Там было сумеречно. А у меня не хватило ума сообразить, что эти ловкие и юркие птички не увидят в таких потёмках летящего от меня смертоносного полешка. Я не ожидал подобного исхода и был потрясён. Понимаю, что это был момент взросления, но это был плохой момент на шестнадцатом году моей жизни!

На курсы

В селе Ашап, на центральной усадьбе нашего огромного колхоза «Урал», открылись курсы трактористов – филиал от Кунгурского ПТУ № 87. Колхозом в то время управлял самородный председатель хрущёвского типа и характера – Семён Прокопьевич Копылов, мужик крепкий и властный. Руководителем он был талантливым, и в области его отменно знали. «Урал» числился на хорошем счету. И такие курсы при колхозе (база для них имелась) придавали колхозу только дополнительный авторитет.

Мы с Иваном Малышевым, тем самым, который был на семь лет старше меня, но учился только в третьем классе, когда я пришёл в первый, поехали на лошади в Ашап записываться на эти курсы трактористов. Иван недавно пришёл из армии, отслужив три года в стройбате, в Свердловске.

Едва он появился у нас в клубе в солдатской форме, Витя Габов, человек куражливый, своего рода местный авторитет, тоже недавно отслуживший три года, но в элитных частях – в Группе Советских войск в Германии, со словами «отслужил – снимай погоны!» сорвал эти самые погоны с плеч Ивана, который вырос в невероятной нищете, и ему, конечно же, хотелось первые дни после армии покрасоваться перед девушками в солдатской форме. Витя, хотя и делалось это в шутку, как-то унизил, мне показалось, Ивана, да ещё на глазах у всех, в клубе... Иван, конечно, смеялся со всеми вместе, но в глазах его пряталась горькая обида, смех он выдавливал из себя...

В Германию кого попало служить не отправляли, был отбор, и Виктор, соприкасаясь там с «отборными» ребятами, более развитыми в культурном отношении, поднабрался от них многого для деревни не присущего. Раздвинул свои деревенские косяки. Конечно, он выделялся среди парней деревенских, и авторитетом был не в криминальном значении, под каковым это слово пришло в широкое обращение в конце двадцатого века, когда Вити уже и в живых не было, а потому, что действительно выделялся своей «отёсанностью». В Германии он занялся спортом, поднакачался и физически был развит очень хорошо, прекрасно (лучше всех) играл в волейбол, в шахматы, в бильярд, был остроумен, симпатичен, справедлив, с чувством юмора и верховодить имел полное моральное право. Но вот были у него и пережёлты. Ивана он обидел походя. Этот русский богатырь, Витя Габов, борец на татарских сабантуях, равных которому в течение нескольких лет не было в округе, умер 20 апреля 1985 года от алкогольной интоксикации в возрасте сорока четырёх лет.

К технике меня тянуло с неодолимой силой.

В августе 1964 года я отправился в посёлок Суксун, где попытался поступить в ПТУ, здесь на двухгодичных курсах готовили механизаторов широкого профиля: тракторист, комбайнер, шофёр. Принимали в это ПТУ только с восьмилетним образованием, меня с семьёй с половиной классами, естественно, не приняли. От безысходности я и пошёл на курсы при нашем колхозе. Если сосед Колька (18 лет не было) сел за рычаги старенького трактора ДТ-54, окончив такие краткосрочные курсы при колхозе, то и мне хотелось.

В моём сохранившемся аттестате написано, что я окончил вечернее профтехучилище по специальности тракторист-машинист. Но это неправда, в действительности занятия проходили исключительно в дневное время, производительностью в полную рабочую смену.

И вот в ноябре 1964 года мы записались на курсы, мне было 16 лет, Ивану Малышеву – 23, третьим из нашей Межовки в компании оказался Анатолий

Кирыков, с 1940 года. Обучение началось 1 декабря, а закончиться оно должно было 1 декабря 1965 года.

Поскольку нас оказалось трое из одной деревни, то в интернате (исключительно так называли наше колхозное общежитие) нам отдали комнату, в которой стояли как раз три кровати; так удачно сложилось, что мы оказались отдельно от других. Так распорядился мастер нашего обучения, наш куратор Николай К., живший прежде со своей семьёй в нашей Межовке. Комната была узкая и длинная, вдоль одной стены стояли две кровати, вдоль другой кровать и стол. За этим столом мы занимались вечерами, на этом столе мы по очереди готовили на электроплитке пищу, варили супы на ужин. А завтракали и обедали в колхозной столовой при машинно-тракторной мастерской. Нам выплачивали от колхоза какую-то символическую стипендию, припоминаю, что 15 рублей. Деньги приносил и выдавал по ведомости Николай К. Выпить он был не дурак, и каждый из нас должен был «отчислить» из стипендии пятёрку ему... Считалось это в порядке вещей, и никто никому не жаловался. В день стипендии ночевал Николай обычно в нашем общежитии, на какой-нибудь свободной кровати, уйти домой «отяжелевший» он уже не мог...

Мне оставшихся денег никак не хватало на жизнь, и утром я нередко приходил в столовую пораньше, помогал двум поварихам чистить картошку, зарабатывая себе бесплатный обед...

Шура, молодая повариха, но старше меня лет, наверное, на десять-двенадцать, мне нравилась. Приятная была женщина. Я её очень уважал. Можно сказать, даже испытал робкую юношескую влюблённость. Незамужняя, она одна жила в небольшом домике. И Боря Зотов, механизатор из Баляковки, который всю зиму работал в МТМ на ремонте моторов, а жил с нами в интернате, почти каждый вечер отправлялся к ней в гости... После моей службы в армии я узнал, что они наконец-то поженились. Искренне порадовался за них. Боря был очень хороший человек, добросовестный трудяга, трезвенник, добрый, миролюбивый, улыбчивый.

Среди механизаторов Боря был знаменит на весь колхоз тем, что года за три-четыре до нашего с ним знакомства он (парень неглупый) почему-то решил открутить у комбайна форсунку при работающем двигателе... Очень любознательный, видимо, был. А там пятнадцатикратное сжатие воздуха внутри цилиндра, и впрыск топлива через иглу форсунки происходит под давлением 125 атмосфер... Открутил он форсунку – около дюжины передних зубов у Бориса не имелось... Шура была постарше его. Но жили они очень хорошо. Да рано Боря овдовел... Шура лет в сорок умерла от рака... И детей у них не осталось...

Покровительство моих старших товарищей – Анатолия и Ивана, постоянное их соседство и поддержка оказали на меня тогда очень благотворное влияние. Курсанты были самых разных возрастов, как на войне – и вчерашние школьники, и люди старшего поколения. Из разных сёл и деревень огромного нашего колхоза. Разного склада, разного ума, разных способностей, ну и разной нравственной начинки... Иван Никифоров из Сосновки был даже фронтовик. Ему тогда перевалило уже за сорок. Очень я его уважал! Добросовестного человека лёгкого характера, сухощавого, подвижного, всегда с чувством юмора. Жена его, кажется именем Фая, работала в их селе фельдшером. По его рассказам, была высокая, крупная. Как Иван шутил, могла его из гостей домой «под мышкой унести».

Испытав после исключения из школы состояние отверженного и униженного человека, я дал себе твёрдую установку: сидеть за первым столом и всё внимательно слушать, прилежно учиться...

Сдав в мае 1965 года экзамены по теории, мы трое пополнили ряды наших межовских механизаторов. Началась практика. Поскольку курсы считались годичными, то первые полгода мы учили исключительно теорию, а практику должны были сдавать осенью, но это уже считалось чисто формальным актом. Главное, надо было сдать теорию, устройство двигателей, ходовой части, сельхозмашины (плуги, сеялки, культиваторы), агротехнику, технику безопасности, электричество и др., всего семь предметов. Ну и вождение, конечно.

Учились мы на трактористов, и Анатолий с Иваном сели на тракторы МТЗ-50 «Беларусь». А меня определили на комбайн СК-4, поскольку в предыдущем сезоне я работал уже на комбайне штурвальным, помощником у комбайнера Геннадия Зыкова. Под его требовательным и взыскательным руководством я в один сезон прошёл очень хорошую практическую подготовку. И когда сдал на «хорошо» и «отлично» теорию по тракторам, Алексей Иванович Симонов, инженер-механик, заместитель главного инженера нашего колхоза «Урал», один из преподавателей курсов и их руководитель (потрясающе порядочный и добросовестнейший человек! Очень спокойный. Вспоминаю его всю жизнь с благоговением) попросил меня прочесть моим коллегам недельный курс по комбайнам. Хотя бы самое основное. Комбайнеров в колхозе не хватало, и небольшую группу наиболее одарённых наших курсантов решили сходу переориентировать на комбайнеров. В то время у меня была очень хорошая память, и сотни регулировок, допустимых зазоров в тракторе, комбайне, сельхозмашинах я знал наизусть.

И вот вчерашним своим товарищам-однокурсникам я читаю «лекцию» по комбайнам. Слушателей набралось человек семь-восемь. И что удивительно, они слушали доброжелательно и воспринимали с доверием то, что я им рассказывал. Делился практикой штурвального, своими наблюдениями. А для теории у меня был солидный фолиант, очень хорошая книга с чертежами и схемами, подробным описанием ухода за комбайнами: «Комбайны СК-3, СК-4».

Невероятно, однако, этот короткий и спонтанный курс вписали нам в Аттестат отдельным предметом.

Не подвёл я его

И вот я тракторист-машинист. Комбайнер. Комбайн мой отработал всего один сезон, был, по сути, новым.

В тот год, когда я окончил курсы, Геннадий по семейным обстоятельствам уехал из колхоза «Урал» в другой, нашего же района, в деревню Губаны. Где трагически погиб, когда я служил в армии. Геннадий вёз на тракторе МТЗ-50 прицепную двухколёсную цистерну с водой на молочнотоварную ферму, стояла зима, дорога проходила по краю карстовой воронки, каковых в Губанах и в Опачёвке не считано, цистерну-двухтонку по снегу стянуло в глубокую яму, она без труда утащила за собой и трактор. Он перевернулся и упал на цистерну сверху колёсами... И Геннадий, и ехавшая с ним в кабине на работу доярка погибли, оставив сиротами детей, по двое и в той и в другой семье... До сих пор сердце сжимается от скорби по этим так нелепо погибшим людям.

Начался сезон жатвы 1965 года. Работаю на закреплённом за мной комбайне. В первый мой сезон самостоятельной работы штурвальным у меня был

Лёня Машинков¹, 1938 или 1939 года рождения... Шли первые дни августа, наступила самая горячая пора уборки. Вдруг, вижу, мчится по сжатому полю мотоцикл «Урал» с коляской, подлетает к нашему комбайну госавтоинспектор Рудаков из Орды, из района. Его боялась шоферня, как огня, строг был. Любителей выпить за рулём – наказывал беспощадно, дырявил талон, что после трёх проколов вело к утрате прав... Я остановил комбайн, спустился с площадки, подошёл к нему. Он снял с рук свои здоровенные и очень представительные краги с широкими раструбами (наверное, единственные в районе), поздоровался со мной за руку. Говорит, что без прав мне работать никак нельзя, не положено, и права мне дать тоже пока нельзя, потому что я несовершеннолетний, только 17 лет. Но, говорит, в качестве исключения права он мне всё-таки выписал, потому что работать на комбайне некому. И прямо тут же вручает мне серые корочки – «Удостоверение тракториста-машиниста третьего класса» – и снова жмёт руку, но со словами: «Ну, ты уж меня не подведи!»

Не подвёл я его. В этот сезон занял шестое место по району среди молодых комбайнеров, и ко Дню работников сельского хозяйства наш колхоз «Урал» премировал меня костюмом. Хорошим костюмом, он так ладно сидел на мне, словно был индивидуального пошива. Это оказалось настолько неожиданно! Впервые в жизни появился у меня костюм. Я заметно приподнялся в собственных глазах.

В тот сезон мы, три комбайнера, успешно и рано справились с уборкой хлебов в своём Межовском участке. Меня с моим комбайном откомандировали на подмогу коллегам в Красный Ясыл, за тринадцать километров, где я отработал дней пять. А оттуда ещё раз перебросили уже в Сосновский участок, который граничил с Межовским с западной стороны. Здесь поля были лесные, но пшеница уродилась неплохая.

Заехали мы с Лёней Машинковым на массив, только начали обжинать его закрайки, делая первый круг, – заморосил дождик. Всё, жать стало невозможно: колосья намокли. Оставили мы комбайн прямо на полосе, сели в самосвал, который должен был отвозить от нас зерно, и уехали домой. Прошло несколько дней, ненастье не прекращалось. Стало ясно, что сосновцам мы уже ничем не поможем, и что комбайн надо вызволять из лесного плена и угонять домой, пока его там не растащили какие-нибудь хулиганы.

Прошли мы с Лёней пешком километров семь, может, чуть больше. Нашли свой «степной корабль», осмотрели – всё на месте. Завели, поехали. Называется, «поехали». На колёса тут же наматало глыбы жирной земли, скреплённой хлебными и травяными стеблями, и машина наша с трудом продвигалась черепашьям ходом. Только перед сумерками выехали мы наконец с полей на дорогу к посёлку Рогожниково (деревушке в 12-14 домов), впереди нас ждали ещё пять километров пути. Но они уже не пугали нас, это ж не пашня, дорога, хотя и раскисшая, но дорога. Остановились перед деревней, решили перекусить, пока светло. Раскрыли свои полевые сумки: хлеб, яйца варёные, молоко, солёные огурцы – традиционная полевая еда.

Перекусили, надо ехать. Я на кнопку стартера нажал – раздался характерный металлический звяк внутри, и стартер перестал крутить маховик двигателя. Причина не известна. Мотор как запустить? И вокруг этого

¹ Впоследствии Лёня – очень одарённый и интересный, но не реализовавшийся человек! – сгорит заживо и станет персонажем моего рассказа «Крик над Грачёвкой» и былинки «Любовный квадрат».

медвежьего угла нигде никакой техники, никакой помощи... Некому дёрнуть нас, чтоб завестись с буксира. А уже темнеть начало. Хорошо, у нас была переноска. Подключили к аккумулятору, Лёня светит, я кручу болты, снимаю стартер. Что-то звякнуло, упало под мотор. Стали искать. Оказывается, штифт из вилки стартера выпал, разболтало клёпку. Вставил я его в гнездо, торец расклепал молотком, насколько удалось в этих походных условиях. Поставил стартер на место. С замиранием сердца – Господи благослови! – нажимаю кнопку. Мотор завёлся, запустили. Поехали. А в бункере зерно, которое мы нажали, когда заехали на массив, ерунда какая-то, конечно, однако...

В деревне остановились возле дома Николая Николаевича, нагулянного сына Фёдора Никандровича, а попросту в народе – Кольки посёльского. Он очередной раз парился на севере области где-то около Ныроба на зоне, а Нина, его жена, одна мучилась с хозяйством: корова, овечки, куры, огород, покос, дрова и т. д. И ничего не разрешал уменьшать, боялся, видимо, что Нина может загулять без такой нагрузки. Я Нине говорю: «Давай пару пустых мешков, пшеницы тебе нагребём».

Нагребли, затащили во двор. Ещё осталось в бункере несколько вёдер, но больше не стали возиться, поехали домой...

Мне было лет одиннадцать-двенадцать, когда однажды этот Колька посёльский с Ниной, по дороге домой, на лошади, зимой, проезжая мимо нашего дома, заехали к нам, «с папкой повидаться». Николай был поддатый. У нас добавил. Бутылку распечатали, или у Кати бражка была, не помню. Но сидели с Фёдором Никандровичем за столом, выпивали, разговаривали. Николай всё бравировал, поддевая маму: «Мы с тобой, Женя, меченые!..» Подразумевалось, естественно, то, что оба в заключении побывали. Разница была только в том, что Колька года два или три отсидел по уголовной статье за избиение своей жены (женщину избил – герой!), а мама – по политической статье, «за язык», и десять лучших лет своей жизни. А тут он ставил маму на один с собой уровень... Конечно, это я потом уже всё осознал.

А в тот момент я лежал на полатях нашей избушки и сверху наблюдал и слушал. Вдруг Колька вскочил (наверное, Нина что-то сказала, а ему не понравилось) и ни с того ни с сего ударил её по лицу ребром ладони. И вижу, как у Нины под левым глазом синяк лиловый наливаются, просто мгновенно. Зверь был этот Колька... Пастуховщина, одно слово. Бедная Нина пережила с ним, наверное, немало мук и страданий.

Вот мы с Лёшкой Машинковым нагребли ей пару мешков пшеницы. Она ждёт Николу своего из заключения, показывает нам его портрет, присланный им, написанный на зоне красками самодеятельным художником. Пишет Никола жалостливые письма Нине, клянётся в любви, просит помощи, посылочку, жалуется на здоровье. В то время ему было близко к пятидесяти годам. Работал в пожарной охране зоны...

А вернётся на волю и всё встанет на круги своя...

Габов Вовка – Владимир Иванович

Пройдёт два года, и весной 1967 года я пересдам на права второго класса, получу уже зелёное удостоверение, подписанное тем же Рудаковым. Но мне оно, увы, не понадобится, дальше моя жизнь пойдёт по другой колее...

На второй сезон штурвальным мне назначили восьмиклассника Вовку Габова. Шустрый малый, всего на три года моложе меня.

Однажды у нас полетела у жатки секция режущего аппарата. Это нередко случается: попадёт камушек и готово, либо сегмент ножа оторвёт, либо чугунный палец секции обломит. И потянулась за комбайном полоска нескошенных стеблей. Остановил я комбайн, приподнял жатку на необходимую высоту над землёй, схватил запасную секцию, ключ гаечный, нырнул под мотовило, меняю сломанную секцию на новую, тороплюсь, каждая минута – золото, погода отличная, соперники (два комбайна) жнут, а у меня остановка... Им в радость. Соревнуемся же! Мне надо два болта открутить, снять сломанную секцию, поставить новую и снова прикрутить эти два болта. Работы минут на пять-семь. Мотор даже не глушу, хлопает на малых оборотах...

Вовка забрался на моё сидение, за руль взялся, примеряется, осваивается...

Вдруг все механизмы комбайна заработали. Это Вовка включил рычаг молотилки. Меня подхватило мотовилом и потащило в жатку, где шнек закрутился, играя зеркально отполированными стальными пальцами. Левую мою руку между локтем и кистью цапнуло режущим аппаратом. Я заорал, и хорошо, что Вовка тут же дёрнул рычаг обратно. Конечно, в данном случае трюк был не смертельный, сработали бы предохранительные муфты (надеюсь, должны были сработать), но синяков и ссадин понаставило бы, а то и руки могло переломать шнеком жатки. Отделался лишь памятным порезом мякоти на левом предплечье. За полсотни лет шрам почти зарос, едва заметен теперь. Могло быть хуже, если бы Вовка включил скорость и пустил комбайн вперёд, на меня, и при этом растерялся...

Известен случай, когда парню вот так шкивом вариатора ходовой руку оторвало, что-то он там делал, то ли смазывал, то ли гайки подтягивал, а в этот момент без предупреждения мотор комбайна запустили...

Мне, когда я штурвальным у Геннадия работал, граблёной соломонабивателя памятно сошлось и тоже по левой руке, только по кости...

А дело было так. Закончили мы один клин жать, стали переезжать на соседний лоскут того же поля, ну, может, метров сто – сто двадцать. Я, пользуясь тем, что Геннадий механизмы молотилки выключил, заскочил в копнитель, чтоб с днища его сгрести накопившуюся полёву (отходы при обмолоте зерна, мякина), под тяжестью которой уже плохо срабатывал сброс соломы¹.левой рукой без опаски ухватился за «доску отсекаателя», по-моему, так она называлась. Конечно, это не деревянная доска, а металлическая плоскость длиной на ширину копнителя, и по ней обмолоченная солома, поступающая из молотилки по клавишам соломотряса, сдёргивается в копнитель двумя непрерывно работающими граблями соломонабивателя. Держусь я, значит, рукой за плоскость, а ногой сгребаю спрессованную полёву с днища копнителя на землю. Своею тяжестью она уже нарушала баланс днища, и оно с трудом опрокидывалось при сбросе соломы. И вдруг – сильнейший удар мне в руку. Геннадий не знал, что я в копнителе. А мне из копнителя не видно, что он уже заехал на новый массив. Заехал и сходу включил молотилку. И удар двух зубьев левой граблины пришёлся мне в руку.

А между зубьями граблины и плоскостью, на которой лежала моя рука, зазор миллиметров двадцать. И один зуб угодил мне в самую кисть, где

¹ Любопытно, что солому в те годы не знали куда деть, оставшуюся в поле сжигали по весне целыми омета́ми. А сегодня в зоомагазинах, в магазинах для сада и огорода солому продают пакетиками...

толщина кости, конечно, уж никак не двадцать миллиметров, а гораздо толще, около сорока. Кость мне пробило глубоко. Удар был мгновенный и такой болезненный, что я не помню, как выкатился из копнителя на землю, зажал кисть правой рукой и, изнемогая от невыносимой, просто невыносимой боли, вполне сравнимой, наверное, с ранением в бою, пошёл в перелесок, чтоб никто не видел моих невольных слёз. Но крови почти не было. Ладно, как-то всё обошлось, инвалидом не остался... Техника. С ней нужна особая осторожность, глаз да глаз, и – трезвое внимание...

12 июня 2016 года в Межовке впервые в её истории праздновался День села. Из сотни домов на начало шестидесятых годов сейчас осталось меньше половины – 36 или 37. Но народу много съехалось. Был там и Вовка Габов – Владимир Иванович теперь. Сын, кстати сказать, Ивана Мироновича и брат Виктора Габова, когда-то отслужившего в Германии нашего кумира. В разговоре со знакомыми мужиками вспомнил я со смехом Володину оплошку, показывая шрам на руке, Володя страшно засмутился, трясёт головой, морщится, устыдился, помнит...

В тот день узнал я, что этой весной умер Иван Малышев, мой однокурсник, безропотный добросовестный труженик, а Толя Киряков без вести пропал ещё в мае 2010 года, за пару недель до своего 70-летия. Видели люди, что пьяненький прошёл по улице за деревню в сторону болота и не вернулся. То ли заблудился где-то в лесу и умер от переохлаждения, то ли завалился в какую-нибудь яму... Искать ходили, конечно, да так и не нашли... Там дикие травы в человеческий рост, попробуй наткнуться на тело лежащего в них человека... И вороны, что удивительно, не показали такое место. Какая трагическая судьба.

Мать Анатолия, Клавдия, в его детстве погибла на сеялке в ночную смену, тоже в мае, конец головного платка подхватило в темноте валом высевающего аппарата, намотало и задушило, крикнуть не успела. А может, и крикнула, да не услышал тракторист, мотор же ревёт... А верёвки сигнальной или не было, или дёрнуть за неё Клавдия не успела. Всё же в таких случаях происходит неожиданно и быстро, а человек теряется...

Вот какая она – в деревне жизнь крестьянская, и, конечно же, об этом надо писать. Как нелегко достаётся хлеб, какими тяжёлыми усилиями он добывается. И если, случается, пьют деревенские люди, то не от хорошей жизни пьют, не от бескультурья, а от своего каторжного и беспросветного труда, далёкого от утончённой культуры, но всегда граничащего с тяготами, чрезмерными усилиями мышц и души, а нередко и с риском для жизни... А улучшения, просветления, облагораживания они не видят даже в далёкой перспективе. Разве не писательский долг – сказать об этом?

И не из квасного же или презренно-навозного патриотизма ценю я высоко труд Микулы Селяниновича, то есть – крестьянина, считая его профессию (тысячный раз готов в этом признаться!) по значимости первой в ряду всех других, а потому, что сам испытал я этот труд с малых лет и через это понял, прочувствовал и оценил его великое значение, его непреходящую вселенскую важность! Потому что страшнее голода нет ничего!

Вот потому и мечтаю о памятнике русской деревне, которого она, конечно же, давным-давно достойна, выстрадала. Несколько лет я вынашивал этот образ, прежде чем воплотился он в строчки:

Памятник русской деревне

*Женщина, дед и подросток
Тянут с натугою плуг...
Всё объясняется просто:
В России – военный недуг.*

*Сзади, на поручах плуга, –
Солдат с деревянной ногой:
Увы, из военного круга
Не вынес награды другой.*

*Оратаям этим народным
Теперь недосуг отдыхать:
Чтоб клин¹ не остался
бесплодным,
Кормилицу надо вспахать...*

*И полюшко способом древним
Вот пашут – дай, Господи, сил!
Памятник русской деревне
Мог бы – из бронзы отлил:*

*Женщина, дед и подросток
(Да будет им в бронзе покой!)...
На плуг налегает всем ростом –
Солдат с деревянной ногой.*

02–11 января 2009

3а годы Великой Отечественной войны, по сельсоветам Ординского района, из каждой сотни призванных на войну не вернулось с полей сражений 76 человек! Можно представить, какой трудовой потенциал потеряла деревня, можно понять, почему заросли поля, на которых золотилась хлебная нива, паслись тучные стада...

Анекдот в анекдоте

С разных деревень нашего огромного колхоза «Урал», в установленной очередности, мужики пригоняли свою технику на зимний ремонт в мастерские центральной усадьбы, и на это время обосновывались в колхозном интернате. Некоторые по целому месяцу здесь обитали, навещая родимый дом только по воскресеньям. Механизаторы одной деревни, когда их накапливалось в интернате два-три человека, обычно группировались в одну компанию и ужин готовили вместе. Обедали всегда в колхозной столовой при мастерских, кормили здесь недорого и сытно. Разные компании земляков в интернате ужинали за длинным столом, однако все одновременно, так было удобнее. А вот посуду после артельного ужина мыл всегда очередной общий дежурный.

¹ Участок земли.

В этот вечер дежурил межовский тракторист Коля Тёплых, тот самый, с которым полтора года назад я работал прицепщиком и мы не могли запустить мотор из-за скопившегося в поддоне конденсата. В конце ужина шофёр из Сосновки, Витя Цаплин, вернувшийся из очередного рейса, рассказал смешной анекдот. Все отхохотались дружно и стали выходить из-за стола. Один Коля Тёплых не рассмеялся, не улыбнулся, хотя слушал анекдот внимательно и серьёзно, он вообще редко смеялся.

Кто-то после ужина развалился на кровати поверх одеяла: книжку почитать, газетку полистать, картинки в журнале посмотреть, кто просто поваляться в уюте и тепле, намёрзнувшись за день на работе; некоторые вышли в холодные сёңцы покурить на морозе, в комнате не курили. Гнулся к концу 1965 год, телевизоры тогда ещё и в собственных-то домах были редкостью, а в колхозном интернате такого чуда и подавно не могло быть. Да и показывали телевизоры на селе ещё очень плохо. Поэтому вечерний свой досуг в интернате каждый устраивал по своему разумению.

Дежуривший Коля отправился на кухню мыть посуду, слышно было, как он там сосредоточенно назвякивает мисками, ложками...

Прошло после ужина минут около десяти-пятнадцати, кто выходил покурить – уже вернулись, поёживаясь от холода, тоже улеглись на кровати. Неожиданный Колин смех как ветром подхватил с кровати нескольких – видимо, самых любопытных – мужиков: они побежали смотреть, чему с таким детским простодушием засмеялся Николай Андриянович, рассмешить которого было практически невозможно. Но ничего смешного на кухне они не обнаружили.

– Коля, чё у тебя стряслось? – спросил в недоумении Цаплин.

– Да анекдот-то шибко смешной ты рассказал! – вскинулся весело Коля, глаза его блестели.

Те, кто выбежал, так грохнули, что тут уж и самые ленивые не выдержали и пошли посмотреть, что там за комедия разыгралась.

Запуск в морозы

В последние десятилетия у нас зимы тёплые, по-настоящему морозных дней бывает мало¹. Техника автомобильная и прочая на улице стоит, и моторы без проблем запускаются, потому что есть прогревающие устройства, незамерзающие жидкости охлаждения.

А я вот припоминаю годы, когда начал сам на технике работать. Тракторы ДТ-54 ставили мы на ночь в деревянный гараж вместительностью на три машины. Горячую воду из радиаторов сливали в специальную 200-литровую бочку с вырезом для зачерпывания ведром, вмонтированную горизонтально в кирпичную печку. Антифриз в те годы был непозволительной роскошью, разве что военные пользовались им...

Утром рано приходил дежурный тракторист, разводил в печке огонь и нагревал воду, в которой плавали сверху мазутные разводы. Гараж от мороза мало спасал, в нём было лишь чуть теплее, нежели на улице. Но слитая

вечером из моторов горячая вода не успевала за ночь замёрзнуть, разве что ледком покрывалась в очень сильные морозы. Утром её, заново нагретую, заливали в радиатор и запускали мотор. Пусковой одноцилиндровый двухтактный движок, случалось, подолгу ревел надсадно, с трудом прокручивая основной двигатель, который никак не хотел запускаться, выхаркивая из выхлопной трубы шлейф седого дыма от невоспламеняющейся солярки. Наконец, двигатель схватывал, с натугой начинал развивать собственные обороты, бешено рыча и выпуская кольца уже чёрного дыма, а потом и вовсе переставая дымить. Тракторист с облегчением вздыхал – завёлся мотор. Прогрев двигатель, тракторист выезжал на работу. Обогрева в кабине не имелось, и температура была, что и на улице, только от железа было ещё холоднее, ноги в валенках мёрзли от стального полака... Разве что от ветра спасала такая кабина.

Но ещё труднее при запуске мотора приходилось шофёру Василию Андреевичу Рогожникову, который работал на машине ГАЗ-63. Трактористам нередко приходилось с ним ездить в его открытом кузове в Ашп, на ремонт техники. Газик свой он оставлял на ферме, возле кормокухни, в которой по утрам дежурная доярка кочегарила котёл, нагревая воду для нужд фермы. Минус 20 градусов и ниже в те годы было нормой. Минус 10 считалось уже тепло. А нередко в Никольские, Рождественские, Крещенские, Сретенские морозы (декабрь – февраль) доходило до сорока, а то и больше.

И на таком морозе Василию надо было запустить мотор, нагреть металл, не дать во время запуска хотя бы замёрзнуть воде в радиаторе, в блоке... «Ритуал» запуска был очень непрост. Вася приходил и начинал прогревать мотор, промёрзший за ночь капитально и абсолютно. Под поддон картера ставилась разведённая паяльная лампа, которая нагревала масло и частично весь мотор, по крайней мере, размягчая, ослабляя в железе стылость.

В раскопечгаренном титане кормокухни грелась вода. Вася набирал (находились и помощники-добровольцы из тех, кому предстояло на машине ехать) горячую воду, заливал в радиатор, при этом сливной краник оставался открытым, чтоб вода шла напроход, от замороженного железа остывала она мгновенно и вытекала уже холодной. А горячую приносили ведро за ведром, заливали, прогревая водой двигатель. Мотор вмещал около трёх ведер, пропускать приходилось иногда до семи ведер.

Наконец краник перекрывался, начинался запуск. Кто-нибудь крутил мотор рукояткой, водитель помогал из кабины стартером. Действовать надо было слаженно и быстро, ибо на таком морозе вся подготовка могла пойти насмарку в считанные минуты. И тогда бы пришлось всё начинать по второму кругу. Иногда мотор запускался быстро, иногда шофёру приходилось понервничать. Иногда в воздухозаборник, для облегчения запуска мотора, заливали немножко медицинского эфира, если удавалось раздобыть таковой.

И вот мотор запущен, усаживались каждый на своё место: двое счастливых (уважаемые, авторитетные, приближённые к водителю, начальствующие и т. п.) в кабину – двое вместо одного, теснились, остальные в кузов. Набрасывали к переднему борту немного соломы, ложились на неё, прижимались друг к другу и так ехали 16 км. Иногда сильно промерзали, иногда не очень...

¹ Первого января 1979 года в Перми стоял мороз минус 52 градуса. Вся техника на дизельном топливе встала, а на трамваях даже краска облупилась...

Промашка Коли

Однажды этот Коля Тёплых на своём специфическом и капризном «стиляге» работал летним жарким днём возле деревеньки Никитовки (теперь и место не найдёшь, где жили там люди). Что Николай наш делал на том поле, мне – неведомо, скорей всего, культивировал пары, может, дисковал, поскольку один работал, без прицеппика.

Повариха тракторной бригады приехала на лошадёнке, запряжённой в дрожки, привезла обед в двух изрядно помятых, потому и списанных воинских термосах, каким-то чудом доставшихся колхозу, накормила сытно Колю, уехала к другим. Он, как водится, перекурил неспешно после хорошего обеда, похмыкал, привычно потянулся с шутливой мыслью «бабу бы теперь...», сплюнул, зевнул и стал заводить мотор. В жару горячий дизельный мотор даже не с пол-оборота, а – с четверти оборота запускается.

Человек прямолинейный, без тонких связей, Коля установил рычаг газа без всякой надобности почти на максимум, привычно намотал на шкивок пускового движка шнур (который мы в шутку прозвали стартёром), перед рывком шнура – для устойчивости – ногу утвердил на башмаки гусеницы и дёрнул. Основной двигатель мгновенно завёлся сразу за пусковым – подхватил трактор и погнал его по полю, и пускач тоже ревет...

Не посмотрел Коля, что «стиляга» у него стоит с включённой скоростью, а положено проверять рычаг и ставить на нейтралку, это уж перед запуском мотора первая заповедь тракториста. Видимо, так мужику хотелось есть, что, увидев повариху, он заглушил «стилягу» прямо на скорости да забыл про это.

Опорным катком проехало Коле по ноге, по носку, придавило пальцы к гусенице, это потому, что нарушил он и вторую заповедь тракториста – при запуске мотора не ставь ногу на гусеницу...

Трактор отъезжает всё дальше, но вдогонку за ним побежать на одной ноге Коля не может. А впереди-то глубоченный Веселущинский лог, уклон метров тридцать, да крутуций, не лог – пропасть, и «стиляга» на полных оборотах чешет прямо к этому логу. Раскорячился Коля посреди поля и от боли да горькой беспомощности только руками машет, чуть не плачет: даже ему, тугодуму, нетрудно оказалось представить, как сейчас его трактор с крутого склона кувырком пойдёт... Не расплатишься до конца жизни, Николай Андриянович, за эту кучу проклятого железа!

Не иначе как на счастье Колино, тёзка его, Никола-татарин проходил недалеко по дороге. Шёл он домой с рыбалки на реке Сып, увидел, что произошло, бросил свои удочки с уловом на землю, дёрнул наперерез «стиляге», догнал его. Рискую быть покалеченным, изловчился, вскочил сзади на прицепную серьгу, между трактором и прицепным орудием, и через открытое заднее окошко полез в кабину, дотянулся до рычага газа (в отличие от ДТ-54, у «стиляги» он был далеко от края кабины, в центре панели, через боковую дверцу не достанешь – гусеницей тебя зацепит). Отчаянным мужиком оказался недавний зэк, рискованным, заглушил мотор, остановил трактор...

Много с этим Колей Тёплых случалось разных приключений, обо всём и рассказать невозможно. А вспоминать об этом случае он – не любил; если же кто вспоминал, то очень на того сердился. То опускал, то вскидывал резко голову кверху, поджимал губы, и при этом непрерывно «наяривал» коленкой. Такая у него была привычка.

Безвредный простодушный человек, добросовестный трудяга, он прожил долгую жизнь, умер в 2016 году, немного не дотянув до 90-летия.

Поездка на Украину

У Фёдора Никандровича был младший брат Иван, в тридцатых годах он, младший командир Красной Армии, служил на старой польской границе, недалеко от города Олевска Житомирской области. Здесь он женился на Марусе, обзавёлся семьёй, у них родилась дочь Валя. Но Ивана репрессировали, десятилетний срок он отбывал на Дальнем Востоке, где и умер в сороковых годах, не дожив до освобождения всего какой-то год.

Валя, дочь Ивана, и Аня – дочь Фёдора Никандровича, моя сестра по матери, были двоюродными сёстрами. Аня списалась с Валею и к осени 1965 года вместе с трёхлетним сынишкой Валерой уехала к ней в Олевск, районный городок. Здесь она без проблем устроилась на работу в роддом, по своей специальности, жила на квартире. С Геннадием она развелась, он всё более спивался. Уже в двухтысячных годах я услышал от моего близкого друга и коллеги, писателя Ивана Гурина, который знал Геннадия, в молодости вместе бегали на районных соревнованиях по лыжам, что спился Геннадий окончательно, жил с какой-то женщиной в деревне Забродовке, в восьми километрах от Уинского, и в зимнюю пору, в поле, на дороге из Уинска в Забродовку был убит хулиганами-подростками.

В марте 1966 года мы с мамой отправились в Олевск, который стоял на реке Уборть, навестить Аню. До этого я нигде не бывал (не считать же за романтическое путешествие побег из дома в детстве). Жила Анна на квартире у Прасковьи Григорьевны Чудоёвич (тёти Паши), которая родом была из Закарпатья, высокая, костистая, мощная женщина, довольно грубого склада, с зычным, гортанным голосом. Одинокая, бездетная, очень простая женщина лет под пятьдесят. Работала на фарзаводе (фарфоровом заводе), который выпускал электроизоляторы. Выполняла там тяжёлую физическую работу. По ночам, в какой-то технологический момент, заводские трубы изоляторного полыхали огромными факелами, вырывающимися из них. Зрелище для меня, деревни, оказалось завораживающим.

Тётя Паша была совершенно безграмотной, не умела даже расписаться, на русском говорила с трудом, не скоро поймёшь, что скажет, но при этом помимо родного знала немецкий и еврейский языки. Евреи составляли в городе очень значительную часть населения. Рассказывали похожую на анекдот байку, что один из них работал простым шофёром и поэтому его знал весь город. Правда, городок был небольшим, районным, в нём даже автобусного сообщения не имелось.

После я не раз ещё приезжал в Олевск, побывал и на еврейском кладбище, где во время Великой Отечественной проходили массовые расстрелы. Жители Олевска, украинцы, мне рассказывали с недоумением, как в годы фашистской оккупации шесть немецких солдат конвоировали на расстрел несколько сот евреев (по одним слухам, шестьсот, по другим, даже восемьсот человек). И вместе с возмущёнными рассказчиками я был поражён тем, что никто, никто из нескольких сот покорных евреев не бросился на этих шестерых конвоиров. Видимо, каждый боялся, и в итоге погибли все...

У тёти Паши имелась хата с двумя комнатами и кухней. Хату окружал небольшой сад с несколькими фруктовыми деревьями: яблони, груша. Каждый день, пока я там гостил, запекал в печке яблоко и съедал. Очень вкусно было! Периодически тётя Паша (самым примитивным способом, без аппарата) гнала горилку и, видимо, потихоньку продавала её. Охотников хватало, хотя горилку гнали, наверное, в каждой третьей хате. Бутылка стоила два

рубля, почти на рубль дешевле «казёнки», то есть заводской водки, и была у честной хозяйки чуть покрепче «казёнки».

Сыну Ани, Валерику, исполнилось четыре года, он посещал садик, было забавно слышать, как он уже лопочет на украинском языке: «як я злякався» – как я испугался. Валера был копией Геннадия, но совершенно белоголовый. Возможно, пьянство отца сказалося на том, что глаза у Валеры бегали и один немного косил. Было решено в эти дни окрестить его. Крестили у священника на дому, вечером, по темноте, конспиративно. Я был крёстным, тётя Паша – крёстной, таким образом, мы с нею стали кум и кума.

Мама очень легко сошлась с тётей Пашей и сдружилась с нею. Мне кума подарила рабочие очень прочные кожаные спецботинки, думаю, едва ли не в нашем Кунгуре на кожкомбинате сшитые. Это ей такие выдали на фарзаводе. Но были они огромной величины, сорок пятого или даже сорок шестого размера, и хотя в деревне мне их уменьшил Митя (по прозвищу – Хитромудрый), но на комбайне я в них поработал мало: от некачественной Митиной работы они очень скоро «разинули рот»...

Следующим летом кума побывала с Аней в нашей уральской Межовке.

В январе 1990 года беда привела меня снова в Олевск. Шагаю по улице городка, а навстречу мне сгорбленная старуха, идёт прямо на меня, посторонилась, чтоб пропустить её, она ко мне. Остановилась в недоумении. Она спрашивает: «Вы брат Анны Фёдоровны?» – «Да. Кума?! Тётя Паша, кума!» Передо мной стояла усохшая сгорбленная старушка с простой палкой в руке, на которую она опиралась. Это было всё, что осталось от физически сильной величественной женщины. Укатала жизнь, согнула вредная работа. Неизменным осталось только её доброе, отзывчивое сердце. Недаром же сказано святыми отцами: *душа – единственное тво сокровище, больше тебе ничего не принадлежит.*

Она брела в дом умершей от инсульта Ани проститься с нею перед невозвратной дорогой. Сама она проживёт ещё несколько лет, завещав хату квартирантке, которая будет ухаживать за нею эти годы. Небольшая хата из двух комнат и кухни была главным достоянием всей нелёгкой жизни Прасковьи Григорьевны.

В Москве (на обратном пути) у нас с мамой оставалось до поезда приличное время, и мы записались на экскурсию. По дороге нашу группу сфотографировали у Большого театра, а в конце часовой или полутора часовой экскурсии уже выдали готовые фотографии. Память.

Памятным оказался и наш поезд, шедший куда-то в Сибирь. В нём ехала большая группа завербованных, они пьянствовали, дрались, нагоняя на пассажиров страх и ужас, дело едва не доходило до поножовщины. Было такое впечатление, что все они недавно освободились из заключения. А что все они побывали в заключении – это абсолютно точно. Об этом свидетельствовала их развязная блатная речь и наглое поведение.

Мы пошли в вагон-ресторан покушать. Там этой братвы было полно. Один из них сидел через столик от нас, двое приятелей его в какой-то момент на время отлучились. Официантка принесла ему бутылку водки, и, когда ставила на стол, он бесцеремонно обхватил левой рукой девушку за талию, привлёк грубо к себе, а другой рукой очень ловко (не помеха опьянение) вытащил у неё из кармана передника десятирублёвую купюру. Я смотрел на эту сцену, разинув от удивления рот. Хорошо, что у меня хватило ума (скорее испуга?) не объявить официантке об этой карманной краже...

Люблю отчизну я

Комбайн я ставил на ночь иногда возле своего дома, чтоб не гонять лишних два километра до гаража или до склада и не мерить после этого до дома ногами лишнее расстояние, теряя понапрасну время. Однажды делаем с моим штурвальным Вовкой технический уход, погода не позволяла жать, и вдруг он читает ни с того ни с сего (нахлынуло?) стихотворение Лермонтова:

*Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.*

Он всё стихотворение прочёл по памяти. Это меня так поразило и запомнилось! У меня отношение к этому стиху через Вовку одновременно сложилось новое, какое-то особое. Я неожиданно проникся к нему по-другому, наверное, уже через какой-то свой опытишко жизненный, по сути-то начинающейся ещё только жизни... Мне той весной исполнилось восемнадцать.

*Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно...*

После меня, уже взрослого, поразит стихотворение А. Твардовского «Рожь», хотя было оно у нас в Родной речи за четвёртый класс:

*Рожь, рожь... Дорога полевая
Ведёт неведомо куда.
Над полем низко провисая,
Лениво стонут провода.
Рожь, рожь – до свода голубого.
Чуть видишь, где-нибудь вдали,
Нырнет шапка верхового,
Грузовичок плывёт в пыли.
Рожь уходилась. Близки сроки.
Отяжелела и на край
Всем полем подалась к дороге,
Нависнула – хоть подпирай.
Знать, колос, туго начинённый,
Четырёхгранный, золотой,
Устал держать пуды, вагоны,
Составы хлеба над землёй.*

Это былинное полотно я часто видел с самого раннего детства, поскольку вырос на просторах колосащихся полей. Помню, как Виктор Тёплых, посёльский бригадир, отец Люськи, одноклассницы, на лошади верхом – незабываемая картинка – мчался вдоль полевой дороги наперегонки с грузовичком ЗИС-5, везущим зерно... А хлебное поле начиналось в полусотне метров от нашей избы. И когда на него заезжал комбайн жать хлеб – это было целое событие, пропустить которое было невозможно, и мы, детвора, бежали смотреть, как работает техника... А если ещё удавалось прокатиться, это было вершиной детского блаженства...

Межовские просторы, которые открывались взору от Шестого поля, с «Титковой шишки», называемой иначе ещё «Острая гора», – воздействовали на душу совершенно особым образом, вливая в неё неосознаваемую закуску любви к родному краю.

*А с той Горы такой простор,
Что мало дня – окинуть оком...*

Видимо, здоровая духовно-нравственная основа человека формируется из наслоений жизненного опыта и сочетания его с лучшими плодами художественной, интеллектуальной деятельности личности...

Вернусь, однако, в свою начальную школу, в тот год, когда на парней Ваньку, Мишку, Сашку и Витю Зелёнкина я смотрел глазами первоклассника.

Витя Зелёнкин окажется самым примерным и успешным учеником, получит среднее образование, после четвёртого класса он будет три года ходить в школу за пять без малого километров (это от его дома) в Ключики, а после седьмого – за шестнадцать километров в Ашап. Из всех он выделялся какой-то спокойной зрелостью, серьёзностью. Думаю, что очень важное значение в наставничестве, в воспитании его трудолюбивой и порядочной души сыграла его религиозная няня, старшая сестра его матери – тётка Маня.

После десятилетки Витя поступит в Троицкое авиационно-техническое училище и станет лётчиком гражданской авиации – авиационный техник, бортмеханик. С годами повысит квалификацию, окончит Киевский институт инженеров гражданской авиации... Отлетает положенные годы, уйдёт на пенсию, перед распадом СССР вернётся в 1990 году из Туркмении (Чарджоу) на свою малую родину, устроится инженером в колхозе «Урал», в том самом селе Ашап, где учился когда-то в средней школе. А после, уйдя окончательно на пенсию уже по возрасту, займётся пчеловодством, станет на своей старенькой «Ниве» привозить мёд на продажу в Пермь, здесь у него сложится своя постоянная клиентура, которая будет ему доверять и покупать его качественный и добротный мёд.

Приезжая в Пермь, он будет звонить мне, извещая о прибытии, и я тоже несколько лет подряд буду покупать у него трёхлитровую банку мёда, зная, что это надёжный мёд. Благо, что место его постоянной клиентуры будет всего за пару остановок от моего дома.

Когда ему исполнится 70 лет, он сократит пасеку до нескольких пчелосемей, оставленных для удовлетворения своих семейных нужд.

В юности он оказал на нас, наше поколение, по крайней мере на нескольких парней, очень благотворное влияние, подал положительный пример... А его два сына тоже связали судьбу с гражданской авиацией.

К уборочному сезону 1966 года комбайн я постарался хорошо подготовить, провёл тщательный ремонт. Главный инженер Юрий Михайлович Минеев благоволил мне и в качестве поощрения выделил для ремонта комбайна место в цехе мастерской, а тут всё под руками, не то что на уличной стоянке, где ремонтировали свои комбайны большинство механизаторов. Но срок на мастерскую выделяли строго ограниченный. Давали понять, что не один ты тут. За то время, пока комбайн стоял в мастерской, я попутно научился электросварке, а это очень нужное дело в нашей работе, тем более что в межовскую деревенскую кузницу отдали небольшой старенький сварочный аппаратик. И в случае мелкой поломки, требующей сварки, уже не надо было

ехать за шестнадцать километров в Ашап, или вызывать летучку со сварочным агрегатом. Я сам сваривал.

И вот началась страда, первый волнующий заезд на поле: как-то дело сложится в новом сезоне, как техника пойдёт, какая погода будет, какой урожаи земля-матушка вырастила...

Для меня сезон сложился благополучно, комбайн (за исключением неизбежных мелких поломок) шёл хорошо, я отличился. Снова премировали меня костюмом, который был ещё лучше прошлогоднего. И, что самое главное, трёх человек от колхоза: Бронникова Михаила – водителя единственного самосвала марки Зил-130, выделившегося на вывозке зерна, и двух комбайнеров – Александра Мальгинова и меня – по итогам хлебной страды наградили бесплатной недельной поездкой в Москву, на ВДНХ (выставка достижений народного хозяйства). В моей жизни это было очень важное событие. Работа потихоньку-помаленьку счищала с меня коросты дурной славы. Исправляла мою оценку в глазах других людей.

В Москву мы уехали 14 октября, жили в шикарной гостинице «Золотой колос», ежедневно посещали павильоны ВДНХ, ходили на всевозможные экскурсии. Побывали в Оружейной палате Кремля, я сфотографировался возле Царь-пушки.

Особенно запала в душу мимолётная встреча с Юрием Гагариным. Шёл октябрь, но этот день был солнечным: наша экскурсионная группа стояла напротив подъезда здания Верховного Совета СССР, когда Юрий Алексеевич в группе из четырёх-пяти человек полковников и генералов вышел из здания, о чём-то переговариваясь и улыбаясь, они уселись в поджидавшие их машины и уехали. Это запомнилось. И потому в 1968 году, когда я служил в пограничном отряде и услышал, что Гагарин разбился, пережил это как личную трагедию...

По окончании отведённого нам срока командировки я с земляками расстался: они отправились домой, на Урал, а я решил снова съездить на Украину в гости к сестре. Впервые в жизни – тоже событие! – летел от Москвы до Киева на самолёте, Ту-104. Дальше ехал поездом Киев – Брест.

Аня, когда перебралась в Олевск, первое время, пока искала работу и квартиру, жила у своей двоюродной сестры Вали Николайчук. Они были примерно одного возраста. Меня познакомили с Валиной семьёй, с её мужем Василием, который работал шофёром. У них на тот момент было уже трое или даже четверо детей, жизнь тянули они нелёгкую, Вася любил спиртное...

Побывал я и в семье Валиной матери, Маруси, первый муж которой, Иван, брат Фёдора Никандровича, погиб в лагерях. Дородная, представительная женщина. Второй её муж, Василий Иванович Рой, работал на железной дороге, занимал приличную должность. Семья была обеспеченная, состоятельная. У них рос мальчик лет десяти, Серёжа. Василий Иванович оказался человеком весёлого нрава, шутник, балагур, очень гостеприимный и доброжелательный.

Во время войны он служил на железной дороге, прокладывали полотно на освобождённой территории вслед за наступающей нашей армией. Запомнился его рассказ о послевоенной белорусской деревне, которая его, выдавшего виды, поразила своей нищетой и убогостью. Одежда – лохмотья на лохмотьях. Посуды никакой, ложки уродливо-самодельные, ножом выструганные из дерева. В центр стола вделано корытце, в это корытце накладывают пищу, какая есть, и семья кушает. Закончив трапезничать, в корытце наливают воду, споласкивают его и, выдернув пробку в доньшке корытца, сливают ополоски

в деревянную лоханку, которую ставят под стол... После чего стол, корытце накрывают от мух какой-нибудь дерюжкой...

А мы сегодня прибудняем, что нам плохо живётся...

Второго ноября мы отпраздновали день рождения Ани, ей исполнилось 32 года, а третьего в 6 часов утра я уехал.

Украина. В прошедший уборочный сезон 66-го года у нас в Межовке на отвозке зерна от комбайнов работал ашапский шофёр Иван Кобец. Украинец, осевший на Урале. С характерным выговором, весёлый, юморной мужик. Фронтвик. Тогда ещё много было живых фронтвиков, которых никто и не думал называть ветеранами. Вот он с юмором и рассказывает, как на фронте заболел куриной слепотой, нехватка витаминов, и лечить нечем было эту болезнь. Как только наступал вечер – терял Иван зрение.

Однажды осенней ночью, накинув шинель на плечи, вышел он из землянки по малой нужде. Отошёл в сторонку, а обратно дорогу найти не может, тыкался, тыкался туда-сюда, совсем отклонился в сторону и неожиданно скатился с обрыва вниз, шинель слетела, остался в одном белье. А под этим обрывом раскинулось капустное поле. Капусту, конечно, воровали. Для пресечения воровства были поставлены часовые с приказом стрелять по расхитителям. До личного состава это было доведено. Часовой видит, кто-то под обрывом копошится, белеет. Явно капусту тащат. Сделал предупредительный выстрел, Кобец закричал, пошёл на выстрел, просит не стрелять, объясняет ситуацию. Вывели его кверху, отыскивали землянку. Рассказывает Иван и смеётся, что тут уж не только по малой нужде, говорит, а и по большой пришлось...

А вылечился Иван от куриной слепоты, когда уже в Западной Украине поел бараньей печёнки...

На полевом стане, обмоловив последние колосья, праздновали мы отжинки. Разговоры, смех, шутки, воспоминания всевозможных курьёзных случаев во время завершившейся уборки. К Ивану у механизаторов был неподдельный и очень уважительный интерес. Одолеваемые любопытством, стали они его просить, чтоб он спел какую-нибудь песню на украинском языке. Иван долго отнекивался, что не певец, песен не знает. Но мужикам хотелось послушать живую, как звучит украинская песня. Согласился Кобец, запел:

*Дивлюсь я на нэбо, тай думку гадаю:
Чому я нэ сокил, чому нэ летаю?
Чому мэни, Боже, ты крылець нэ дав?
Я б зэмлю покынув и в нэбо злитав!..*

Спел несколько строчек, засмутился, махнул рукой и замолк.

Сегодня, в 2017 году, трудно поверить, что взаимоотношения между украинцами и русскими были тогда самые настоящие братские, можно сказать – родственные.

В сезон комбайнеры зарабатывали очень хорошо. За август 1966 года мне начислили 400 рублей. Огромные деньги по тем временам. Баснословные. Но – теоретически. А на деле система выплаты была какая-то хитровая, изворотливо-лукавая, какую лишь в колхозе можно придумать. Выдавали только пятьдесят процентов, остальные подлежали натуральной оплате: на них в конце года начисляли зерно, сено, солому... А после годового отчётного собрания в начале следующего года должны были выплатить оставшуюся сумму... Но там уже оставались, конечно, какие-то крохи... Если оставались.

А вот зимние заработки у комбайнеров были смешными. Техники свободной для комбайнеров не было, зимой механизаторов оказывалось больше, чем тракторов, работать приходилось в качестве разнорабочего, куда нарядят. Помню, с другом Иваном Рогожниковом (он окончил Суксунское двухгодичное ПТУ, и ему год оставался до армии) возили мы на лошадях с поля на ферму силос для коров. Километра за три. В поле, место высокое, на ветру ледяном насквозь пробирает. Без тулупа делать нечего. Едешь на ощупь, за ночь дорогу замело, но лошадь её как-то угадывает. Приедешь на место – тулуп на круп лошади, чтоб не мёрзла, пока ты сам в работе потеешь. Чтоб вскрыть бурт силоса, промёрзшего за зиму на 25-30 см, приходилось и топором помахать и ломом поработать. Докопаешься до талого, тёплого слоя, от него пар валит, нагрузишь воз – тулуп на себя, поехал. Дорога под полозом визжит, аж уши режет. У лошади весь круп в инее. Пока везёшь силос – с краёв веза его морозом прихватывает... В день удавалось сделать только два рейса... А расценки были мизерными. За февраль месяц я заработал 20 (!) рублей. Для сравнения, электросчётчик бытовой стоил тогда 19 рублей.

Это уж потом стали строить вблизи животноводческой фермы специально оборудованные ямы в форме большого лотка для закладки в них силоса, с бетонными стенками. Очень удобно. Сейчас всё заброшено: ни ям, ни ферм, ни коров, а доярки состарились и вымерли. Но молока в городских магазинах – залейся, на любой вкус. Завозят его и в деревню, так что хотя осталась деревня без коров, да не осталась она без молока. И откуда оно берётся? И из чего его производят? Сие великая есть тайна нашего века.

А что оно такое, патриотизм?

Несмотря на усталость, а в молодые годы она проходила быстро, вечером обязательно – клуб. Здесь собравшаяся молодёжь веселилась. В Межовке дефицита девчат не было. В детдоме, где жили теперь дети олигофрены, для девушек имелась работа нянечками, санитарками, и девчата с окрестных сёл и деревень и даже с соседнего Уинского района тянулись в Межовку. Вообще детдом в то время концентрировал у нас некие интеллектуально-культурные силы, задавал определённый уровень взаимоотношений, которые подкреплялись активной работой библиотечарши – Садковой Любви Ивановны, заведующей клубом – Нины Андреевны. Была художественная самодеятельность. Мы даже с концертами ездили по окрестным сёлам: в Нижний Сып, в Чесноковку. Вася Сычёв, замечательнейший парень, гармонист, да ещё окончивший при Ординском районном ДК краткосрочные курсы баянистов, хорошо играл на этом инструменте, и танцы были обеспечены живой музыкой. Имелся и проигрыватель, на котором крутили популярные пластинки – танго, фокстроты. Часто звучал нежный голос Майи Кристалинской, голоса Людмилы Зыкиной, Эдуарда Хила, Эдиты Пьехи...

Среди парней середины шестидесятых была очень популярна песня в исполнении Эдуарда Хила «На безымянной высоте», из кинофильма «Тишина». Был период, когда пели мы её где только можно. Помню, едем с Володей Кошкиным по лугам на тракторной тележке, везём «зелёную массу» на ферму и во весь голос поём эту песню... Володе, бывшему пограничнику, было тридцать лет, восемнадцать лет мне, будущему пограничнику. Володя очень любил «пограничную песню» «Солдатский вальс», и когда бывал слегка под

хмельком, обязательно её пел, задушевно, проникновенно. Я эту песню с его подачи тоже очень полюбил. Тем более отслужив на границе. Удачная песня: и содержательная, и лиричная, и патриотичная.

*Снежные сибирские
Белые поля.
С детства сердцу близкая
Русская земля.
Ты ли мне не дорог,
Край мой голубой!
На границе часто снится
Дом родной.*

*В полночи холодные
Чутко спит тайга.
Я в края свободные
Не пущу врага.
Светят за рекою
Строек огоньки,
Там за вьюгой помнят друга
Земляки.*

*Повидаться нужно бы
Мне с подругой вновь,
За хорошей дружбою
Прячется любовь.
Я вернусь к невесте
В снежные края,
Верю, знаю, что родная
Ждёт меня.*

*Снежные сибирские
Белые поля.
С детства сердцу близкая
Русская земля.
Родина-отчизна,
Я навеки твой.
На границе часто снится
Дом родной.*

Есть люди, которые обладают каким-то природным обаянием, к ним притягивает, хотя ничего для тебя они не сделали. Володя был из таких. Ни пошлости, ни рисовки в нём не было, но светился он каким-то естественным и некрикливым внутренним благородством. (Как, впрочем, и уже упомянутый мною лётчик Виктор Зелёнкин). Мне кажется, это был какой-то особый сегмент поколения парней, чьё детство выпало на войну, чьи отцы сложили головы на полях сражений.

Помню, на полевом стане шла вечерняя пересменка; готовясь к выезду на смену, Володя заводил свой трактор, и мотор неуправляемо пошёл вразнос: произвольно развивает обороты разрушительной силы. Всё решают секунды. Другой бы растерялся, явление это очень редкое и

непредсказуемое. Володя оценил ситуацию мгновенно, среагировал молниеносно – рванул рычаг декомпрессионного механизма. Двигатель был спасён.

Впоследствии он уехал с семьёй на жительство в северо-западный уголок России – в Мурманскую область, на родину жены, и для меня его след навсегда затерялся... Пытался разузнать, да не удалось...

Конечно, теперь жизнь изменилась так кардинально, что то, что было или казалось интересным нам, современному человеку – чуждо, непонятно, никак не накладывается на его жизненный опыт и, за редким исключением, неинтересно. Вот я сейчас пишу и думаю: да кому нужна эта писанина?.. В моей юности даже столетний разрыв поколений не так чувствовался, как в наши дни десятилетний – пропасть...

А песня «Журавлёнок», которую в 1966 году прекрасно исполнил тот же Эдуард Хиль, прошла через всю мою жизнь. Но только сегодня (а запись эту для чернового наброска делаю 06.08.10) я осознал её огромное значение для меня. Но думаю, что таковое воспитательное воздействие эта песня произвела не только на меня одного. Может быть, не сознаваемое, но однозначно благотворное влияние песня оказала на целое поколение тогдашней молодёжи. Её с наслаждением пели и городские парни, приехавшие с завода на помощь колхозу в сезонных работах, и сельская молодёжь. Ведь те ценности, которые эта песня несла, она на подсознательном уровне закладывала в голову каждого слушателя. Здесь случилось на редкость удачное сочетание и слов, и музыки, и голоса исполнителя!

*Ушло тепло с полей,
И стаю журавлей
Ведёт вожак в заморский край зелёный...
Летит печально клин,
Но весел лишь один,
Один какой-то журавлёнок несмышлёный.
Он рвётся в облака, торопит вожака,
Но говорит ему вожак сурово:
«Хоть та земля теплей,
А родина милей, милей, –
Запомни, журавлёнок, это слово...»*

Конечно, эта песня не о журавлях – о человеке, о людях. Но журавли здесь исключительно удачный образ, удачная метафора, прекрасный символ нашей родины. К журавлям человек испокон веков относился с мистическим почтением. Песня «Журавлёнок» была очень популярна, звучала часто по радио, и её тогда знали, наверное, все.

Мы, три товарища – Коля Габов, Витя Окунцев и я, не однажды в своём деревенском клубе исполняли её со сцены. Нас даже прозвали за неё тогда «журавлятами». И нам это нравилось, льстило. Кстати сказать, дружбу свою мы пронесли через всю жизнь. Теперь нам уже доходит седьмой десяток лет, мы все с одного года – 1948, но Витя февральский, я майский, Коля декабрьский. Коля – единственный мой верный друг, кого я всю жизнь ценю и уважаю. Ещё в наше звено друзей входит Иван Васильевич Рогожников, замечательнейший человек, но Иван шёл годом старше нас, а в том возрасте год – это уже немало. А теперешний возраст всех нас сравнял.

Песню «Журавлёнок» считаю шедевром патриотического воспитания. Она очень ненавязчиво, без «выпученных глаз», в мягкой форме учила нас любить Родину:

*«Хоть та земля теплей,
А родина милей, милей, –
Запомни, журавлёнок, это слово.*

*Запомни шум берёз
И тот крутой откос,
Где мать тебя увидела летящим;
Запомни навсегда,
Иначе никогда, дружок,
Не станешь журавлём ты настоящим...»*

Объяснять, по-моему, тут ничего не нужно.

В марте 2017 года в Интернете я натолкнулся на фотографию текста школьного диктанта, написанного ещё перьевой ручкой, выведенного каллиграфическим, очень красивым и старательным почерком. Скорее всего, в пятидесятых годах, как раз в мои школьные годы. Меня поразило содержание этого крохотного диктанта. Вот его полный текст:

*«2 марта.
Диктант.
Родина-мать.*

Отечеством мы зовём нашу страну потому, что в ней жили отцы и деды наши. Родиной мы зовём её потому, что в ней мы родились, в ней говорят родным нам языком, и всё в ней для нас родное. Матерью – потому, что она вскормила нас своим хлебом, вспоила своими водами, выучила своему языку; как мать она защищает и бережёт нас от всяких врагов. Много есть на свете, кроме нашей страны, всяких государств и земель, но одна у человека родная мать, одна у него Родина».

Текст – гениальный! Так просто и так исчерпывающе полно сказать в нескольких строчках – разве это не гениально!!!

В 1990-е годы, когда Россия была оккупирована кликой бездарного, исторически безответственного Ельцина, один из идеологов клики и активных пропагандистов развала базовых ценностей назвал патриотизм *прибежищем негодяя*.

Я с полным моральным правом могу этого человека самого назвать именно *негодяем*, и более того – государственным преступником, которого в нормальном обществе судили бы вместе с его сообщниками судом, подобным Нюрнбергскому. Но где его взять, нормальное общество?..

Что такое *патриотизм*? *Патриотизм* – это когда душа наполнена памятью об «отеческих гробах» (А. Пушкин), то есть памятью исторической, родовой (отсюда и – родина), когда душа болит за Отечество, за его благополучие, за его будущее, за его природу: недра, реки, леса, зверей и животных, и в первую очередь – за людей. Патриотизм есть проявление самых лучших, благородных чувств человека по отношению именно к базовым ценностям своего народа, без которых народ себя потеряет, выжить не сможет: любовь и уважение к своей истории, культуре, к лучшим людям отечества, к родной земле,

политой и потом, и кровью предков, к их могилам, к своей семье – вот что такое патриотизм. Только самый последний подлец и мерзавец может назвать это святое чувство – патриотизм – низким, а тем более – *прибежищем негодяя*.

«Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы её должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец глупа, наконец даже порочна. Именно, именно когда наша “мать” пьяна, лжёт и вся запуталась в грехе, – мы и не должны отходить от неё... Но и это ещё не последнее: когда она наконец умрёт, и обглоданная <...> будет являть одни кости – тот будет “русский”, кто будет плакать около этого остова, никому не нужного, и всеми плюнутого. Так да будет...» Василий Розанов, «Опавшие листья».

Английский писатель Сэмюэл Джонсон (1709–1784) утверждал, что патриотизм – это то святое чувство, в котором даже самый последний негодяй находит прибежище.

Так гаденькие тогдашние «демократы», ничего общего не имеющие с подлинной демократией, подло извратили слова английского писателя, переделали, назвав патриотизм «последним прибежищем негодяя», наполнив слова Джонсона противоположным смыслом. Сделали они это для того, чтоб вызвать к патриотизму отвращение, чтоб искоренить к этому чувству уважение, чтоб искоренить и само это чувство из души человека, превратив последнего – в негодяя.

А ведь только патриотизм, или иначе ещё – осознание своего национального достоинства – всегда является источником побед за независимость, опорой в исторических испытаниях народа. Без патриотизма невозможно было бы представить наши победы в Куликовской битве, в Отечественной войне 1812 года, а уж тем более в Великой Отечественной войне.

Что такое патриотизм, и какое значение имеет он в судьбе народа, можно проиллюстрировать стихами нашего национального гения А.С. Пушкина:

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отческим гробам.*

*На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека
И всё величие его.*

Животворящая святыня!
*Земля была б без них мертва,
Как (неродящая – Вит. Бог.) пустыня
И как алтарь без божества.*

(1830)

Слова выделены мною полужирным шрифтом для себя, точно так же, как для себя я дерзнул вставить слово «неродящая», у Пушкина в тексте пробел, стих был обнаружен в его бумагах недописанным. «Родное пепелище» – это место нашего обитания, наша земля, наш очаг, наша родина. А «Любовь к отческим гробам» – это уважение и любовь к своему народному прошлому, к своей истории. Вот эти два основополагающих понятия и составляют вместе патриотизм – *Животворящую святыню!*

Гении всех народов чтут патриотизм. Вот ещё пример – Ганс Христиан Андерсен. Приведу несколько строк из его сказки «Дикие лебеди» (текст выделен мной – Вит. Бог.):

«Только два раза в год, в самые длинные дни, наши крылья в силах перенести нас через море. И вот мы прилетаем сюда и живём здесь одиннадцать дней. Мы летаем над этим большим лесом и глядим на дворец, где мы родились и провели детство. Он хорошо виден отсюда. Тут каждый куст и каждое дерево кажутся нам родными. По зеленым лугам бегают дикие лошади, которых мы видели ещё в детстве, а угольщики поют те самые песни, которые мы слышали, когда жили ещё в родном дворце. Тут наша родина, сюда тянет нас всем сердцем, и здесь-то мы нашли тебя, милая, дорогая сестричка!»

Чудо какое! Вот вам и аргумент в защиту патриотизма!

И каким же надо быть «отмороженным» циником, чтобы назвать патриотизм – «последним прибежищем негодяя».

Время Ельцина будет как раз и памятно для нашей истории тем, что эта бездарь сплотила вокруг себя свору таких негодяев, которые предали и продали и *Любовь к родному пепелищу, и Любовь к отеческим гробам*. Какой невероятной ценой приходится восстанавливать то, что было разрушено в годы правления первого президента России. На фоне созидательной деятельности Путина особенно заметна разрушительная работа Ельцина.

И как можно именем главного разрушителя называть библиотеки, университеты, улицы и так далее, строить ему центры. Это исторический стыд России. Можно приложить невероятные усилия к увековечению его памяти, но пред лицом Создателя, перед лицом Правды это навсегда останется лаврами Герострата – человека, стяжавшего себе известность и бессмертие имени через позорные, преступные деяния! Своей деятельностью он нанёс России ущерб больше Гитлера. Уверен, что когда-нибудь придёт время, в которое об этом станут говорить.

В нормальном, здоровом обществе о патриотизме кричать нет нужды, ибо само устройство общества как тонко продуманной системы – формирует патриотов.

Потерявшийся мальчик

В уборочную страду было не до развлечений, в эту пору в клубе я не бывал, кино не смотрел, танцами, играми не увлекался. Даже толком выспаться не удавалось, как на войне: на сон оставалось всего пять-шесть часов в сутки. Страда.

В конце августа 1966 года из детдома, в котором жили теперь дети-олигофрены, убежал и потерялся одиннадцатилетний мальчик. Вся деревня искала его в окрестных лесах несколько дней. Как раз пошёл дождь, жать стало невозможно, для комбайнеров и штурвальных передышка, и нас тоже бросили на поиски мальчика.

В тот день я на болоте сам заблудился, дождик моросит, мокрая трава выше роста, сориентироваться при такой сырой и туманной погоде невозможно. Куда ушли люди, неведомо, голосов не слышно, никто не отзывается. Тишина заложила уши... Плутал я, плутал несколько часов, вымок до последней ниточки, уже отчаялся. Ладно, через плечо висела у меня полевая сумка с едой, было чем силы подкрепить... Наконец вышел куда-то

в поле, вижу – вдали дома какой-то деревни. А место незнакомое. Пошёл в сторону деревни. Подхожу – мать честная! Да это же наша Межовка!

Витя Габов и с ним несколько девчонок, оказывается, тоже плутали в согре, тоже вымокли, но вышли к реке Сып, напротив деревни Михайловки, а в Михайловке был престольный праздник Успеньев день, и Витя отправился в деревню праздновать...

Мальчика найти так и не удалось...

Утром, когда мы выходили на поиски, я второй раз мимолётно увидел девушку, которая появилась в нашей деревне этим летом. Я узнал, что её зовут Валей, что работает она медсестрой в детдоме, куда её недавно после окончания Чайковского медучилища направили по распределению. Симпатичная девушка, она мне сразу понравилась, но я только украдкой полюбовался ею, понимая, что орешек не по моим зубкам. Городская девушка. А духи механизатора – солярка. Но главное здесь была моя ущербность: многие мои сверстники учились в училищах, техникумах, некоторые даже в институтах, а я вот с тяжёлой ношей своего прошлого просто вкальвал в колхозе. Хотя что тут зазорного... «Труд никакой не позорен, позорна одна только праздность!» – сказал древнегреческий писатель Гесиод¹, как я узнаю после...

Третий раз я увидел её уже после уборочной, когда у меня появилось свободное время, и я стал посещать клуб. За ней пытался ухаживать наш лидер, наш кумир Виктор Габов, холостой парень, на семь лет старше меня и которому (по деревенским понятиям того времени) давно пора была жениться. Но Валентина, как я заметил, относилась к нему равнодушно и в то же время чувствовала себя как будто одинокой. Но улавливались и ощущения, что девятнадцатилетняя девушка уже волнуется ожиданием встречи с другом...

Познакомились мы 10 октября, в праздник – День работников сельского хозяйства, а 14-го я уехал в Москву, потом на Украину, откуда с нетерпением рванул домой: сердце звало уже к Вале. Шестого ноября утром был в Межовке. А накануне Валя уехала на две недели домой. Встретились мы только 19 ноября, на дне рождения Виктора Зелёнкина, молодой лётчик приехал в отпуск. Его мама, Лидия Ивановна, была фельдшером детдома, а Валя работала под её началом.

До моего отъезда в Москву мы встречались всего четыре раза, но я так влюбился, что уже только о ней и думал, когда уехал. Не виделась больше месяца, а она, как сама потом призналась, во время нашей разлуки даже не вспоминала меня. Вот дурак, думаю про себя, если б знал – надо было у сестры жить да праздновать...

Но потом была любовь, взаимная привязанность, и, когда я ушёл в армию, мы переписывались, она ждала меня весь срок.

Тайна белого листа

Коля Меркурьев был младше меня на два с половиной года, то есть мне шёл во всю девятнадцатый год, а ему недавно пошёл семнадцатый. Однажды после кинофильма он пригласил меня к себе домой, родители у него были где-то в отъезде в это время, а он собирался печатать фотографии, но одному скучно.

¹ Время жизни Гесиода определяется VIII–VII вв. до н. э. (!). А Гомера – XII–XI вв. до н. э. Почти современники. Век того времени для нас теперь, как год...

Пришли, наладил Коля аппаратуру, поставил увеличитель, налил в ванночки проявитель, закрепитель, воду, включил красный фонарь, а обычный свет выключил. Я наблюдаю, ни разу в жизни этой процедуры не видел. При красном свете достал Коля из чёрного пакета белую фотобумагу, уложил лист в фоторамку под объектив, навёл резкость негативного изображения, выключил на секунду-две лампочку фотоувеличителя, чтоб отвести в сторону защитное красное стекло под объективом, включил обратно лампочку увеличителя на пару секунд, теперь чтоб засветить фотобумагу.

Затем он этот белый лист погрузил в прозрачный проявитель, и вот на листе чистой бумаги начало проявляться изображение человека, которое как будто из молочного тумана выплывало, густело, темнело и становилось всё отчётливее... Восхищение и очарование!

Эта минута стала особой минутой в моей жизни – минутой потрясения, я был буквально околдован таким чудом. Это было сродни ошеломлению дикаря, который не знал кроме камня иного оружия, и вдруг увидел в действии огнестрельное ружьё, громовой выстрел которого на его глазах свалил на смерть большого кабана...

Когда изображение на бумаге достигло нужной плотности, Коля переместил листок в ванночку с водой, активно прополоскал его, чтоб остановить дальнейшую проявку, и погрузил в закрепитель. Сегодня человек лишён возможности видеть это чудо, всё за него делает техника. Чудо похищено, украдена тайна рождения фотографии. Так богаче или беднее стала жизнь? И да, и нет.

Если не на следующий день, то через день точно, я отправился в райцентр, в Орду, где в магазине культтоваров приобрёл фотоаппарат «Смена-8», который стоил рублей около одиннадцати, к нему несколько немецких кассет с плёнкой по 55 копеек штука, фотоувеличитель, к нему объектив «Индустар-50», две ванночки и бачок для проявки плёнки, проявитель, закрепитель, фотобумагу.

По дороге с автобуса от Андреевки до Межовки я шёл и щёлкал местность, фотографировал зимний пейзаж...

Далее я брал у Коли Меркурьева, который увлёкся фотографией в восьмом классе, уроки правильной намотки в темноте и наощупь плёнки на катушку фотобачка, приготовления химических растворов, проявки плёнки и прочих премудростей. Когда я проявил первую плёнку, то оказалось, что, невзирая на пасмурный и мрачный январский день, плёнка была засвечена чрезмерно, я установил очень большую выдержку...

Так я увлёкся любительской фотографией и занимался ею, по сути, всю жизнь. На своём простеньком фотоувеличителе «Искра», купленном в январе 1967 года, я перепечатал тысячи любительских фотоснимков, радуясь чуду рождения каждого. Пусть они получались посредственного качества, но всё равно это была память о времени, в котором мы жили, которое наполняло нас переживаниями, трагедиями и радостями, благородством и подлостью. Увы. А печатание тех чёрно-белых фотографий было живым творческим процессом и каждый раз неким таинством, сопряжённым с длительной подготовкой к нему: разведение химикатов, отстаивание их и фильтрование, проявка, сушка, глянцевание...

Сейчас даже сами фотографы не видят процесса рождения снимков, их печатает машина по заданной оператором программе. Фотографии несравненно высокого качества, но человек теперь не видит чуда рождения

фотоснимка, на этой стадии он не является непосредственным соучастником творческого процесса, живого процесса, который чем-то, мне верится, обогащал и душу человека.

У меня, моих друзей и близких людей осталось на память в разные периоды жизни немало моих любительских фотоснимков. В армии через посылторг приобрёл я фотоаппарат «Зенит-3М», который прослужил мне верно много лет.

Сегодня вся эта аппаратура стала ненужной, и, в Орде купленная, она в Орду и вернулась: я сдал её в Ординский народный краеведческий музей, в том числе и «Зенит-3М»...

ПОЭЗИЯ

Светлана ГОРОШИЛОВА

СВЕТЛАНА ГОРОШИЛОВА

Светлана Борисовна Горошилова – родилась в Заполярье на Полярной станции. По образованию – технарь, по складу души – поэт. Автор двух поэтических книг «Верю» и «Полёта память». Победитель конкурсов «О чести, доблести и славе» (2002) и «Русь Православная» (2013). Член Союза писателей России. Художник. Член Международного Художественного Фонда и Международной Федерации Акварелистов.

Живёт в Москве.

«Радости общения не скрою...»

Я покину город и уют,
руки – крыльями,
где напевы трав, что мне спуют,
станут былями.

В колыбели крыльев птичьих стай
думы вынынчу,
и, припав к теплу древесных тайн,
душу вылечу.

Ода летнему дождю

Шумит мой дождь на множество ладов.
Но музыка без слов полна значенья –
братание с величием трудов,
дыханьем жизни, жаждой очищенья.

От суеты сбежав, не от себя,
и жизнь любя, о горьких днях не помня,
позволь, мой дождь, отпраздновать тебя –
так вольно и свежо, и так легко мне.

За то, что свет добра в твоих руках,
я радости общения не скрою.
За землю в травах, небо в облаках
давай, мой дождь, отпразднуем с тобою.

Не всё равно

Уйти, укрыться, ни о чём не думать,
оставив мир гудящий и большой.
Земной травой вековая память
откроется зелёною душой.

Там лечь в траву и свежести напиться,
измерить жизнь небесной высотой.
Не дышится, где воры и блудницы
кичатся мерзостью и наготой.

В пожаре дух и у мужчин, и женщин.
Земля не в силах погасить грозой.
Глядим с тоской вослед своим ушедшим
и в жизнь идём привычною стезёй.

Спешим на пир совместной суеты,
а там враньё ползёт змеёю в уши.
И некогда коснуться чистоты
и радостью добра наполнить души.

Но Матушке-земле не всё равно,
какими дни наполнятся делами.
Она красна премудрыми словами
и верит – нам понять их суждено.

Кто летит на запад, кто гостит на юге,
я не отдаляюсь от своей округи.
И дружу с простою красотой местной –
тихостью закатов, нежностью древесной.

Нет друзей желанных, где престиж и мода,
для меня надёжней верность и свобода
от долгов, от сплетен, от лукавых званий.
Светятся ночами тайны звёздных знаний.

Званьем неприметным дорожу при свете.
Как и все, зимою думаю о лете.
Закрепляю дружбу с воробьиной стайкой,
рядом с их заботой выгляжу лентяйкой.

А цветы отрадой прорастают в землю,
я же их дыханью, вслушиваясь, внемлю.
Смотрятся глаза их не в чужие дали,
а в земные наши радости-печали.

И ещё со мною неба бесконечность,
и хранит надежды ласковая Вечность.

Между небом и землёй

Затерялся лебедь в облаках,
далека желанная синица.
Не обнять, не подержать в руках,
не взглянуть в глаза, не подивиться.

Лёгкий ветер, листьями звеня,
за тоску хлестнул в плечо упруго.
Не серчай, крылатый, на меня,
я, скорей всего, твоя подруга.

Посмотри, как веточка тонка,
перегнёшь, и может надломиться.
Вот возьми – взамен моя рука.
Чем ещё с тобою поделиться?

Есть у нежности особый звук,
заревым преображённый светом.
Он исходит часто от разлук,
вестью ветра посланной поэтам.

Кто избрал, как меру, свет земной,
не печальтесь, головой качая.
Нелегко меж небом и землёй
этот свет нести, не омрачая.

Ты – свет мой

Люблю тебя, моя земля,
твои рассветы и закаты,
цветущие луга, поля
и грома летнего раскаты.

Когда на грудь своим теплом
дохнёшь и ластишься листвою,
из сердца радость напролом
взлетает нежностью людскою.

Прошу, меня ты не оставь,
ты – свет мой, мой родник и воздух.
И, поднесённая к устам,
вода твоя и жизнь, и роздых.

Всё, что с тобою прожито,
хранится там, где травы пряны.
Они не хвастают про то,
как часто лечат наши раны.

Жизнь невозможна без корней,
а сколько их в тебе сокрыто!
И не найти земли родней –
в ней и мои не позабыты.

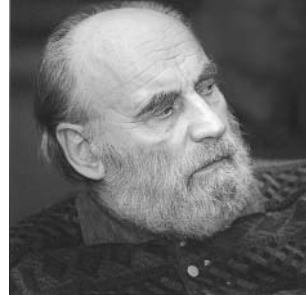

ПОЭЗИЯ

Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклянуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встанька», «Пётр и Февронья», трагедий «Джунглетта», «Морок», «Из-под плитуса», «Проскурова лажа», «Последний круг» и других. Ю.Н. Богданов секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

Юрий БОГДАНОВ

Вечный двигатель

(цикл сонетов)

1

Весной встревожит горьковатый дым
И словно солнцем душу оторочит.
Скворец на ветке весело хохочет
Над хитроумным замыслом моим.

Поведай мне, крылатый побратим,
Как рвал завесу бархатную ночи –
Летел сюда: спешил что было мочи
На родину, к скворечникам своим.

Сравнить себя с тобою б я хотел:
Твоя тоска по родине – святая.
Я больше б тосковал, и не скрываю.

Не отходя от повседневных дел,
Ищу любви космический предел
И вечный двигатель изобретаю.

2

Лениво лето топает в пыли.
Жара рыжеет, млея у колодца.
И головы, наполненные солнцем,
Колодезные студят журавли.

Не оторвутся от родной земли –
Душа в истоках древних остаётся.
Пусть птица перелётная смеётся –
Они оставить землю не могли.

Стояли тихо с веком наравне,
В моём краю преданий и реликвий –
Ловили в небе солнечные блики,

И жизни суть понятна им вполне:
Хранить бы небо в чистой глубине
На дне бадьи, как мудрость древней книги.

3

Дождём леса застираны до дыр,
Осенним ветром голос мой простужен.
На тротуарах сморщенные лужи
Подслеповато щурятся на мир.

Над серым полем дремлющая ширь
И просеки задумчивые глубже...
Скворцы решат: теплее – значит, лучше.
И снимутся с насиженных квартир.

А расставанье – лишь короткий миг:
Он в сердце птицы не оставит раны.
Инстинкт могуч – в другие тянет страны.

Я не отвечу на призывный крик:
К моим полям я больше чем привык
И зимовать на родине останусь.

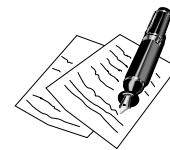
4

Зима, зима... Метелям сны кружить...
Воспоминая силятся согреться.
Я за чертой безоблачного детства
Звучу тревожно, как стальная нить.

Я перестал бы жизнью дорожить
В стальном кольце набросившихся бедствий,
Не будь в груди единственного средства
Себя на этом свете пережить.

Оно зовётся именем – Любовь!
Небесным светом освещает Землю,
Пронзает наши души до основ.

Сама природа дар небес приемлет!
Любовь Творца – то жизни всей начало –
И людям вечным двигателем стала.

ПАМЯТЬ

Александр АЛИЕВ

И священник, и художник

В самом конце прошлого лета, по возвращении из отпуска, мне выпал случай зайти в московскую церковь Святого великомученика Димитрия Солунского на Благуше (неподалёку от Семёновской площади).

Храм этот, откровенно говоря, совсем не древний: сооружён в 1909–1911 годах для духовного окормления жителей тогдашней рабочей окраины

*Александр Газанфарович Алиев – родился в Москве в 1964 г. в семье учёных-филологов, сотрудников Академии наук СССР. В 1988 г. окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, работал в Радиокomitee на Пятницкой (радиостанция «Надежда»), с 1991-го и по настоящее время занимает должность редактора отдела истории и культуры в одном из специализированных изданий МЧС России. Сотрудничает с рядом столичных и областных газет и журналов. Член Союза журналистов Москвы (с 1993 г.), МГО СПР Союза писателей России (с 2008 г.)
Живёт в Москве.*

Храм Димитрия Солунского (Крест)

на востоке Москвы – Благуши. Однако облик его представляет собою удачное сочетание византийско-русских архитектурных приёмов.

В советское время церковное здание использовали как завод вторичной переработки драгметаллов, и вернулось оно верующим лишь в 1991-м, разорённым и отрезанным от всех городских коммуникаций. Восстановительные работы здесь были проведены на удивление быстро, и ныне здесь течёт полноценная приходская жизнь.

А много слышал об одной из храмовых святынь – Кресте-распятии, который несколько лет назад собственноручно сделал здешний клирик – протоиерей Герасим Иванов. Слышал, но вот до сего момента не видел...

Отец Герасим принадлежит к числу замечательнейших личностей в истории Русской Церкви XX – начала XXI веков. Ведь помимо исполнения чисто священнических обязанностей, он много и плодотворно трудился над росписями православных храмов в Москве и Подмосковье, Перми и Печорах, Сербии и Чехии. Причём, заниматься этим он начал ещё будучи мирянином. Когда же принял сан, живописи не оставлял, успевал плодотворно сочетать труд, богослужение, молитву, принимал огромное количество людей.

Об этом в высшей степени скромном и благочестивом человеке мы уже однажды писали и достаточно подробно. Но сейчас есть повод снова вспомнить про батюшку: на март 2018 года (а именно, на 17 число, день памяти преподобного Герасима Иорданского) пришлось столетие со дня его рождения.

...В 2002-м отца Герасима, постаревшего, перенёсшего сложную операцию на глазах, определили в храм Димитрия Солунского на Благуше сверхштатным священником. Он мог стоять, тихо говорить возглас, но, главным образом, исповедовать. Тем не менее, батюшка пользовался огромным уважением паствы, на службы с его участием собирались сотни прихожан.

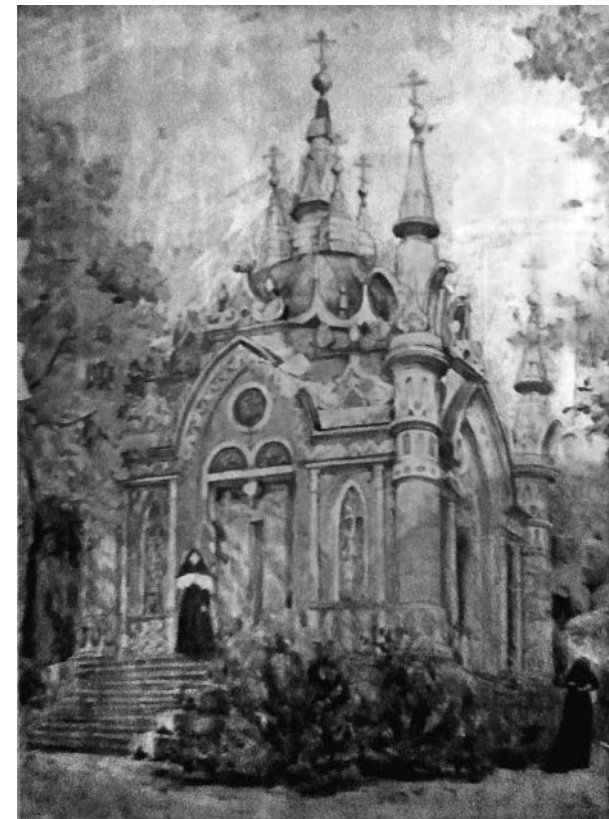

о. Герасим и м. Надежда в работе над Крестом

Однако этого ему было явно недостаточно. И Герасим вплотную задумался о Кресте-распятии для храма. Большом, деревянном, подобном тому, старинному, который он не раз видел в старообрядческой часовенке на Преображенском кладбище!

Нужно сказать, что вырос Герасим Иванов в старообрядческой семье, где крепко держались за традиции, и только в возрасте 33 лет присоединился к Православию.

А Преображенка с XVIII столетия была духовным центром московских беспоповцев (федосеевцев). На местном кладбище хоронили многих именитых купцов, промышленников, банкиров, военных, священнослужителей.

Преображенское. Никольская часовня (акварель)

Середину главной аллеи занимает необычайно красивая, недавно отреставрированная часовня Николая Чудотворца «о девяти крестах». Фасады её оформлены в стиле «русской готики» и напоминают оформление Царицынского дворца. Именно поэтому долго считалось, что соорудил часовню великий зодчий Василий Баженов. Впрочем, по последним данным, автором проекта является Фёдор Соколов.

Но упомянутый Крест находится совсем не в этой часовне, как думают некоторые, а в соседней (путаница возникает из-за того, что именно Никольскую часовню отец Герасим запечатлел на великолепной «осенней» акварели).

Чугунная часовня Воздвижения Креста Господня стоит отсюда буквально в нескольких шагах. Она существовала уже в 1879 году, что явствует из следующего описания: «Близ большой каменной часовни находится деревянный крест, длиною аршина в 3, с вырезанным распятым телом Спасителя, стоящий в особенной маленькой часовенке, в которой горит лампада».

По преданию, мастер-старообрядец привёз фигуру Христа прямо из Иерусалима и изготовил для неё крест в специально воздвигнутой часовне.

Герасим Иванов прекрасно знал об этом месте, часто ходил сюда и как-то зарисовал себя коленопреклонённым подле Креста. И вот батюшка решил повторить это Распятие для «своего» храма Димитрия Солунского. Набрал эскиз, отдал резчику, а после чего сам собрал Крест воедино и расписал. Ему активно помогала духовная дочь – сестра иерусалимского Горненского

Преображенское. Часовня Креста Господня

А Герасим тем временем замыслил добавить к ней Рождество Христово и несколько других живописных композиций из жизни Спасителя. Сестра Надежда загрузила подготовленные им деревянные доски, но вот довести дело до конца, священник, увы, не успел.

Отметим, что ещё одну практически точную копию Распятия отец Герасим выполнил как дар России братской православной Сербии. Выполнил, несмотря на то, что ноги уже плохо слушались, и зрение всё слабело и слабело.

«Как бы Патриарху сказать, что в Сербии ждут крест-то... Нужен лист меди, чтобы облицевать. А меди нет. А резчик опять запил. Остались мелочи, а он запил. Были бы силы, сам бы закончил», – волновался батюшка.

Но медь нашлась, отец Герасим Распятие доделал и препроводил в Сербию. Подарок настолько понравился, что его установили в церкви, а Герасима пригласили на открытие, и это стало для него настоящим праздником.

«Этот Крест я всю жизнь делаю. И если Господу угодно будет, я и слепой всё распишу», – сказал он однажды сестре Надежде (Алексеевой).

женского монастыря Надежда (Алексеева) – левкасила, украшала нимб Спасителя нитками жемчуга, янтарём и агатами. Вместе с батюшкой выложила центральную часть подножия – там, где Адамова голова – камнями, привезёнными со дна реки Иордан, с самой вершины Афона и из Серафимо-Дивеевской обители. (А один из самых примечательных камней – Стопочку Богоматери – подарили сестре Надежде в Иерусалиме монахи Успенской Почаевской лавры.) Порою, она и ночевала прямо на церковных хорах, где шли все работы.

Готовое изделие вышло массивным и тяжёлым, из-за этого его оказалось затруднительным перенести вниз на руках. Пришлось, обернув в материю, аккуратно спускать на верёвках.

Настоятель и клир были очень признательны, а прихожане совсем скоро стали считать это своей новой святыней.

Стоит, наверное, сказать ещё несколько слов об оригинале Креста-распятия. Он прекрасно сохранился, хоть на государственной охране не числится, равно как и сама часовня. Обе часовни (Никольская и Воздвиженская) принадлежат теперь общине Старопоморских безбрачных старообрядцев федосеевского согласия, при этом действующей является только вторая – её открывают для поклонения по праздникам и воскресеньям, но служб тут не проводится. Интересно, кстати, что прежде окрас этой часовни был иным: красный с белым, что придавало ей более нарядный вид, нежели современный (неясно почему) чёрный.

Исключительной теплотой отец Герасим отзывался всегда об архимандрите Алипии (Воронове), участнике Великой Отечественной, заместителе Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, иконописце и коллекционере. Познакомились они ещё мирянами, когда в 1930-х годах вместе занимались в Изостудии ВЦСПС, возглавляемой маститым живописцем Константином Юоном, учеником Валентина Серова.

«В студии я познакомился с отцом Алипием. Он тогда был ещё Иваном Михайловичем Вороновым. Редкая православная фигура! Великая фигура! Художник от Бога. Во время войны я не знал, где он. Мы встретились с ним в Троице-Сергиевой лавре, когда я подавал прошение о приёме в семинарию, а он устраивался в Лавру послушником. – Герасим, сказал он, брось ты свою семинарию, иди к нам, в монахи!»

Тесное общение двух замечательных личностей продолжилось и тогда, когда Иванов, ещё семинарист, получил от Алипия предложение отреставрировать приходской храм Сорока мучеников Севастийских в Печорах, рядом с обителью.

«Когда я впервые приехал... как отец Алипий обрадовался! Посадил

Преображенское. Часовня Креста Господня

Псково-Печерский монастырь (ворота)

меня рядом с собою... я сижу около него такой, в костюмчике, смущённый, вся братия смотрит. Тут, помилуй Господи, и отец Иоанн (Крестьянкин), и духовник архимандрит Никита (Чесноков), и старец Савва (Остапенко), а отец Алипий довольный-довольный! Потом он говорит: «Как бы нам, всем бывшим студийцам, у меня собраться да сфотографироваться? У меня прежний, довоенный, снимок куда-то пропал». Но мы так и не успели собраться...»

Позднее, став уже настоящим православным живописцем, Герасим Иванов неоднократно бывал в Печорах, жил там подолгу. Роспись монастырских храмов, вылившаяся в исключительно масштабный труд, дала ему бесценный духовный опыт.

«Как нам работалось! – с воодушевлением вспоминал потом отец Герасим. – Святая, бесценная земля, уже теперь вечно освящаемая пребыванием и деяниями мудрых монахов... Вот почему люди тянутся к монастырям. За советом, с покаянием, с просьбой о духовной помощи».

В 60-е годы древнюю Псково-Печерскую обитель удалось защитить от закрытия властями именно благодаря особой решимости и силе духа архимандрита Алипия. Рассказывают, что когда в монастырь прибыло указание о роспуске братии, Алипий порвал и сжёг бумагу за подписью Н.С. Хрущёва на глазах у курьеров. «Я лучше пойду на мученическую смерть, чем закрою обитель», – сказал архимандрит остолбеневшим людям в штатском. Когда же явились забирать ключи от пещер, он, при боевых наградах, скомандовал своему келейнику: «Отец Корнилий, давай сюда топор, головы им будем рубить!» Пришедшие обратились в бегство, и в конечном итоге обитель не тронули.

Наместник сумел поднять практически из руин монастырские стены, провёл значительные реставрационные работы в Михаило-Архангельском,

Псково-Печерский монастырь (стены и башни)

Успенском и Никольском храмах, уделял внимание местной иконописной традиции и сам писал образа.

Долгое время отец Алипий собирал информацию о сокровищах монастырской ризницы, похищенных нацистами в период войны. И это, в конце концов, принесло свои плоды. Следы сокровищ обнаружили в запасниках Музея икон немецкого города Реклингхаузен – они никогда не выставлялись на всеобщее обозрение.

Солнечным майским днём 1973 года ценности были возвращены контейнером через Ленинградский морской порт. Консул ФРГ в Ленинграде Дитер Боден сопровождал контейнер (12 ящиков и 504 предмета) до Псково-Печерского монастыря.

Обо всём этом Герасиму Иванову в Печорах, безусловно, рассказывали. А его собственная память сохранила посещения обители на все большие праздники знаменитым тенором, солистом Большого театра, Козловским, и отец Алипий его всегда просил: «Иван Семёнович, одну арию спойте, коронную – Ленского». – «Только одну и для Вас, потому что мне ещё в соборе выступать».

Козловский, кстати, очень симпатизировал младшему брату Алипия, Михаилу, который практически постоянно приезжал в монастырь поработать трудником. После кончины архимандрита, певец даже специально просил, чтобы Михаила не обижали.

«Печерская обитель при Алипии славилась огромными запасами, – продолжал вспоминать отец Герасим, – картошка, капуста, огурцы, грибы... И при случае он всегда помогал продуктами горожанам. А мне он несколько раз признавался, что если бы ему отдали в пользование соседний мусорный котлован, он устроил бы там пруд и весь город снабжал бы рыбой. Да что

говорить, у архимандрита даже склад гробов имелся! Случись у кого горе, к нему – отец Алипий, выручай, а то ведь в Псков придётся ехать! После, даст Бог, сочтёмся.

“У меня в монастыре нищих нет, мы все живём как братья, при коммунизме. Нищие – это у вас за монастырскими воротами!” – ответил однажды отец Алипий на нападки каких-то партийных чиновников. Такой вот он был, за словом в карман не лез...

Помню хорошо монастырского сторожа, Аввакума. Голуби его знали и слетались на голос, садились на голову, на плечи, на руки. А он кричал: “Все, все, все!” Если кто-либо говорил – какие, мол, прозорливые, Аввакум отвечал: “Не говорите так, они кушают”.

Монахи уговаривали меня: “Герасим Петрович, приезжайте к нам почаще. Отец наместник с вами совсем другой – оживлённый, ласковый”.

Он и навещал Печоры почти каждый год: помогал в реставрации храмов, рисовал монастырскую архитектуру, братию, жителей города. И особенно завораживающими здешние пейзажи казались ему зимой, целиком укрытые пушистым снегом.

Наступил 1975 год. К несчастью, именно тогда архимандрита настиг третий инфаркт. В один из последних февральских дней Герасим получил телеграмму, что отцу Алипию очень плохо, и можно ожидать самого худшего. Поскольку Иванов уже был в сане и служил в патриаршем Богоявленском (Елоховском) соборе, он брал благословение на отъезд у самого святейшего.

«Приезжаю, вижу дело действительно плохо: Алипия уже буквально под ручки водят. Он, конечно, рад мне был: “А ты, я слышал, уже известным человеком стал, и как священник, и как художник” – “Что вы, отец Алипий, я только скромно и честно служу Господу”...

Я исповедовал его, он принял Святые Дары, а потом вскоре я отбыл. Но только вернулся в Москву, пришла вторая телеграмма: отец наместник скончался, 12 марта. После мне говорили: а мы думали, вы останетесь в монастыре на похороны. Но не мог я задерживаться там без разрешения моего начальства...»

Всю оставшуюся жизнь отец Герасим горько сожалел, что не смог проводить Алипия в последний путь. Но он всегда помнил его – истинного подвижника Православия, любителя живописи, музыки, театра, пения... Гордился дружбой с таким неординарным человеком.

P.S. Практически всё изложенное здесь взято с подлинных слов отца Герасима, записанных в своё время сестрой Надеждой (Алексеевой).

Встретилась она с ним впервые более тридцати лет назад, ещё работая в Москве, в Центральном городском бюро путешествий и экскурсий. Водила она группы и в Елоховский собор, где служил тогда, напомним, батюшка, и отсель пути их тесно пересеклись.

Сестра Надежда сохранила ряд уникальных фотографий, письма и открытки, адресованные духовным отцом ей в Иерусалим, не говоря уже о бесчисленных устных воспоминаниях.

И всегда отец Герасим ободрял её на пути монашеского подвига Христовыми словами из Евангелий от Луки (21:19) и от Матфея (24:13): «*Терпением вашим спасайте души ваши*», «*Претерпевший же до конца спасётся*».

ПОЭЗИЯ

Татьяна КОСТАНДОГЛО

Татьяна Костандогло – родилась в Ташкенте. Окончила Ташкентский государственный университет, позже – педагогический институт в городе Черкассы (Украина). Литературную деятельность начинала, будучи в составе Литфонда СССР. Печаталась в журналах и газетах, является автором поэтических сборников «Я прикоснулась к тайне бытия», «Не разлуки страшны, а встречи», «Над колыбелью с дышащим огнём», «В плену земных дорог», «Очередь в туалет, или Философия успеха», «Без словаря». Автор книг «Сила твоя – в тебе», «Пятый воздух. Версия убийства Марины Цветаевой», «Аутодафе» и др. Живёт в Москве.

«Поплачь, душа моя, поплачь...»

Шар Земной огромен,
но ты первый, кто
в этом божьем доме
снял с меня пальто,
чай налил горячий,
хладные согрел
руки. О, мой зрячий,
мой земной удел!

Мой палач и лекарь,
жизнь моя и смерть,
в лике человека
быть тебе и впредь.
От какого пыла
мне не ведо... Ве!
Ведомо – заныло
сердце по траве,

по морю, по суше,
по людской среде,
о земном, о муже,
о земной беде
плачется бесслёзно,
стынет в чашке чай.
За окном – морозно.
Здравствуй!
И... прощай!

Любимый мой, печаль теряет слух,
Уплыл наш час... Кладбищенские метры
Разъединили нас. Костёр потух.
Мы в разных снах, но мы с тобой бессмертны.

Душа моя твою любовь хранит,
А долететь к тебе мой плач не в силах!
Закон небесный строг – могильных плит
Не счесть уже... А сколько голосила

Я – чтобы жил! со мной! и – без меня!
Чтоб счастлив был всегда любимый мною!
Увы, увы... Воздушная земля
В который раз разводит нас с тобою...

Эдем разграблен. Трещины зеркал
Рай ввергли в ад. Утех любовных ложе
Давно остыло. Новый век настал.
Но память день и ночь меня тревожит.

Век ушёл, оставив дверь открытой.
Сам того не зная, тает воск.
Как луна, привычною орбитой
Пролетают свечи и погост.

Тесен храм в своём величье ложном,
А до той церквушки за рекой
Добегу когда-нибудь, возможно,
Самой неожиданной строкой.

Но иссякли силы для замаха,
И сгорело тайное в огне...
Жизнь моя! Без паники и страха
Я в тебе тону? Иль ты – во мне?

Зимнее солнце в память ворвалось,
Сон рассекая снежным лучом...
Сколько ушедших, а сколько осталось
Дней и ночей, не умытых дождём
Чувств, без которых брэнное тело
Самый нелепый по тяжести груз!
Если б душа моя вовсе не пела,
Знали бы губы бессмертия вкус?

Поплачь, душа моя, поплачь,
Как плачут маленькие дети –
Ты не судья и не палач,
И не за все дела на свете
В ответе ты перед Собой,
Пред Господом и пред Народом.
Поплачь, душа. И снова пой.
О чём – неважно. С Новым Годом
Поздравишь завтра ты себя,
И будет ёлка серебриться.
А ты, рыдая и любя
Мир этот грешный, снова в Ниццу
Вернёшься из России злой,
Любимой, нищей и проклятой.
Лазурный обретя покой,
Забудешь пять гробов и мятый,
Осенний запах духоты,
И кровь невинную у храма,
И троицы святой следы,
Ведущие не вкривь, а прямо.
Спаситель твой и божья мать
Глядят на мир из... Человека.
Поплачь, душа моя, поплачь!
Самоубивица и – Лекарь.

Когдаходишь в свой мир – добываешь не всходы, а зёрна.
Можешь сеять и жать, из муки печь хлеба и слова,
Урожай твой велик! Ты – соавтор, ты лепишь упорно
Океаны, моря, небеса, облака, острова...

Лепишь новые солнца, планеты взрывая без страха,
Лепишь новых земель и религий основы свои,
И растут этажи, воскресают мелодии Баха,
Сказки русского леса ликующий Штраус творит.

Золотые века, словно люди, сойдясь в хороводы,
Рукоплещут просторам, летящим стремглав за тобой...
Свет и Тьма, взявшись за руки, дети извечной свободы,
Держат мост над рекою с живою и мёртвой водой.

Мы стоим у окна. До распахнутых настезь вселенных
Вдох один. Только вдох до загадочной музыки звёзд...
Ты шагнул. Я шагну. Кто-то третий шагнёт из нетленных
И аккорды шагнут вслед за нами потоками слёз.

И снова распятая радость
 (Тобою!), рыдая, скулит...
 И вновь торжествует усталость,
 И душит поэзию быт.
 И вновь ни о чём разговоры
 Свирепствуют в лютый мороз,
 И снова постылые ссоры,
 И снова в душе моей конц...
 Концлагерь! Овчарки, зверея,
 Всё ближе и ближе... А ток,
 Колючую проволоку греет...
 (Какой тебе с этого прок?)
 Какого ты хочешь вниманья?
 Какую прикажешь любовь
 Дарить тебе, если касанье
 (Твоё!) леденит мою кровь?
 О, сколько ещё эту пытку
 Терпеть мне, всевидящий Бог?
 Да, я совершила ошибку.
 Но я рассчиталась за вдох,
 За выдох (с тобой!) рассчиталась,
 За боль, за любимую плеть...
 Довольно. Полжизни – не малость.
 Не трогай меня, круговерть!

Размыты границы меж «было» и «будет»,
 Сценарий, как дуло, застыл у виска.
 Реальности мира никто не остудит –
 Превратности мига на вечных весах.

Безвременье цвета молодого бессмертья,
 Что «было», что «будет» – не всё ли равно?
 Жестокость – родная сестра лихолетья,
 В России она распахнула окно

Не всё ли равно – во спасение? в гибель?
 Не всё ли равно? Страшен равенства знак!
 Они у руля, или правит кто ими,
 Не всё ли равно, дорогой мой Аршак?

Ты пинешь в Париже о жизни российской,
 А кто-то в России французское пьёт
 Вино из Ашана, коньяк или виски...
 Тот – мёртв, но и этот навряд ли живёт.

Размыты границы, и детское племя
 Стирает из прошлого памяти дым,
 Но будущий голос грядущее семя
 Вселяет в утробы – урок молодым.

Всё то же, всё те же... Обличья иные,
 Но суть не меняет старик-сценарист.
 И вновь – пустота... И бочонки пивные.
 Пустые бочонки. И – пьяный солист...

Мой удел хоронить нерождённых,
 Целовать и крестить мертвецов,
 Проклиная, любить прокажённых,
 И прощать безнадежных слепцов.

Возвеличенной лжи подаянье
 Не приму и в смертельной тоске.
 Мой удел обретать расстоянье
 От безумства, чей дом на песке,

До заоблачной тверди, плывущей
 Выше слабостей духа и зла,
 Чтоб сказать: – О, Господь всемогущий!
 Я безропотно крест донесла.

ПАМЯТЬ

МВТУ

В 2030 году исполняется 200 лет со дня основания МВТУ им. Баумана, которое я окончил в 1975 году. Я специально указал старое название нашего училища, потому что это была моя юность, и на нагрудном знаке красуются буквы МВТУ. Это единственный академический знак нестандартного образца, по которому всегда можно узнать студента-бауманца. МВТУ для меня нечто совершенно особенное, потому что я родился и вырос в Лефортово, там же окончил школу. Многие выпускники нашей 632-й школы поступили на разные факультеты этого прославленного училища. Нам есть чем гордиться, независимо от того на каком отделении мы учились. Просто мы, вечерники, быстрее входили во взрослую самостоятельную жизнь, а среди дневников больше знаменитых людей. За годы своей трудовой деятельности я встречал «своих» во многих точках необъятного Советского Союза, а затем России, и нам никогда не было стыдно за выполненную работу.

В 2005 году исполнялось 175 лет со дня основания нашего училища. Мне позвонили старые друзья, и я с удовольствием появился в знакомых стенах и на нашей кафедре. Многие лица узнавались сразу, кого-то надо было вспоминать. На входе, «у ноги» (памятник Н.Э. Бауману), было не протолкнуться. По традиции там же и приняли по чуть-чуть. И тут не обошлось без Его Величества Случая. Вижу в толпе знакомое лицо, окликаю: «Вера!». У неё изумлённые глаза и вопрос: «Саша, а что ты тут делаешь?». Вот те на. Работали вместе в наладке в одной бригаде около десяти лет, ездили по различным командировкам – а тут такое.

Я-то прекрасно помнил, что она окончила дневное отделение по нашей специальности, а про меня она забыла, тем более прошло столько лет. Самое интересное, что училась она в одной группе с ребятами из моей 632-й школы, которые наблюдали за нашей встречей с неподдельным интересом. Побродив по училищу и пообщавшись вдоволь со старыми друзьями, я написал стихотворение.

Александр КУЩ

Александр Андреевич Куш родился в 1949 г. в Москве. Окончил МВТУ им. Баумана. Трудовая деятельность была связана с вычислительной техникой, ветеран труда. По итогам 1989 г. был признан лучшим по профессии Министерства радиоэлектронной промышленности СССР и награждён Почётным дипломом. Победитель и призёр конкурсов профессионального мастерства Минрадиопрома СССР. Член МГО СП России. Награждён дипломами за участие в конкурсах МГО СП России, регулярно печатается в газете «Московский литератор». Участник 4 Фестиваля славянской поэзии в Варшаве в 2011 г. Лауреат конкурсов МГО СП России «Лучшая книга 2011-2013, 2012-2014» (книги «Такая жизнь», «Перестал удивляться плохому», «Его Величество Случай»). Живёт в Москве.

175 лет МВТУ

*Наконец-то я понял, чем дневной факультет
От «вечернего» в корне разнится.
Целина, турпоходы и в поле обед
Всю оставшуюся жизнь будут сниться.*

*В альма-матер сегодня большой юбилей,
Приглашают студентов всех рангов.
И течёт в проходной водопад из людей,
Мы идём не спеша, в ритме танго.*

*Документы – диплом, седина и чины,
Что по жизни в боях заслужили.
Всюду смех и объятия, мы этим горды,
Что друг друга никак не забыли.*

*Поздравляют, желают, гордятся, что мы
Здесь учились, выросли, влюблялись.
Мы же счастливы – здесь, у «ноги»
С нашей юностью вновь повстречались.*

1 сентября

Первый учебный день в сентябре на старших курсах был для нас всегда праздником. Во дворе у «ноги» как обычно столпотворение. Народ встречается, обнимается, кто-то уже рассказывает свежие анекдоты. Ведь не виделись давно – целых два месяца, с весенней сессии. Тут же «вечерники» разбиваются на группы, начинается обсуждение, как отметить такой знаменательный день. Основная часть старшекурсников отправляется в магазин, а затем на традиционное место празднования – в Лефортовский парк, расположенный рядом, за рекой Яузой.

В парке в этот день, как говорится, яблоку негде было упасть. Чуть ли не под каждым кустом, около деревьев, на газонах располагались группы студентов со всех окрестных институтов: МЭИ, института связи, областного педагогического им. Н.К. Крупской и наши. Встречаются также офицеры из Бронетанковой академии. В основном это «вечерники» и недогулявшие «дневники». Такое братство по оружию, т.е. по учёбе, я больше нигде и никогда не встречал. Последний раз я наблюдал такое на 175-летию училища в 2005 году.

Что самое интересное – мне до сих пор периодически снится учёба на старших курсах. Причём один и тот же сон с разными вариациями. Как будто я не могу сделать курсовой проект, из-за этого меня не допускают к сессии, ребята успешно переходят на шестой курс, а я остаюсь на пятом. Мозг лихорадочно перебирает варианты выхода из сложившейся ситуации. Наконец я вспоминаю, что диплом лежит в папке с документами, я его нахожу и успокаиваюсь. Затем начинаю размышлять о том, как же мне его удалось всё-таки получить. Просыпаюсь после этого всегда в холодном поту. Вот такое необычное свойство памяти.

Сон

*Снится снова институт,
Вновь зачёты, курсовые.
То диплома тяжкий труд,
То экзамены шальные.*

*Просыпаюсь весь в поту,
Где ты, кафедра родная?
Зубы сжал, я всё смогу,
Даже сонный отвечаю.*

Вообще студенческая жизнь со времён моей молодости очень изменилась. Появилось много новых предметов, вместо логарифмических линеек и больших компьютеров системы «Ряд», которые занимали помещения площадью более 100 кв. метров, появились ноутбуки, смартфоны, айфоны и персональные компьютеры. Редко кто из студентов старших курсов приезжает в институт на общественном транспорте, да и вообще посещает все занятия. Я до сих пор помню нашего уважаемого ректора советских времён члена-корреспондента, а затем и академика Георгия Александровича Николаева, которого периодически встречал идущим от метро или к метро в скромном чёрном костюме с приколотой звездой Героя Социалистического Труда, и с которым уважительно здоровались проходящие мимо люди. Сейчас такое не только не увидишь, но и не представишь.

Воспоминания о преподавателях

На первом курсе английский язык вела Марина Эдуардовна Сатель. Не могу сказать, что язык давался мне тяжело. Просто руки до него не всегда доходили, а всяких соблазнов у вечерников было очень много: то интересный концерт или вечер в нашем ДК, то хотелось поиграть в настольный теннис с друзьями, один из которых был к.м.с., а позже его взяли на дневное отделение, и он выступал за сборную училища, то какие-нибудь дни рождения и прочее. Понятно, что с таким отношением к учёбе я зачёт не получил. Пришлось всю сессию сдавать без «учебного» отпуска. Ребята смеялись: «Сессию сдал, а зачёт по английскому не смог». Решив во что бы то ни стало разделаться с «хвостом», я взял направление на пересдачу и пришёл на кафедру.

Узнав, кто у меня вёл предмет, никто из сотрудников кафедры не стал принимать у меня зачёт. Причину я выяснил позже. Отец у Марины Эдуардовны был профессор, д.т.н., Герой Социалистического Труда и преподавал в нашем же училище. К тому же вместе с ректором нашего училища принимал активное участие в создании Филиала МВТУ под Дмитровом. Так что наступил я на «хорошие» грабли.

Прошло лето, и я понял, что к английскому языку надо подойти серьёзно. Как примерный ученик начал отвечать на каждом занятии, ребята в группе были довольны, что могут отдохнуть. Зачёт за II семестр я получил вместе с зачётом за III семестр. IV семестр продолжался в том же темпе, и госэкзамен по языку я сдал на «5».

Приключения на первом курсе не обошлись только иностранным языком. Сдавая весной химию, я чуть не завалил экзамен. Преподаватель у нас был

великолепный, но после зимней сессии он поскользнулся и сломал обе ноги. Поставили другого, но... то ли появилась «эйфория» от успешной сдачи первой сессии, то ли не всё стало понятно, но к экзамену я подошёл не в лучшей форме.

Беру билет и понимаю, что «попал». Долго мучаюсь, а тут в аудиторию входит приятная женщина средних лет, оглядывает студентов и приглашает меня отвечать. А у меня готов один вопрос, половина второго и решено ползадачи. Начинается разговор, который заканчивается вопросом: «Молодой человек, вам не кажется, что я подсказываю больше, чем вы мне отвечаете?». Я соглашаюсь и жду приговор. И тут она обратила внимание на значок, который висел у меня на пиджаке. Это был красивый знак, который выдавался спортсменам за участие в легкоатлетическом кроссе на призы газета «Правда» на московском ипподроме в мае месяце того года.

Все спортивные судьи этих соревнований, и я в том числе, получили такие же памятные знаки. Ещё раз посмотрев на мой значок, преподаватель произнесла: «Вот ты и пробегал всю химию». Я вновь согласился, а она, неожиданно для меня взяв зачётку, быстро поставила незаслуженный мной тройка. Видимо подумала, что я тоже там бегал.

После экзамена я узнал, что сдавал его зав. кафедрой химии. В этот раз Его Величество Случай оказался на моей стороне.

История КПСС

На первом курсе семинары по истории КПСС у нас вёл отставник, преподававший до этого в каком-то военном училище. Сначала всё шло нормально, но начался чемпионат мира по хоккею с шайбой, и посещаемость в группе резко упала. К тому же и девушек у нас с самого начала было не так-то много. «Семинарист» завёлся не на шутку. Такой важный, с его точки зрения, предмет, а мы не ходим. Он начал нам грозить различными карами и в конце концов привёл на занятия декана по вечернему образованию.

Началось поголовное выяснение причин отсутствия студентов на занятиях. У каждого была своя версия: командировка, вечерние смены на работе, болезнь самого или ребёнка и т.д. Дошла очередь и до нашего старосты. А он работал на одной из кафедр в училище, был разносторонним спортсменом и постоянно участвовал в различных соревнованиях. Поэтому Виталий встал и спокойно ответил: «А я хоккей смотрел». У преподавателя отвисла челюсть, ведь он же привык иметь дело с бессловесными курсантами, а тут взрослый мужик, «вечерник», к тому же отслуживший в рядах Советской Армии и ничего не боящийся. В аудитории повисла мёртвая тишина, все смотрели на декана.

А тот оказался намного умнее своего преподавателя. Махнув рукой и ни слова не сказав, он молча вышел из аудитории. Больше мы этого «семинариста» не видели.

Окончание следует

ПОЭЗИЯ

Нина ГОЛОВАНОВА

НИНА ГОЛОВАНОВА

Нина Федотовна Голованова – физик-теоретик и поэт, родилась в семье советских инженеров. Окончила московскую школу с золотой медалью, а затем физический факультет МГУ им. Ломоносова. Научная деятельность связана с изучением микромира. Имеет научные труды. Член МГО СП России. Автор трёх поэтических сборников: «Эти строчки», «Избранное», «Ясным утром». Последняя книга, изданная МГТУ им. А.Н. Косыгина, в 2011 г. была отмечена дипломом литературного конкурса МГО СП России «Лучшая книга». Награждена также литературными премиями МГО СП России имени Грибоедова и Лермонтова. Роман в стихах «Люк и Фек. Мир и война» в 2014 г. был удостоен литературной премии МГО СП России «Серебряный крест» с вручением наградного знака «Серебряный крест».

Живёт в Москве.

«Куда стремится дух нетленный...»

Лубок-сияние

Поэма

*Посвящается моей однокурснице
космофизику Лилли Алексеевой,
первой отметившей сходство описаний
северных сияний на нашем Севере
с сюжетами русских сказок*

Во тьме полыхают сполохи
Чудесной симфонией света.
Великий Маэстро – Природа
Создал её в древние лета.

Пером удивительной птицы
Полнеба играет и светится,
Потом ослепительно белой
Является взору медведица.

Конь-огнь с изумрудною гривой
По синему облаку мчится.
Ждёт молодца-избавителя
В плену у Кащея девица

И фиолетовым чудищем
Кольшется страшный Бессмертный.
В зелёно-прозрачное царство
Вползает вдруг змей незаметно.

Навстречу идёт змеборец,
Он мечет как лучики стрелы.
Змей сильно напрягшись, в раздумье
А, кто это тут такой смелый?

Растут из поганого змея
Тройными рядами головы
И пышут в лихого молодца
Огнём раскалённого олова.

Хватает тот меч и наотмашь
Срубает головы мерзкие.
Змеюка живыми искрами
На нет сводит действия дерзкие.

Срастаются гадовы шеи
От света живительной силы,
И вновь будто змей напрягает
Готовые к битве жилы.

Но тут, исхитрившись, молодец
Его разрубает надвое,
И льётся потоком яростным
Свечение – кровь многоглавого.

В таком фантастическом действе
Нет чуждых ненужных красок,
Как в русских лубочных картинках,
Как в ярком венце русских сказок.

Весенняя земля

В зелёных шелках и леса, и поля.
Весной нарядилась старушка Земля.
Вздыхает, листочками нежно шепча,
А то рассмеётся грозой грохоча.
Шумливыми струями слёзы-дожди
Сливаются в полные счастья ручьи.
Напьются деревья, и чудо-сады
У вишен и яблонь раскроют цветы.
Невестой красивой Земля расцвела,
С ума и людей, и животных свела.
Под птичьи напевы, жужжанье шмелей
Бессчётно количество свадеб на ней.
На встречу с невестой несётся жених.
Возлюбленный жабы скрипит ей свой стих.
И кружатся пары цветных мотыльков
Среди ароматных весенних цветков.
Возможно, Земля только гимны поёт,
Так узок параметров жизни пролёт.

В пустынных мирах, растворившихся в вечности,
Продлится ли надолго жизнь человечества?

Затмение Луны

Бубном шаманским
В небе висит луна.
Всхлипком цыганским
Лопнула где-то струна.

Звук отразился
Гулко в пространстве, дзен.
Вмиг изменился
Тонус артерий и вен.

Ночь наколдует
Счастье или беду?
Ветер раздует
Искры костра на лету.

Чьим-то веленьем
Пала на бубен тень,
Чувства в волненье,
Будет ли завтрашний день?

Ум успокоил:
«Тень от Земли легла
Мир так утроен,
Двигутся в нём тела».

Вижу картинку:
Солнце, Земля, Луна
Мне не в новинку,
Но как же она скучна!

Звёзды в августе

А звёзды в августе такие ясные,
В алмазных схемах тёмный небосвод.
Созвездия – фигуры разные,
Но не меняются из года в год.

И манят красотой, бесчувственным порядком,
Являя нам проекции миров,
Где страсти неживых объектов вряд ли
Возможно описать посредством слов.

Словарь их жизни краток до предела.
Рождение, движение и смерть,
Любви нет у космического тела,
А есть лишь тяготенья круговерть.

Дана одна им страсть к перемещению,
Не замечая время на лету.
Как люди обживают помещения,
Так звёзды заполняют пустоту.

Хляби

Хляби земные и хляби небесные,
Боги родные и боги не местные!
Будет ли кто через сотни столетий
Вас на Земле заклинать в лихолетье?
Будет ли кто умолять о пощаде,
Жить как в раю и не думать об аде.
Будет ли солнце кровавее крови?
Климат, наверное, станет суровой.
Мы никогда не узнаем ответа.
Песенка наша давно будет спета.

Мятежный дух, космополит

Куда стремится дух нетленный,
О чём тоскует и грустит?
В каком из закутков вселенной
Тот рай и ад, где Он гостит?
И, пребывая одиноко
Без пищи и без бытия,
Своё недремлющее око
Соединяет с моим я.
Я, прозревая, вижу дали
Миров холодных и планет,
И стонет сердце от печали,
Что стыло там, что жизни нет.
Несовместим с привычным счастьем
Мятежный дух, космополит,
Но ничему он не подвластен,
Никем не может быть убит.

Мёртвые миры

Исплачусь вселенской болью
По неведомым мне мирам
Холодно, мёртво там.

Холодная вода

А шёл за ней по грязной дорожке, и красная куртка её была оглушительна в сырой ноябрьской дымке.

Её душа была древней, как моя.

В своё время я был самый старший на курсе, – и она смотрела на меня, как на Бога, – а нынче её всё раздражало во мне, её развившаяся молодость протестовала против *такого* отдыха, против того, чтобы быть с *сорокадвулетним* мужчиной (так она называла меня теперь) на этой грязной ноябрьской дорожке, посреди засыпанных первым жидким снегом, плачущих тонким стеклом стволов, – а не в тёплом, залитым янтарным светом ресторане где-нибудь в Жуковке, среди породистых молодых гениев.

Ей хотелось, чтобы лаундж-ритмы мягко отсчитывали ей сочные пошлости, чтобы наглые руки мяли её тело и потом совали в карман, как последней шлюхе, золотую кредитную карту, – ей хотелось шёпота вдогонку: увидимся вечером, киска. Остальное она додумает позже, наедине с собой, назначив одного из них Хемингуэем.

Но этого желает её красное сердце, а холодная осень вокруг – её душа...

У меня не было ни наглых рук, ни золотой карты, и почти не было дел. Но она поехала сюда со мной – в этот грёбаный дом отдыха, в эту грёбаную субботу после стольких лет, что мы не виделись, – и мы по-прежнему пили с ней из одних вод.

Или я ошибался?

– Я люблю деревья настолько больше, чем людей, – она повернулась ко мне и посмотрела на меня решительно, но за решимостью – почти жалобно.

– Это глупо, – сказал ей мой взгляд. – Ты могла бы придумать что-то умней, чем плоская и пустая красавица, больше подходящая четырнадцатилетней хипшувочке, чем твоей старой душе. И лучше бы тебе не пытаться объяснить мне основы работы синхрофазотрона. Ты здесь, потому что у тебя не вышло с очередным жеребцом, которого ты клеймила Хемингуэем.

Алексей Владимирович Музыкачкин – родился в 1965 г. в Москве. Окончил МГПИИЯ им. Мориса Тореза, имеет степень Магистра Делового Администрирования (MBA, London Business School). Переводчик, прозаик, совмещает писательский труд с работой в бизнесе. Первый рассказ «Her Point of View» написан по-английски и был опубликован в 1993 г. голландским издательским домом VNU в голландской версии журнала «Cosmopolitan». Пять рассказов автора были опубликованы в журнале «Новый мир» (№ 9, 2017). Живёт в Москве.

– Деревья надёжнее, чем люди, – сказал я и почувствовал подступающий к горлу ком тошноты.

Она закусил губу и опустила ресницы.

– Ну, пошли дальше, – сказала она.

– Куда? – спросил я.

Она пожала плечами.

– Гулять.

И снова пошла впереди меня.

На повороте, над грязным облезлым забором, у которого заканчивалась территория дома отдыха, трепыхался на берёзовой ветке последний мёртвый листок.

– Ты видела кого-нибудь из наших?

– Варю и Сергея. Они уезжают. В Канаду.

Она помолчала и добавила:

– Я тоже думаю уехать.

– Куда?

– Не знаю. Подальше. Может быть, в Австралию.

– Австралия очень далеко.

Внизу под обрывом была речка, и она текла, с обеих сторон припорошенная снежной мукой, и выглядела очень холодной, а вокруг неё не было ни одного пятна рябины.

– Я читала Кастанеду. Мне рекомендовали. Почему мне не понравилось?

– Потому что это ерунда.

Она остановилась и с неудовольствием посмотрела на свои запачканные грязью кроссовки.

– Как обычно, «с учёным видом знатока». А что, по-твоему, не ерунда?

Справа от нас ели чередовались с соснами, корни уходили глубоко и под меня, и под неё, и пили из холодной реки под обрывом.

– Твои губы? – спросил я.

Она усмехнулась и склонила голову.

– Пошло.

Вечная природа из любопытства хочет стать своей преходящей частью. Наполниться не известной ей мудростью у мёртвого осеннего листка.

– Каково это, умирать? – склоняется Вселенная над листком. – Расскажи мне, листок. Поясни мне. Ведь это самое главное.

– Они красные, – сказал я. – Здесь вокруг совсем нет рябины.

– Какая чушь, – фыркнула она. – Ты с института...

Тут я взял её лицо в руки и поцеловал.

Потом снова и снова – и целовал долго, страстно, мучительно, – она отвечала мне. Мы оба жадно пили из холодной речки под обрывом.

Когда мы закончили, она вытерла рот рукой.

– Только больше не будем так, хорошо?

Не сговариваясь, мы повернулись и пошли обратно.

До самого главного корпуса мы не сказали друг другу ни слова. Пылала огнём её куртка. Мой шарф пах её духами. Журчала под обрывом холодная река. Только над грязным забором на ветке – на входе на территорию – больше не было того листка.

Через год на встрече однокурсников я узнал, что она была на том рейсе, что разбился в Альпах. Мне сказали, что её долго искали, – холодная стремнина отнесла тело очень далеко, – нашли её только по красной куртке.

Сон

В ночь перед уходом принцу приснился удивительный сон. Мама рассказывала ему на ночь сказку.

«Один царь решил удивить весь мир, – говорила мама, склонившись над его кроватью. – Он захотел построить игрушку, которой никто никогда раньше не видел. Царь пригласил к себе в царство лучших мудрецов со всего мира и дал им срок один год, чтобы они придумали и построили для него чудо.

Через год рядом с дворцом вырос большой дом. Внутри он был разделён на множество комнат; все они были богато убраны и украшены, и все выходили в соединяющие их длинные коридоры. Но все до одной комнаты в доме были убраны одинаково, и везде стояла одна и та же мебель. А посередине каждой комнаты сидел в кресле механический человек с одним и тем же лицом.

– Что это? – удивился царь, обходя дом. – Все комнаты здесь одинаковы. И везде эта кукла в кресле!

– Повелитель, – отвечали мудрецы, останавливаясь в одной из комнат, – наша игрушка позволяет людям понять, как устроено мироздание.

– Представь, – продолжили они, видя удивление царя, – что в данный момент твой мир есть эта комната. В данный момент ты видишь только её – этой комнатой твой мир ограничен. Но, поскольку на самом деле миров много – так же много комнат в нашем доме. И вот, как в каждом из миров есть ты, Государь, так в каждой комнате нашего дома есть твоё механическое тело. Кукла, сидящая в кресле, изображает тебя.

– А это что? – заметил вдруг царь что-то в голове куклы.

– Это клетка с птицей, – ответил ему Главный Мудрец.

– Зачем птица?

– Я объясню тебе это не раньше, – сказал Главный Мудрец, – чем мы начнём играть в игру под названием “Мироздание”. Для первого задания мы ограничимся всего пятью комнатами. В каждой из пяти комнат твоё состояние определяет главное отличительное свойство данного мира от других: например, в этой комнате, где мы сейчас с тобой находимся, государю хочется прежде всего спать, во второй – есть, в третьей – ему не терпится поскорее решить неотложный государственный вопрос, в четвёртой – развлечься на охоте, а в пятой – повидаться с супругой.

– Так чего я хочу в этой комнате, где мы сейчас? – переспросил царь, глядя на сидящую в кресле куклу.

– В этой комнате тебя тянет поспать, повелитель. Что ты сделаешь?

– Поспать? Ну, нет! Прежде всего я должен решить государственный вопрос!

Главный Мудрец кивнул, повернул какой-то рычаг, и в тот же миг кукла ожила. Механический человек встал с кресла, зевнул и направился к кровати.

– Как же так? – вскричал царь. – Я же сказал...

– Не волнуйся, повелитель, – остановил его Главный Мудрец. – Эта кукла уже не ты, – ты – вот...

И с этими словами он два раза хлопнул в ладоши, и из головы механической куклы вылетела та самая пёстрая птица, про которую спрашивал царь, и упорхнула в коридор. Царь побежал вслед за ней и увидел, как птица влетела в голову кукле в третьей комнате, – в этой комнате механический человек как раз склонился над картой и водил по ней железным пальцем.

– Это тот мир, в котором ты predetermined был настроен прежде всего принять решение по государственному вопросу, – сказал Главный Мудрец.

– Что теперь? – спросил царь.

– Теперь тебе предстоит выбрать одно из других трёх решений, уже по поводу государственного вопроса.

– Какие это решения? – спросил царь.

– Это может быть внимательное изучение вопроса самому, и к этому тебя располагает данная комната; это может быть передача права решения твоим советникам, потому что во второй комнате тебе будет боязно принять на себя ответственность (но знай, что в этой комнате трусость и дальше будет вести тебя); и это может быть немедленное принятие первого пришедшего в голову решения, ибо в третьей комнате тебе сейчас лень думать. Выбирай, повелитель.

– Конечно, я хорошенько подумаю! Тем более что и сама эта комната-мир predetermined такой выбор, – сказал царь, и птица осталась в голове у механического человека. Игра продолжилась. Через некоторое время дверь в комнату открылась, и кукле принесли письмо, в котором её приглашал на обед важный вельможа. Царю опять пришлось выбирать, – настроение встретиться с вельможей и решить государственный вопрос пришло в противоречие с необходимостью учесть мнение супруги, так что в конце концов птица опять вылетела из головы механического человека и перенеслась в другую комнату, в голову похожей кукле.

Целый день царь со свитой бегали по комнатам. В конце дня, весьма довольный, царь спросил у Главного Мудреца:

– А что подельывает та первая кукла, которая хотела спать?

– Вам не дано это знать, – развёл руками Главный Мудрец, – вы выбрали другой мир, и миры ваши разошлись. Сознательный выбор человека определяет тот новый мир, в который он попадает. Идя против главенствующего качества в том мире, где вы находитесь, вы меняете миры.

– Но как же та кукла в первой комнате живёт без птицы в голове? – удивился царь.

– Она двигается, и ест, и пьёт, и делает дела, но – как тело без души.

– И много же я видел на своём веку тел без души, покорно следующих своей участи в унылом, predetermined мире! – воскликнул царь.

– И таких большинство, – склонил в согласии голову мудрец, – с виду похожие на людей, эти тела, словно пустые лодки, влекомые по морю мощным кораблём, или словно дома, в которых не горит свет. Но имейте в виду, повелитель, пустые дома всегда ждут хозяев. И хороший градоначальник пустые дома не сносит, но чинит и сохраняет для жильцов, когда придут. И те из людей, кто попадут в город, где много пустых домов, не должны заходить внутрь их, и брать чужое и хозяйничать, только потому, что хозяев в домах нет. Будьте снисходительны к куклам, повелитель, когда встретите их вокруг себя в мирах, – помните: переходя из одного мира в другой, и вы каждый раз оставляете за собой в покинутом мире пустую куклу.

Царь задумался.

– Но если качество миров разное, – сказал он, – значит ли это, что в некоторых мирах у меня получится просто и естественно делать то, что для меня полезно и хорошо, а в других мне придётся для этого применять усилие, переступать через себя?

– Вы поняли совершенно правильно, повелитель, – снова поклонился царю Главный Мудрец, – миры есть высшие и низшие. В низших вам надо

много работать и страдать, чтобы улучшить своё состояние и подняться в лучший мир. Вам надо часто идти против основного качества того мира, в котором вы оказались. В низших мирах – мирах-пустырях – вы найдёте вокруг себя мало душ, но много бездушных кукол. И самые низшие из этих миров покажутся адом, населённым демонами. Но стоит вам подняться из низших в высшие миры, как вы начнёте действовать легко и непринуждённо, и часто, не применяя никаких усилий, будете естественным образом получать то, что вам приятно и удобно. И в таких мирах встретите вокруг себя много живых, любящих вас душ...»

– Мама! – позвал из кровати маленький принц. – А как правильно сделать так, чтобы всё время менять миры только на лучшие?

Мама наклонилась к принцу, поцеловала его и сказала: «Я научу тебя этому завтра. Теперь надо спать».

И Будда проснулся.

ПОЭЗИЯ

Дмитрий МИЛОВ

Дмитрий Михайлович Милов – родился в с. Орудьево Дмитровского района Московской области 8 июля 1983 г. Образование – высшее юридическое. Поэт. Член Союза писателей России. В 2009 г. вышел первый сборник стихов «Между двумя», в 2014 г. – сборник стихов «Над временем», в 2017 г. – сборник стихов «Парадигма». Публиковался в газетах «Московский литератор», «Дмитровский вестник», журналах «Студенческий меридиан», «Огонёк», «Смена», «Дмитровский вестник», «Северная жемчужина». Имеет несколько общественных наград, лауреат литературных конкурсов и премий. В настоящее время работает над четвёртым сборником стихов.

Живёт в Дмитрове.

«Из темноты знакомых окон...»

Всё началось с бамбукового леса,
С Луны ополовиненной кирки.
Холодным окунем в ночи плыла завеса,
Напомнив о присутствии реки.

Как ни хитри с вопросом: «Чего ради?»,
Мы не поймём устройств – ни ты, ни я.
И олово всеотражавшей глади
Не выльется из формы бытия.

С какими бы ты силами ни ладил.

Дождь, оплавивший снаружи
Ночь – сургучную печать.
Из окна пейзаж тут нужен
Ничего не означать.

Всё отдав, и дань в угоду,
Старта века моего,
Пьёшь расколотую воду –
Панацею от всего...

Где бы ни был я незнамо
От идейного ярма,
Повторяю: «Мама, мама...»,
Чтобы не сойти с ума.

Может, и не слышал гласа
По-киношному, во сне...
Никогда не сомневался,
Что ты помнишь обо мне.

На Земле всё во имя спасений,
Та же истина, что и вчера.
Стал пасхальный кулич – «кекс весенний»,
Наблюдение – пробой пера.

Шёл отряд молодецкого строя,
Двух явлений, наук дотемна...
Анатомию через героя
Изучала осколком война.

Не снимала шинель и заплечник,
Отражался в глазури побед
Вместо сердца – калёный сердечник
С намагниченной памятью лет.

Время, время... как будто мы квиты,
Подвиг память теперь не хранит,
И сердечник, и сердце разбиты,
Как разбит триумфальный гранит.

По сути, делиться не с кем,
Я шёл, говорил в запале.
За мной наблюдали фрески
В готическом злом квартале.

Что было на той вечере,
Был взгляд обращён к Иуде...
И после таких мучений
Какие добрые люди...

Встречающая награда
Из лакомства всех притонов,
Две косточки винограда,
Как головы двух питонов.

Я верил своей природе,
Где Солнце в углях зенита.
Но в каждом запретном плоде
Есть группа от цианида.

Судьба – это очень близко.
Дурак говорит, что сглазил.
Но яблоко – от огрызка...
А дочь – от случайной связи...

Прощай, любовь, дурная слава...
Извечно нужная руда...
Я получил шрапнель из сплава
И больше не вернусь туда,
Где полотна белесый локон,
Как бы трепещущий в мольбе,
Из темноты знакомых окон
Напоминает о тебе...

Потому что это было...
А теперь в руке кольцо.
В фотографии застыло
Моей матери лицо.

Неминуемой свободы
И деталь земной красы,
Ритуальные обводы
Среднерусской полосы.

Ты стоишь с другого края,
Вместе держимся за нить.
Все на свете умирают,
Продолжая дальше жить.

Пронумерованный квартал,
Многоподъездный шифр.
Я складывал и вычитал
События из цифр.

Гирлянды тусклой бахромой
Далёки и рябы...
Тридцать седьмой, тридцать восьмой –
Фонарные столбы.

А выходил, метель мела...
К ступеням намело.
Я удалялся от тепла,
Зато росло число...

Вся память в крике тишины,
Ведь как ни посмотри,
Мой друг на этаже войны –
В квартире сорок три...

Всё от рыданий до улыбок
Укрылось в дни....
Не повторяй моих ошибок.
Имей свои.

ПАМЯТЬ

Инна МУХИНА

Чаша Фаберже

*Музыка жизни умолкает,
если оборвать струны воспоминаний*
Джером К. Джером

*В холодных отблесках зари
Туманный город выплывает.
И тихо «Здравствуй!» говорит
Шпиль Петропавловки, качаясь.
Мои любимые места –
Петровский сквер и «Стерегищий»,
Колонн ростральных маята
На страже Невских вод бегущих.*

*А вот и Кронверкский проспект,
Здесь на углу мой дом старинный.
О, сколько пережили бед
Его прекрасные лепнины!
Моя блокадная семья,
Моя Петровская Россия,
Пришла к тебе сегодня,
Чтоб у тебя набраться силы.*

На этот раз я приехала в Санкт-Петербург, любимый Ленинград уже был к этому времени переименован, по приглашению сотрудников Государственного Музея-заповедника «Петергоф».

Приехала, чтобы увидеть, какое место в Музее заняла принадлежавшая нашей семье серебряная чаша работы Карла Фаберже.

Сколько себя помню, у моей бабушки Варвары Васильевны Мухиной эта чаша всегда стояла на шкафу напротив моего диванчика, на котором я спала, будучи в раннем детстве в Ленинграде, а затем во время школьных и студенческих каникул, моих последующих отпусков и служебных командировок.

Я любовалась большой серебряной чашей, но не знала, откуда она у бабушки и что значит для неё и нашей семьи. Массивная чаша для пунша была выполнена из чистого серебра всемирно известным петербургским ювелиром Карлом

Инна Юрьевна Мухина – родилась в Москве. По профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, изобретатель СССР, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в коллективных сборниках и альманахах, в том числе, в антологии одного стихотворения «Золотая строка Московши», в газете «Московский литератор». Автор трёх поэтических книг. Победитель ряда литературных конкурсов, лауреат народной Литературной Премии имени Л. Кубасова, Литературной Премии им. А.С. Грибоедова. За творческие достижения в современной поэзии награждена Золотой Есенинской медалью и Дипломом имени Н.С. Гумилёва, орденом В.В. Маяковского. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Фаберже. История создания чаши уходит в далёкие дореволюционные годы петербургских мастеров. Чаша была создана в 1916 году по специальному заказу Акционерного общества железодельного завода и подарена моему деду Мухину Владимиру Герасимовичу (на фото) в связи с десятилетием его работы главным инженером на Криворожских железорудных рудниках.

Серебряная чаша работы Карла Фаберже, подаренная моему деду Мухину Владимиру Герасимовичу в связи с десятилетием его работы главным инженером на Криворожских железорудных рудниках

Владимир Мухин окончил с Серебряной медалью Смоленскую гимназию, в 1904 году – Горный институт в Санкт-Петербурге, проходил практику на Урале, собирал и изучал различные коллекции минералов. В 1905 году после работы в Обществе Русского товарищества «Нефть» он перешёл на работу в Общество Брянских рудников и был назначен главным инженером рудников Криворожья «Александровский» и «Сухая балка». Владимир Герасимович всегда работал напряжённо и самозабвенно. Отпусками ему пользоваться было просто некогда.

Акционерное общество уважало В.Г. Мухина, талантливого инженера и руководителя за его передовые взгляды, активность и организаторские способности. Сослуживцы готовились к юбилейной дате по-настоящему: знаменитому ювелиру Фаберже были переданы снимки верхнеднепровских железных рудников «Александровский» и «Сухая балка», которые мастера изобразили в двух круглых эмалевых медальонах на ручке чаши. Изнутри чаша была вызолочена, по верхнему краю украшена орнаментом в виде чеканки с сапфирами и гранатами. Поистине царский подарок.

В нижней части чаши выгравирована дарственная надпись: «Многоуважаемому Владимиру Герасимовичу Мухину в память 10-летней службы на железных рудниках Акционерного общества Брянского завода. 29.IV.1906 г. – 29.IV.1916 г. от служащих рудников». Вокруг этой надписи сделано 56 факсимильных подписей, уникальных автографов на серебре! Такие подарки были широко распространены в деловой практике дореволюционной России. Сослуживцы заказывали модные или остроумные дорогостоящие подарки у самых известных мастеров фирм «Фаберже», «Братья Грачёвы», «Овчинников» и других, работавших в те времена в Петербурге. В торжественной обстановке памятный подарок вручался юбиляру. Серебряная чаша стала не просто дорогим подарком, а свидетельством тёплого и уважительного отношения. Редкие медальоны с изображением рудников, написанные с фотографий заказчика, превратили памятный сувенир в уникальное эксклюзивное произведение искусства.

В поздравительном адресе, который я нашла в архиве у бабушки, говорилось: «Многоуважаемый Владимир Герасимович, исполнился 10-летний период Вашей службы на Криворожских железных рудниках. Вы вступили на службу общества почти сразу же после окончания Горного института в 1906 г., но Ваша энергичная деятельность, внимательное отношение к своим обязанностям позволили Вам преодолеть все трудности и препятствия по управлению предприятием. Вы всегда оказываете всем без исключения своим сотрудникам заботу и попечение. Особенно сердечное участие Вы проявляете к тем несчастным семействам, отцы и мужья которых, бросив кайлы и лопаты и вооружившись доспехами войны, пошли на поле брани своей кровью и смелостью защищать Отечество от нашествия врагов. Поздравляем Вас, Владимир Герасимович, с чувством искренней и сердечной к Вам признательности, с исполняющимся 10-летием Вашей службы на рудниках Общества. Желаем Вам ещё многие, многие лета в добром здравии продолжать свою полезную горную деятельность и покорнейше просим Вас не отказать принять от нас скромный подарок». Подписали адрес 56 рабочих и служащих рудников.

В.Г. Мухину было также поручено руководить разработками марганцевистой руды на рудниках Никополя. После тяжёлого экономического кризиса и разрухи рудная промышленность юга России начала оживать, но для её

Отец и сын Мухины

подъёма требовалось много энергии и сил. Решение горнорудной технической задачи для В.Г. Мухина было связано с командировками на мощные рудники Швеции, Германии, Лапландии, опыт работы которых он внедрял на рудниках Кривбасса и Никополя. В годы лихолетья (1914–1921) рудники оказались парализованными, часть шахт пришлось затопить, нужно было их восстанавливать, а также организовать строительство посёлка около рудников.

Восстановлением горнорудной промышленности В.Г. Мухин успешно занимался с 1921 по 1927 годы. В начале 1927 г. он был избран преподавателем Ленинградского горного института по курсу «Системы разработки руд Криворожья», а также назначен заведующим горным отделом Государственного института по проектированию новых металлургических заводов. Личный опыт преподавания был, так как школы на рудниках в те времена не было, родители Мухины сами обучали своих детей Юру и Нину необходимым наукам, физике, химии, математике, естествознанию и, конечно, русскому языку. Жена Владимира Герасимовича Варвара Васильевна, окончившая Высшие бестужевские курсы, была учительницей русского языка и литературы.

Поводов для переезда в Ленинград было несколько. Конечно, преподавание в горном институте, который он окончил, было престижно для Владимира Герасимовича, но не менее важным было дальнейшее образование детей. Сын Юрий поступил к этому времени в Ленинградский горный институт, так как хотел продолжать дело своего отца, от которого уже получил практические основы горного дела и необходимые знания. Отец часто брал его с собой в поездки на рудники и в химическую лабораторию, где проводились анализы добытых горных пород и разрабатывались способы обогащения железных руд. Юрий очень любил отца и старался во всём ему подражать.

Дружная семья переехала в Ленинград, получив большую квартиру в центре, на улице Гоголя. Дети учились, Варвара Васильевна тоже занялась любимым делом – преподавала в школе русский язык и литературу.

На этом благополучный творческий жизненный путь горного инженера Владимира Герасимовича Мухина обрывается. Он и его семья не избежали страшной участи талантливых учёных и руководителей того времени. В апреле 1928 г. по доносу он был арестован, осуждён (в Харькове разбирались Шахтинское дело) и выслан на Соловки в Соловецкий лагерь особого назначения, где и погиб (умер от тифа) в 1930 г. Конкретного обвинения предъявлено не было. Варвара Васильевна с сыном и дочерью были выселены из квартиры (их приютила семья старшего брата Владимира Герасимовича). Юрий Владимирович, мой отец, впоследствии доктор геологических наук, был отчислен из института и арестован, от него требовали подписать признание в том, что отец – враг народа. Он не согласился, но через 2 месяца был, всё-таки, освобождён за неимением состава преступления. Нахождение в «Крестах», возможно не последнее, вынудило его покинуть Ленинград и уехать на Урал в геологическую партию рабочим-коллектором.

Более 30 лет Юрий Владимирович с матерью Варварой Васильевной боролись за реабилитацию отца и мужа. Для неоднократных писем и ходатайств в соответствующие инстанции они собирали свидетельские показания сотрудников рудников, документы и научные статьи В.Г. Мухина, в которых были изложены основы восстановления шахт и рудников. В 1964 г. Владимир Герасимович был реабилитирован посмертно. Юрий Владимирович вернулся в Криворожье, когда в 1992 г. на Александровском руднике был создан музей и установлена скульптура основателя рудника В.Г. Мухина. В газетах «Криворожсталь», «Металлург», «Шахтёр Кривбасса», «Ленинградская правда» в 1990–1993 гг. украинскими и ленинградскими журналистами были написаны статьи «Красный директор» – по воспоминаниям дочери Нины Владимировны, «Реабилитирован посмертно», «Автографы на серебре» – о жизни и работе В.Г. Мухина.

Серебряная чаша стала семейной реликвией, которую Варвара Васильевна Мухина бережно хранила долгие годы, несмотря на лишения и разруху гражданской войны, жестокие семейные потери 1928–1930-х годов, голод блокадного Ленинграда. Для нашей семьи чаша была даже не произведением искусства известного мастера, но памятью о корнях наших, уходящих к отцу и деду, признанием заслуг Владимира Герасимовича в горном деле, которому он отдал 24 года своей жизни.

После ухода на 92-м году из жизни Варвары Васильевны чаша Фаберже в 1988 году была передана Ниной Владимировной, дочерью Владимира Герасимовича, в Государственный музей-заповедник – мировую музейную сокровищницу «Петергоф», где она сейчас экспонируется (огромное спасибо реставраторам и консультантам музея!) в отделе «Особая кладовая» рядом с другими шедеврами Карла Фаберже. Обо всём этом у меня есть стихи:

*Берега наших дней. Берега.
Возвращаясь, к земле припадаем.
И душа, как и прежде нага,
Обнажённой суть ощущаем.
Эта суть, наша кровная связь.
Эти корни, которые святы,
Не дадут нам бесследно пропасть
В этом мире больном и распятом.*

И ещё:

Переживём удары и потери,
Безумие вселенских чёрных дней,
Жестокое глухое недоверье,
Чтоб стать ещё достойней и сильней.
Переживём и взлёты и паденья,
Хулу и славу, всё переживём!
И выйдем из огня и нетерпенья
На этом свете. Может быть, на том.

ПОЭЗИЯ

Виктор ХАТЕНОВСКИЙ

Виктор Вячеславович Хатеновский – родился 5 апреля 1958 г. в Минске. В 1985 г. окончил Саратовское театральное училище им. Слонова по специальности: актёр драматического театра. В 2007 г. – после 18-летнего перерыва – возобновил занятие актёрской деятельностью.

Живёт в Москве.

«Растормошив безмолвие страниц...»

Стучится ночь в оконное стекло.
Отравлен город сворой негодяев.
И темнота подтрунивает зло
Над городской бессонницей. Бердяев
Невыносим, как боль зубная... Здесь,
Где круглый год спирт заедают салом,
Ты, расчехлив взлохмаченную спесь,
Расправы ждёшь под скользким одеялом?
А, может – мысль к молитве пристегнуть,
И жизнь на прочность испытать – покуда,
Приказом царским прикрывая грудь,
К тебе губами тянется Иуда?!

В Рождественскую ночь, сквозь пелену печали
Пытаясь разглядеть второстепенный сон,
Нас как бы невзначай друг с другом обвенчали
Превратности судьбы. Очередной сезон
Закончился не так, как мыслилось когда-то...
Мы – прочное звено подследственной толпы.
Мы не обречены: хоть мы не влились в стадо –
Природа не спешит разгладить наши лбы.
Нас предпочла вражда объятьям Афродиты.
В грядущий год опять не нам баклуши бить.
Мы – загнанные псы. Нас грозное – «иди ты!»
От сволочной судьбы не сможет защитить.

Ах, Россия-матушка – сумасшедший дом!
Сколько слёз замешано в голосе твоём!
По брусчатке каменной – загодя поплачь –
Вновь пройдётся каином молодой палач.

С грохотом да с хохотом гаркнет: «Что ж ты, мразь,
Возле места лобного мордой месить грязь!?
Брось скульпить, уродина! Всё-таки не зря
Строила ты, холила спецконцлагеря!»

Декабрь без снега – благодать.
На ветках – гроздь спелых почек.
Ты с каждым призраком в кровать
Ложисься спать без проволочек.
Затем, проснувшись поутру –
Всплакнёшь над свежим некрологом:
«Ведь я – когда-нибудь помру
И в гроб сойду в костюме строгом».

Твой мозг хандрит без топора.
Заправить снедь холодной водкой
Тебе – давно пришла пора;
И – в путь скользящую походкой.
Так – день за днём, за годом год:
Трактир, трамвай, завод, берлога.
И чернь подвыпившая ждёт
Очередного некролога.

Сжав стакан густой отравы,
Расчехлив блудливый глаз,
Вновь сегодня, Боже Правый,
Я готов пуститься в пляс:
В нервный, громкий, одинокий,
Нужный – как собаке кость.
Приковала к танцам ноги,
В сердце вспыхнувшая, злость.

Т. П.

Раздробленностью чувств не дорожа,
Обручена с болезненностью редкой,
Ты, как вакханка, кормишься с ножа;
Покуда Время – дерзкой табуреткой

Вооружившись – ждёт (не прекословь!),
В надломленную искренность не веря,
Команды – чтоб крамольную любовь
Сроднить с землёй, как сдохнувшего зверя.

Возлюбленная мной, – в момент полураспада,
Жизнь не растормошив признаньем роковым,
К безрадостной судьбе крамольного комбата
Примериваюсь, в грудь впуская терпкий дым.
Раздробленной судьбой – зачитываюсь. Скоро,
Потёртость вздорных плеч запрятав в соболя,
Ты под брагурный марш срамного приговора,
Жизнь выскоблив, сбежишь, как крыса с корабля.

Жизнь обескровлена и зла,
Как голос к Богу вопиющий.
С утра гремят колокола,
Дохнуло плесенью. Из гущи
Косноязычной, злой орды
Звучат воинственные оды.
И мы беспамятством горды
В объятьях вспыхнувшей свободы.
Свободы от... свободы для
Разноречивых, лживых сплетен:
«Прогнило днище корабля.
Костюм безденежьем изъеден».
Кресты, хоругви, образа
Следят, предвидя перемены –
Чтоб в застеклённые глаза
Не просочился яд измены.

Т. К.

Среди прочих напыщенных львиц ты, бесспорно,
Выделяешься запахом кожи. Звук горна
Твоего – как набат, предвещающий – вскоре
Эту землю волной смоем в Чёрное море.

Я – которого страх грозным скрежетом стали
В предстоящем бою обезглавит едва ли;
Я, который познал вкус борьбы, запах крови,
Трепещу, когда ты сводишь тонкие брови.

Обескровлен, сражён, припечатан к веригам
Тихим голосом, взглядом пронзительным, криком:
Из тибетских пещер повылазив, Атланты
Твоим недругам рвут причиндалы и гланды.

Растормошив безмолвие страниц
Не заручившись дружеской поддержкой,
Сквозь частокол оскалившихся лиц –
Кричу: «Пора, юродивый! Не мешкай!
Начать не поздно – с чистого листа,
Искоренив зловредные привычки!»...
А рядом – рвут пространство поезда
И, улыбаясь, мчатся электрички.

Т. П.

Нервотрёпкой день разбит,
Стёрт. Без инструктажа
Саван для взрывных обид
Сшит из – камуфляжа.
В разродившийся костёр
Дров подбросив, «Браво!», –
Вскрикнет банда медсестёр,
Проходимцев... Ржаво
Дрязг постыдных круговерть
Вздрагнет... И – Зазноба –
Будет гнать шальная Смерть
Жизнь под крышку гроба.

Распластанный зажравшейся Москвой,
Отвергнутый благопристойным Минском,
Клятвопреступник с крупной головой
Юродствовал пред мрачным обелиском.

Глумилась над пространством чехарда.
Неистовствовал вздор. В мертвецкой хмуро
В застиранных халатах ждут – когда
Под пальцы приплывёт клавиатура.

В две тысячи бесхитростном году,
Почти что став родного батьки старше –
Забронзовеешь, съездишь в Воркуту,
По Брахмапутре проплывёшь на барже,
Пройдёшь сквозь строй состарившихся лиц
На сквернословных ярмарках, вериги
Сорвёшь с души, вернёшься в Аустерлиц
И жизнь вдохнёшь в неизданные книги.

Сентябрь – строптив и своеволен –
Водой сбив с древних колоколен
Пернатых хищников, – как спички,
Швыряет листья в электрички.
Он кварцитроном вздорным метит
Вагоны: в них – люд праздный едет:
Кто – разрыхлять, мотыжить грядки;
Кто – к падшей женщине на блядки;
Кто, расчехлив с судьбой-кидалой
Контракт, – вдоль жизни захудалой
Стремглав бежит из Аустерлица
В Кузьминки – скурвиться и спиться.

Быт мой мерзок, жизнь убога:
Печь дымит, скрипит кровать.
Тридцать дней просил я Бога:
Новый френч мне даровать.
Вдруг раздался голос с неба;
Смертных он сбивает с ног:
«Попросил бы, сын мой, хлеба;
Отказать бы я – не смог».

ПОЭЗИЯ

Евгений ХАВАНОВ

Евгений Иванович Хаванов – родился в 1935 г. в Ульяновской области. В Сызрани окончил нефтяной техникум, в Новокуйбышевске работал на нефтеперерабатывающем заводе. Четыре года служил во флоте. Затем работал в областной газете «Волжская коммуна», где заведовал отделом культуры. Окончив Куйбышевский пединститут, учился в Академии общественных наук, в аспирантуре, в Федеральной академии государственного управления при МВД ФРГ. Доктор исторических наук. Доктор бизнес-управления (США). Профессор Московского городского педуниверситета. Автор книг и статей по проблемам молодежи, антифашистского Сопротивления, общественных движений. Заслуженный работник Высшей школы РФ. В поэзии – со времени военной службы. Член Союза писателей. В 2016 г. МГО Союза писателей России Е.И. Хаванову присвоено почётное звание «Заслуженный писатель».

Живёт в Москве.

«Мне лишь – жила бы Русь...»

Мне лишь – жила бы Русь

Страна, где родились мы, – Русь
Галин, Николаев, Марусь –
Бескрайная сторона –
Навеки родная страна.

Твой лик, твоё небо, Русь,
Описывать я не берусь,
Но нет мне земли другой,
Такой, как ты, дорогой.

Идеей, какой озарюсь –
Она за тебя, за Русь,
Тебе и огонь души –
Живи и вольно дыши.

На зорьке я в путь соберусь.
Возьми же мой труд себе, Русь.
Иду по лесам, по полям.
Что есть – всё с тобой пополам.

Сильна, велика была Русь –
Украина, Москва, Беларусь.
Хотели державу списать.
Время – страну спасать.

А мне – лишь жила бы Русь.
Что нужно – за всё берусь.
Работаю, не устаю.
Что б ни было – я устою.

Не сдамся, не покорюсь,
Жива и сильна пока Русь –
Бескрайная сторона,
Родная моя страна.

Сказка про Змея Горыныча и Иванушку-дурачка

Случилось вот так, а не иначе,
Не видишь – протри очки:
Как смотрят на Змеев Горынычей
Иванушки-дурачки.

Шикарна у Змеев дорога,
И нет у Иванов пути.
Змеев совсем немного,
Иванов – хоть пруд пруди.

И что же, скажите на милость,
И как же произошло?
Что в жизни с Иваном случилось
И так вот не повезло?

Спросили однажды: строй рыночный
Поддержишь? Налили стакан.
А строй оказался горыночный –
В похмелье увидел Иван.

Тяжёлую думает думу...
Кого же теперь винить?
Скребёт он затылок угрюмо,
Прося на похмелье налить.

Застой

Чьим-то неведомым следом –
Что-то найду – не найду –
Всё я куда-то еду,
Всё я куда-то иду.

Торные эти дороги,
Шумные поезда.
Спины, мозги и ноги.
И это – года, года.

На слух и на оцупь, и оком
Всюду, где я спую,
Из кем-то придуманных окон
Вроде как мир познаю.

Умные книжки читаю –
Каждый день по главе,
Но что-то не так сочетаю
В своей молодой голове.

Порою одни заторы,
Порою – одно решето...
И вроде хватает запора,
А выйдет совсем не то.

Я долго терзался в ответе:
Бегут поезда, а куда?
Точки на карте отметил,
Но вот узнаю – не туда.

А в жизни, живой её плоти
Сплошные и «да», и «нет»,
Всё вместе и «за», и «против»,
Попробуй найди ответ.

Ответы ищю, а покуда
Мне мысль навевают года:
Будто пришёл ниоткуда
И будто иду никуда.

Правде внимая стоя,
С боем – каждую пядь.
Но даже простое – кто я,
Увы, не могу понять.

И так зарождается кредо.
И от себя не таю:
Может, я вовсе не еду,
Может быть, только стою?

Спустишь в запредельные даты,
В библейские те года,
Спрошу я, то ль было когда-то,
А может, и никогда?

А лучше постичь сегодня:
За что, почему и зачем
Кому-то одна преисподня,
Кому-то сплошной Эдем?

Два полюса перед нами.
Первый – цари бытия,
Второй – это мы с вами,
Мальчики для битья.

Кто-то стоит над всеми
Не день, не два, а года.
Не я лишь один, а все мы
Идём, не зная куда.

А тот, самый хитрый и ловкий,
Чтоб мы не сошли со следа,
Толкает в наши головки:
Идите сюда, сюда.

Слушать его не скучно,
Видя указанный след.
Движемся все послушно:
Иного пути, мол, нет.

И то же, пожалуй, скажет
Во храме святой отец
И пожелает даже
Молиться, терпеть и терпеть.

И будто с далёкого Марса,
Взывающий к шумной толпе,
Послышится голос Маркса
О классах, труде и борьбе.

И я обращаюсь с думой
Ко всем, а скорее к себе:
Думай, пытливо думай
О жизни своей и судьбе.

Встань и расправь плечи
И главное, брат, – не стой.
У тех, кто кого-то лечит,
Есть страшный диагноз – застой.

С застоями – всё напрасно.
Перебори! И тогда
Всё будет понятно и ясно –
Когда, откуда, куда.

И бой принимая стоя,
Скажешь застою «Стой!»
Тогда и не будет застоя,
С позором отступит застой.

Крутись, набирай обороты.
Дай сердцу вскипеть в груди.
И вот пред тобой высоты
И светлая даль впереди.

Приидет царствие

Читая Нагорную проповедь

*Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах!
Да святится имя Твое; да приидет царствие Твое;
да будет воля Твоя и на земле, как на небе...*

Евангелие от Матфея. 6:9-10

Кто справедливей? Кто правее?
Кто самый истый корифей?
Я, прочитав что от Матфея,
Скажу вам: это он, Матфей.

Его вооружившись слогом,
Его сознанием правоты,
Матфеевским негромким словом,
Я с Богом говорю на Ты.

И как юнец, раскрывший очи,
Едва увидя небеса,
Я голос Твой вдруг слышу, Отче,
В Твои я верю чудеса.

И пусть приидет день тот вешний
С цветением яблони в садах,
И на земле смурной и грешной
Да будет как на небесах.

Но на земле не всё так просто –
Где правда есть, а где и нет.
Встают суровые вопросы,
К которым не найдёшь ответ.

И что я замечаю, Отче,
Когда смотрю со стороны,
Нас напролёт – и дни, и ночи
Терзают дети сатаны.

Пришли нежданно, неожиданно –
Над всеми, как и надо всем,
Сумели с помощью обмана
Себе построить свой Эдем.

Им всё – Канары, Куршевели,
Весь мир – и кровь его, и плоть.
Цари такого не имели,
А может, что и Ты, Господь.

Глядит на алчущие рожки
Иной юнец – в глазах туман.
И мысль юнца уже не гложет,
И он способен на обман.

Не принимая сердцем лживость
В безбрежном сером бытие,
Хочу я верить в справедливость:
Приидет Царствие Твое!

Нет, не на том – на этом свете,
Не где-то на земном краю.
Ворвётся словно свежий ветер.
И не узнаешь жизнь свою.

И новый мир себе откроешь,
Что выше всех всесветских крыш –
То, что себе ты сам построишь
И сам годами возрастишь.

Тот мир – как высшее творенье
И душ прекрасных, и сердец,
Что соткано из вдохновенья.
Мир – как сияющий венец.

Мир – удивительные краски,
Мир – в тихой песне, в соловье.
Мир – как рождение детской сказки.
И это – Царствие Твое.

И пусть всесветские кощеи
Зачахнут над чужим добром,
Пускай пока ещё их шеи
Не поразил весенний гром,
Мы верим, вглядываясь в лица,
Воспрянет наше житие,
И суд Твой наконец свершится.
Приидет Царствие Твое.

День рождения

1.

Отчего то низко, то высоко?
Отчего тем свет, а этим тень?
Оттого, какая ждёт эпоха,
Оттого, в какой родился день.

Не тебя ждут сладостные яства,
Пить и есть их – не твоя судьба.
Если ты рождён в эпоху рабства,
Значит и твоя судьба раба.

Тот сидит, неспешно тянет кофе.
Всё его, что видится окрест.
Ну а тот крутой тропой к Голгофе
Тащит свой, едва по силам, крест.

Кто спасёт? На небесах святого,
Кто ведёт наперекор судьбе,
Ищешь ты великого, простого,
Веру и защитника себе.

Только вот просить мы не умеем
Ни пощады, ни грошей взаймы,
Вдохновляясь духом Прометея,
Отрод веря, что рабы не мы.

2.

Есть ещё один исток могучий,
Ни на глаз даётся, ни на слух,
Яростный, отчаянный, кипучий –
Есть такой неистребимый дух.

Он в названьях, именах и датах.
Он сильнее, чем атомный заряд,
Тот, что в душах, что в самих солдатах.
Он и самый волевой солдат.

Вспомним, было: враг довлел исконный.
Нам же явно не хватало сил.
Но пошли с казанскою иконой,
И народ в сраженьи победил.

Знаем, что стоит за словом *если*.
И враги пусть помнят про одно:
Кто бы где бы к нам когда б ни лезли,
Непременно ждёт Бородино.

Всё наследие – с годами славы
Нам с рождения флаг отцов несут:
Сталинград, а до него Полтава,
Чесма, Севастополь и Гангут.

Что ни день – всё это дни рождения.
Море светлых, звонких голосов.
Юное приходит поколение –
Это дар от дедов и отцов.

3.

Как пружина – сжалась и разжалась.
В чётком ритме невозможен сбой.
Чтобы жизнь на свете продолжалась,
Кто-то должен жертвовать собой.

Просыпаться утренней зарёю
И вдыхая ароматы трав...
Надо, чтобы души тех героев
Жили в юных, смертью смерть поправ.

День рождения мне всегда без лоска.
Дайте мне хоть в календарь взглянуть.
Знаю я, что Николай Островский
Свой земной в тот день закончил путь.

Не одну, а сразу по три, по две
Жил он жизни и пока был жив,
Были эти жизни словно подвиг,
Всю страну собой вооружив.

Было мне тогда всего два года,
Говорят – под стол ходил пешком.
Но была прехмурая погода.
Что-то жизнь готовила тайком.

В тот же день, но только попозднее,
Я ходил, как помню, в первый класс,
В камере берлинской Плётцензее
Встретил Харро свой последний час.

Кто судить его тогда был вправе?
Сердцем честен и душою чист,
В форме оной – офицер люфтваффе,
А вне формы он антифашист.

Судьи в мнении своём едины,
Суд в своём решении твёрд и скор.
Лезвие холодной гильотины
Утверждает чёрный приговор.

День пришёл – по смыслу и по дате,
Жизнь явила истинный настрой.
Приговор палаты был – предатель,
Приговор истории – герой.

В день рожденья – на крутом морозе
Мне живой Островский Николай
И здоровый Харро Шульце-Бойзен
Говорят: нигде не отступай.

4.

Новое приходит поколение,
Всё сильнее и больше, больше нас.
День рожденья – наше возрожденье.
В добрый путь, друзья, и в добрый час!

Антиманифест серости

Серое небо, серый туман.
Серые зайцы, серый капкан.
В серой чащобе – серые волки.
На сером асфальте – серые «волги».
Серые волны, серый песок,
Серый, как туча, над городом смог.
Лысые головы – серое темя,
Видимо издали, видимо всеми.
Серые суки, серые псы,
Серого цвета кошачьи усы.

И что же случилось? Куда же всё делось?
Исчезли все краски, осталась лишь серость.
Что это – закон? Существует в природе?
И нас-то, людей, не касается вроде?
Кому ж, уточним, адресуется он?
Иль особям высшим – особый закон?
Нет, говорят, он один на свете.
У серых родителей – серые дети.

Кто господин у нас? Кто у нас сэр?
Кто, как волчище, и хищен, и сер.
Серые лица в серых шинелях.
Серые лица на серых панелях.
Серые лица, серые личности,
Серые личности – ничто без наличности.
Серые бары, серые лица –
Прсят с утра аж опохмелиться.

Серые стены, резные столбы,
Твёрдые, крепкие серые лбы.
Серые мысли под серыми лбами,
Набитые чем-то, но не мозгами.
Серый чиновник высок как Бог –
Серая шляпа а ля котелок.

А вот и искусство: издали прелесть,
А если поближе – опять же серость.
Смотрю кинофильмы – сплошные серии,
Но только пустые и только серые.
Серые авторы, серые книги,
Листаю и вижу: не книги, а фиги.
Слушал рок-музыку, что же оселось?
А то: оглушающе дикая серость.
Так вот же он этот искомый канон:
Серость – всеобщий железный закон.

Кто ж мы такие на свете?
Серых родителей дети?
Свой век называем мы эрою
И мерим своею мерою,
Хотя и знаем меры.
Но верим в свои веры.
Шагаем мы вместе с эрою
Такие ж, как эра, серые.
Дети! Отцы! Встаньте!
Карта ещё не бита.
Пора, наконец, восстаньте!
Против серости быта,

Против серости эры,
Эры, где все серы.
Наверно, могли и вы бы
Сделать иной выбор.
Зову: наберитесь смелости
Бросить свой вызов серости.

Баллада о добром напитке

*Ну, а класс-то
жажду
заливает квасом?
Класс – он тоже
выпить не дурак.*

В.В. Маяковский

Вот выдался день, братушки!
Солнце палит с утра.
Выпьем пивка по кружке,
Пока не свалила жара.

Скажи, что ещё тебе надо?
Вкушай питье не дыша,
Пока это чудо-прохладу
Приемлет твоя душа.

Но так это – только от жажды?
И только когда-то в жару?
Мы с другом вот так не однажды
Встречаемся как на пиру.

Сбегаемся после работы,
Дневной завершая путь,
Чтобы отринув заботы,
За пивом слегка отдохнуть.

Пиво – простой напиток –
Без буйных, лихих тарарам,
Без нудных похмельных пыток,
Глухих алкогольных драм.

Оно, конечно, не модно
В кругу, где в ходу коньяки.
Оно – наш напиток, народный,
И только народу с руки.

И нам как ничто другое.
Ты с ним как всегда хорош.
И важно – не дорогое,
На кружку всегда найдёшь.

Помню, пришлось со службы
Нам в штатскую жизнь шагнуть.
Пиво – напиток дружбы –
Нас провожало в путь.

Помню кафе под ивой.
Помню весёлый день.
Животворящим пивом
Встречала меня Пльзень.

Пиво как ось прогресса,
Критерий эпох и времён.
Когда-то его сам Цезарь
Узрел у германских племён.

Сегодня ж оно и игриво,
Лучисто и озорно –
Лучшее в мире пиво –
Словно как Богом дано.

Случилось мне – и не где бы –
Такая пришла благодать –
Под тёплым баварским небом
Праздник пива встречать.

Рекою лилась эта влага.
Как море шумел хоровод.
То было всеобщее благо
И так ликовал народ.

Весь мир – и друзья, и подружки.
Ничто их не разольёт.
Налейте ж и нам по кружке –
За дружбу, за труд, за народ.

Рождение утра

Всё в жизни разумно и мудро.
Свет побеждает тень.
Мудро рождается утро.
Мудро приходит день.

Тихо, спокойно, без стука
Он дверь открывает в мой дом
Аккордами чистого звука
Как светлым и чистым ключом.

Жена в голубой сорочке
И словно в саду соловьи
Строчки, родные строчки...
Как жаль, что они не мои.

Пушкин, Никитин, Есенин...
 Не это ль живительный свет?
 Не это ли ветер весенний?
 Вдыхай, заряжайся поэт.

Дремлет над лесом Сатурн.
 В сиянии лунной ночи
 Не дремлет даже листочек.
 Лишь тихо звучит ноктюрн.

Тонкий чарующий звук,
 Как голос души сокровенный,
 Откуда-то из вселенной
 Пришёл, растворившись вокруг.

Матово-пепельный цвет,
 С аккордом минорно-небесным,
 Лёгким, совсем бестелесным
 Таким ощущаю весь свет.

Светлеет небесный круг.
 Молча и самозабвенно
 Мне Фредерика Шопена
 Играет мой юный внук.

Чудо-ноктюрн и Шопен.
 И вот уж вполне минорно
 Сдаюсь на их милость покорно –
 Шопену и внуку в плен.

Эх, Ванюшка-Ванька! или Полчаса в автобусе

Это случилось ещё в те времена, когда из спального района Москвы до ближайшей станции метро нужно было обязательно ехать на автобусе. Я жил рядом с предпоследней остановкой. К ней с последней остановки автобус подъезжал чаще полупустым – даже оставались свободными места для сидения. А вот на нашей остановке скапливалась большая толпа, бравшая автобус штурмом. В ту пору на выход и вход ещё пускали в любые двери. Хорошо было тем, кто у раскрывающихся дверей оказывался первым.

В этот раз повезло мне: двери распахнулись прямо передо мной. Легко запрыгнув в салон, я занял место у окна. Рядом со мной тотчас плюхнулась на сидение грузная дама, заблокировав меня от прохода. Пассажиров в автобус набилось много. Оно и понятно: было раннее утро понедельника, начиналась новая рабочая неделя.

Следом за нашими креслами, над самыми нашими головами, расположились три женщины-подруги того самого возраста, про который в народе толкуют, что «когда за сорок пять, баба ягодка опять...». Они начали шумно общаться, не обращая внимания на окружающих...

Вероятно, теперь они встречались редко, хотя дружили с молодости, доверяли друг другу полностью и никак не могли наговориться о своей нынешней жизни. Накануне они хорошо повеселились, выпили и поэтому вели себя совсем раскованно, не обращая никакого внимания на других пассажиров и не осознавая, что их громкая беседа слышна не только им одним.

– Ну, Алка, ты вчера отмочила! – включилась в беседу одна из них

– Это когда, Вера, в магазине, или уже дома?

– Да когда Анька потянулась к тебе чокаться полным стаканом, не удержалась и, чтобы не упасть, случайно ухватила тебя за грудь, а ты ей: «Взялся за грудь – говори что-нибудь!».

Дамы дружно прыснули и расхохотались.

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

– А у неё груди плотные, налитые, как у молодой.
 – Алк, ты, небось, лифчик третьего размера носишь?
 – Какой там третьего – уже в пятый насилу влезаю.
 – То-то я смотрю, мужики в винном только на тебя и пялились.
 – Да что толку-то, что они пялились? Эх, не те времена, я б сама бы им дала, – созорничала Алка.
 – А у тебя, что, подруга, с мужиками натуга?
 – Ань, слышь, не нападай! Лучше рыжего отдай!
 – Да ладно вам, девки. Я уж думала, вы забыли ту давнюю историю...
 – Какую историю?
 – Брось притворяться-то. Забыла что ль, как она у тебя рыжего Петьку увела?
 – Когда? У меня ухажёра с таким именем никогда и не было...
 – Ой, финтишь, подруга! Вспомни, как мы молодыми на стройке работали.
 – Это где? В промзоне, или когда уже штукатурками стали?
 – Конечно, когда штукатурками стали, уже не на ветру, а в помещениях работали. Ты сама тогда прибежала к нам, глаза горят, косынка съехала, волосы растрёпаны, лицо польхает... А потом призналась, как ты случайно оказалась с глазу на глаз в дальней комнате с сантехником. Мужик он был молодой, высокий, сильный, ладный – только-только армию отслужил. Работали вы, работали, вроде и внимания друг на друга не обращали, а потом ты инструмент случайно обронила, да не захотела со стремянки спускаться и этак небрежно ему и бросила: «Слышь, паря, подсоби! Будь другом, подай, что я уронила...» Он от неожиданности распрямился, уронил кепку и уставился на тебя голубыми своими глазницами из-под рыжих кудрей. Тебя всю и пробрало – от затылка через поясницу до самых пяток. Вспыхнула ты и застыла, встретившись своими глазами с его взглядом. И глядите вы друг на друга, молчите, а отвести глаз не можете. Потом подал он тебе инструмент и своей левой рукой твою левую сжал – сильно, крепко, но не больно. А когда ты под обед спустилась со стремянки, он тебя в охапку и ну обнимать и целовать. Ты поначалу вроде отбиваться собралась, а потом так тебе вкусно стало от его объятий и поцелуев, что смолкла, обмякла и только беспокоилась, как бы голова не закружилась и чтобы не упасть. А когда он разжал свои лапищи, ты возьми, да спроси: «Тебя хоть как кличут, рыжий?» Он назвался, назвалась и ты и тут же стремительно убежала к нам поделиться новостью.
 – Ой, кого вспомнили, – спокойно отреагировала Алла. – У меня с ним ничегошеньки серьёзного-то и не было. Молчун он был. Всё провожал, да провожал до общежития, а в гости и сам не напросился, и меня не позвал, а потом куда-то пропал...
 – Никуда он не пропал, девчонки. Просто его на другой объект перебросили.
 – Ань, а ты откуда это знаешь?
 – Как же мне не знать, если сначала меня на тот объект перевели...
 – Подсобить соседям?
 – Конечно. Там я своего Петра и встретила на свою беду.
 – А почему на беду?
 – Да потому, что в Москву-то я приехала девчонкой нецелованной. Опыта никакого...
 – Как же у тебя-то с ним случилось?

– Как, как? Да просто очень. Уже тепло было, весна заканчивалась. Мы девчонки-отделочницы уже в юбках и блузках ходили, в подсобке скидывали их с себя, да на лифчики и трусы надевали лёгкие тонкие рабочие халатки. Тогда ж брюки, джинсы, а тем более комбинезоны никто из девчонок не носил – время этой моде ещё не пришло. В столовую бежать было далеко, да и дорого по нашему заработку. Возьмёшь, бывало, бутылку кефира, да белую французскую булку за 7 копеек – вот и, слава богу, пообедали. А обеденный перерыв по закону всё равно час. Зайдёшь, бывало, в подсобку, возьмёшь старый ватник, отнесёшь его к рабочему месту и минут сорок спишь на нём, как сурок. В окно солнышко пригревает. Ты глаза закроешь – и как провалилась.
 Очнулась я ото сна, но не сразу, ещё в полудрёме. И кажется мне, что это моя деревенская собака положила на меня свою большую лапу, прижала к себе и перевернула меня на бочок, а сама носом в ухо мне дышит и лижет меня в ухо, в щёку, в шею. А мне приятно это, и глаза раскрывать не хочется. И только я пришла в себя, глаза раскрыла, вздрогнула с испугу, поняв, что это не мой кобель, а мужчина. Прихватил он меня и в ушко шепчет: «Тихо, девонька, тихо, ласковая моя, ягодка спелая...» И вдруг как поцелует меня в шею, вот сюда справа, в самую нижнюю часть – меня будто током всю проняло... Это сейчас молодые девки грамотные, знают про всё и даже про эти самые женские специфические зоны. А я тогда знала только промзону...
 Дамы дружно залиvisto захохотали, да так заразительно, что сидящие рядом пассажиры переглянулись и заулыбались. Разговоры в автобусе стихли, как по команде. А Анна, полностью овладев вниманием подруг, как ни в чём не бывало продолжила свою исповедь.
 – И так мне стало приятно, томно и незащитно, что я сама перевернулась на спину, раскинула руки и ноги и ощущаю, будто я в детской сказке лечу на ковре-самолёте. А мужчина надвинулся на меня, укрыл меня собой, целует в губы. Только я отвлеклась на эту ласку, а он мой лифчик сдвинул вверх и давай ласкать мою грудь. Чувствую – я вся будто плотнее стала, и даже ощущаю, как груди мои налились и отзываются на его властные руки и тонкие пальцы. Восторг полный! Он это почувствовал, просунул руку под мои лопатки и расстегнул лифчик. А другой рукой всё гладит меня по груди, животу, по спине, а уж как просунул руку под резинку трусов – тут уж я совсем обмерла.
 В общем, девчата, не устояла я против его ласк и настойчивости...
 – Так это из-за него ты так и не вернулась в нашу бригаду? – спросила Алла.
 – Из-за него.
 – А что же было дальше? – поинтересовалась Вера.
 – А дальше было три аборта, пока мы поженились. Но к нашей женитьбе Петру дали однокомнатную квартиру. Он себя на стройке хорошо зарекомендовал, да и я была беременной в четвёртый раз.
 – А как вы жили потом? – поинтересовалась Алла.
 – А потом был суп с котом.
 – Это как? – спросила Вера.
 – Да так, как у многих. Сначала жили хорошо. А потом родилась Светлана. Далась она мне тяжело. Я на сохранении лежала, потом рожала тяжело, потом много болела. Светочка родилась слабенькой, квёлой, болезненной. Молока у меня к месяцу не стало. Весь первый год Светка ночами не спала, беспокоилась, кричала. Я, конечно, была всё время с ней, не работала. Пётр вообще-то зарабатывал хорошо, но до полочки мы еле дотягивали – работал-то он один.

А помочь нам было некому, да и кого из родителей, даже если б они захотели нам помочь, можно было привести в однокомнатную квартиру? Терпения Петра хватило ровно на год, а потом он сломался.

– Запил что ли? – участливо спросила Алла.

– Нет. К бабам его потянуло. Захотелось мужику без криков дочку пожить, без болезненной и целиком от него зависящей жены. Я уж потом узнала, что мой Пётр девками да бабами был избалован ещё до армии, в армии всё в самоволку норовил удрать и уж после армии погулял всласть. И тут ему случайно возьми, да и подвернись такая честная и глупая, как я. А ему похождения подавай! Ну, вот и затосковал мужик. Лишних денег на выпивон с дружками, да на бабёнок нет, сам он постоянно не высыпается, жена вечно больная, на близость идёт крайне редко, неохотно, да и без огня, испытанного в первые месяцы жизни. Сначала он крепился, терпел, а потом сорвался. То здорово припозднится с работы, то приползёт совсем пьяный. А потом стал деньги скрывать – то получку не донесёт, то премиальные занывает. Я сначала не понимала, что происходит, ни о чём не догадывалась. А уж как случайно раскрылось, что он себе другую женщину завёл, я не выдержала и выставила его. Так и разошлись. Хорошо ещё, что квартира нам со Светкой досталась, а то я и представить не могу, как бы мы жили – никому ненужная лимитчица – мать-одиночка, да ещё с маленьким ребёнком и без жилья.

– Так погоди, ту фотографию красивой рыжеволосой девушки, которую ты нам показывала... – проговорила Алла.

– Да, да. Это она и есть, моя Светлана, дочь Петра, – подтвердила Аня.

– Так после Петра ты так замуж и не вышла? – спросила Алла.

– Нет, не вышла, – сообщила Аня. – Кому охота строить семью с разведёнкой, нянчить и воспитывать чужое дитя, ревновать бабу к мужику-предшественнику, да ещё при ссорах ощущать, что тебя тайно сравнивают и, конечно, явно не в твою пользу?

– Ну, теперь-то мы тебя выдадим. Дочь взрослая. У неё своя жизнь, у тебя – своя, – убеждённо выступила Вера.

– Теперь-то я совсем никому не нужна. У дочери – жених, но он не москвич, без жилплощади. Стало быть, Света приведёт его в нашу квартиру. А куда ж мне приводить? Да и молодёжь теперь настраивают просто: старики свою жизнь прожили, пора уступать место молодым. Да и какая у стариков может быть любовь? Просто возрастные чудачества – да и только! Так-то вот, – с грустью добавила Аня.

– Слушай, Ань, но неужели после Петра у тебя не было хотя бы каких-то встреч с мужчинами? – поинтересовалась Вера.

– Не было, Верочка, не было, – твёрдо отозвалась Аня. – Хочешь верь – хочешь не верь... А Петра я часто вспоминаю... Знаешь, всё-таки самый первый мужчина, самая первая любовь, семья, дочка, квартира – ведь это всё он. Вот почему и делить, и забывать его я не хочу и не могу. Надеюсь, внук родится рыжим, попрошу я Светланку назвать его Петром – вот тогда и заняну, вот тогда и зацелую я своего Петрушу...

Женщины слегка примолкли, сочувствуя Ане и восхищаясь её мечтой и нежностью к будущему внуку.

– Вера, – вдруг вступила в беседу Алла, – а у тебя-то есть дети?

– Нет, девочки.

– А что так? Ты не захотела, или муж?

– Ой, Аллочка, – с грустью вздохнула Вера, – это длинная и непростая история.

– А ты за кем замужем? – нейтрально поинтересовалась Аня.

– Да всё за ним, за Савельичем.

– За Никифором что ли? – крайне изумилась Алла.

– Да, за Никифором Савельичем, всё за ним, – смущённо ответила Вера.

– Так вы вроде расходились, – удивилась Алла.

– Да, расходились. Два раза расходились, а потом опять сошлись, попри-терлись и живём, – как-то обречённо сообщила Вера. – Понимаете, девоньки, трудно женщине одной. Это теперь молодые внешне хорохорятся, по нескольку раз замуж выскакивают, от разных мужей детей заводят, гордятся, что больше мужчин зарабатывают... На самом деле всё это не так. По себе знаю...

Я ведь в город уже немолодой попала. Было мне двадцать восемь. Бог меня ни красотой, ни боевитостью не наградил, поэтому ни в деревне, ни в городе женихи на меня не засматривались. Первое время тяжело было, обидно до слёз. А потом обратил на меня внимание Савельич. Ему уже под сорок было – человек опытный, со средним техническим образованием, мастер. Я и пошла за него, хотя ни он, ни я своего жилья не имели, мы ещё в общежитии жили.

Прошло с полгода – направляют меня с подругами в подшефный совхоз. Там тогда большое строительство развернули – городок для механизаторов, административный корпус, больницу, баню с прачечной, магазин, детский сад. Нам-то, отделочникам, было, где развернуться. Платили очень прилично, кормили хорошо и совсем недорого. Все три летних месяца я там и пробыла.

Вернулась – так соскучилась по Савельичу, – не передать. А он у меня какой-то сникший, придавленный. А потом выяснилось, что он больной и как раз по мужской части. Бегал всё к врачам, лечился, недели по две не дотрагивался до меня. Говорил, что во время лечения врачи ему спать со мной запрещали. И странное дело. Его лечат-то, лечат, а лучше ему не становится. Потом уж он признался мне, что у него хроническое воспаление какой-то мужской железы, что рядом с пузырьём располагается. Как-то она называется – кажется, то ли «пристава», то ли «плодстата»...

– Она правильно «простата» называется, – поправила Алла.

– Точно, простата. Это я перепутала. А вот как заболевание называется, не вспомню.

– Это у него «хронический простатит» развился, – подсказала Алла.

– Вот, вот, он самый.

– Нехорошее это дело для мужчины, – задумчиво проговорила Алла. – Заработать его легко, а из-за него потом такие неприятности бывают.

– Ты из нас, Алла, единственная добилась высшего образования, поэтому всё знаешь, – с подчёркнутым уважением отозвалась Вера. – А я и тогда в этом не разбиралась, да и теперь, конечно, мало что понимаю. Но кое-что и я смекнула. Особенно когда люди подсказали.

– А что ж они тебе такое подсказали? – вступила в разговор долго молчавшая Аня.

– Эх, девоньки, пока я в разлуке вкальвала, по Савельичу тосковала, но, конечно, ничего себе не позволяла как порядочная и верная жена, он, кобелина, связался с Тонькой с автобазы, – зло проговорила Вера. – Была у нас в общежитии такая молодая и разбитная бабёнка, слабая на передок, которая, как мне потом рассказали, чуть ли не со всеми шофёрами переспала. От неё-то он и прихватил триперок. А Никифор-то человек застенчивый, замкнутый,

друзей у него нет, жена в отъезде. Он сначала таился, мучился, всё запустил, а уж как стало совсем неважно, побежал к врачу, – ан, поди ж ты – поздно, болезнь затянулась, стала хронической.

Конечно, я жалела Никифора, сочувствовала его болезни, а как люди-то мне подсказали, что было в моё отсутствие, такое зло меня взяло. «Ах, ты, – думаю, – мастер-тихоня! Ты мастер только чужие юбки задирать!» Тут уж я ему скандал закатила, припёрла его к стенке фактами – ему деваться некуда, сознался, повинился, прощения на коленях просил, клялся, что никогда больше ни на одну не заглянет, ни с одной в постель не ляжет. А мне ещё противнее от его клятв стало. Не простила я. Так в первый раз и разошлись.

С год мы с ним жили порознь. За это время мне комнату дали, ему – отдельную квартиру. И вот, верите ли, девоньки, ровно через год раздаётся звонок в квартиру, где я жила. Открываю дверь – на пороге мой Никифор Савельевич. Ну, я же не тюремная надзирательница! Пустила. А он, как в моей комнате оказался, весь зашёлся в рыданиях.

– Простила? – глухо проговорила Аня.

– Простила, – твёрдо сказала Вера.

– А зачем же вы второй раз разводились? – спросила Алла.

– Понимаешь, Алла, как любой нормальной женщине, детей мне очень хотелось.

– А Савельич-то твой не хотел что ли? – возмутилась Аня.

– Нет, он тоже хотел. Живём год, два, три, не предохраняемся, а вот ну никак не получается! И в один из дней решили мы, что нужно к врачам идти, проконсультироваться. Его проверили – вроде бы с ним всё в порядке, а у меня обнаружили воспаление придатков и полную непроходимость каких-то там наших женских трубочек. И когда он это узнал, то попрекнул, что это я во всём виноватая. Так мне больно и горько стало, что я бесплодная! Неделю я его к себе не подпускала. Он осерчает, отвернётся, через пару минут захрапит, а я всю ночь не сплю, всё плачу и плачу, никак остановиться не могу, потому что слёзы сами текут и текут – откуда они только берутся в таком количестве? А когда много и часто бегаешь к врачам, да к медицинским сёстрам, чего только в очередях не слушаешься. Ну, вот и я – слушала, слушала, а потом врачу и медсестре прямо в лоб вопрос и задала: «Это что же, – говорю, – в том, что у меня детей нет и не будет, только я виновата?»

Тогда-то они меня внимательно выслушали, долго расспрашивали про наш интим с Никифором, поинтересовались, соблюдаю ли я ему верность, не было ли у меня от него секретов – в смысле не ходила ли от него налево, не было ли у меня боли какой, температуры, выделений, не болел ли когда Савельич по мужской части. Тут уж я опять, конечно, вспомнила про его триппер от Тоньки, рассказала женщинам всё начистоту. А чего ж скрывать, если до медицины дело дошло? И тогда-то они и сами поняли и мне объяснили, как развивались события.

Оказывается, и мужчина, и женщина могут подхватить триппер только тогда, когда они переспят. Если мужчина заразился, у него через несколько дней появляется боль в причинном месте, когда он справляет малую нужду, особенно к окончанию, потом идут дурного запаха, как гной, выделения, пахучие трусы. Может и температура подскочить! Стоит мужику выпить – не только водки, даже вина, а еще хуже – пива, – уж он и сам не рад, – так ему становится плохо. Его всё время в туалет тянет, мучительно мочиться охота, а

к концу облегчения не наступает – наоборот развиваются такие пронзительные боли, которые называют «резами».

– Да, – подтвердила Алла, – это одно из двадцати самых распространённых заболеваний из группы ИППП. Так сокращенно именуют инфекции, передающиеся половым путем. А триппер по-научному называется «гонорея».

– Точно так, Аллочка, – обрадованно согласилась Вера. – Мне они тоже об этом говорили, да запомнила я.

Так вот. Мужчину вроде гонит к врачу само заболевание. Если вовремя за болезнь взяться, вылечиться можно. А вот такие пентюхи, как мой Савельич, думают, что само пройдет, терпят, не идут к врачу сразу. А уж когда с запозданием обращаются, и лекарство может не так сильно подействовать, да и осложнения могут развиться – чаще, как у моего – «хронический»... Как ты, Алла, давече произнесла?

– Хронический простатит, – подсказала Алла.

– А мы, бабоньки, за свои да мужские грехи расплачиваемся незаметно, постепенно, но жёстче, – сказала, как припечатала, Вера. – Заразившись от мужа-кобеля, аль от левого мил-друга, мы можем этого и не ощущать. Ни болей, ни резей нет, температура не повышается, обильных выделений тоже нет. А если какие выделения и появляются, ты всё списываешь на то, что не подмылась вовремя и чисто. А инфекция-то в тебе сидит и постепенно точит твой организм снизу вверх – придатки заболели, наши женские специфические трубки поразились. А через некоторое время трубки слиплись, перегородили, как запруда, путь клетке и никакому живчику к ней не добратся, не областать её, не оплодотворить, не дать старт новой жизни!

Так вот мой-то Савельич мало того, что себя дурака заразил, так ещё и с лечением опоздал. А мне объяснили, что, когда мужчина страдает хроническим простатитом, да ещё многолетним, лечить нужно его и его жену одновременно.

– Не только жену и мужа, – вставила реплику Алла. – Это правило относится к половым партнёрам вообще.

– Ты, конечно, опять права, Алла, – откликнулась Вера, – только мне-то от этого открытия не только не легче, но ещё горше стало. Вы меня понимаете, девоньки? Он-то меня кольнул, меня обвинил, что я детей рожать не могу, а я-то теперь точно узнала, что это он меня такой сделал. Не выдержала я, психанула, всю правду ему в лицо бросила – и опять ушла.

Вот я неделю живу одна, другую. Поостыла, конечно. И давай я всю свою ситуацию передумывать. Но как ни прикину, не могу Савельича простить и всё его в душе ругаю. А я, когда ушла-то от Савельича, сгоряча часики свои наручные золотые в его квартире позабыла... Вот я в один из дней решила зайти и забрать их. Вечером, часов около девяти, зашла я в его подъезд, поднялась на лифте на знакомый мне этаж, вышла, звоню в квартиру – никто не открывает. Я опять звоню – молчок, снова названиваю – никакой реакции. А в это время из соседней квартиры выходит женщина с мусорным ведром. От неё-то я и узнала, что Савельича скорая увезла в больницу. Дату, когда это случилось, соседка мне сказала, а в какую больницу и в связи с чем – вроде как не знает. А сама глаза в сторону отводит. И тут меня такая тревога разобрала, ноет сердце, подсказывает: ищи Савельича немедленно! Сколько я звонков и справок сделала – не передать.

И вот когда я в больницу-то попала, всё и узнала. Какие-то отморозки пырнули ножом моего Савельича прямо около дома. А пырнули за то, что он

им замечание сделал. Какое уж они ему ранение нанесли, я так толком не поняла, но врач сказал, что Савельич в рубашке родился, от смерти был буквально на волосок.

И как увидела я его на больничной койке – худого, бледного, измождённого, исстрадавшегося, так, верите ли, девоньки, всё ему и простила. Иной раз сижу у его изголовья, он спит, а я про себя думаю: «Родной ты мой, блядунчик мой ненаглядный, делай что хочешь, гуляй и спи, с кем хочешь, – только не умирай!»

– Выходила ты его? – спросила Алла.

– Выходила, – очень тепло и торжественно призналась Вера. – И теперь мы не разлей вода.

– Вот и славно, – мечтательно и грустно произнесла Алла

В этот момент автобус, прежде чем сделать крутой поворот налево на просторное шоссе, ведущее к конечной остановке у станции метро, резко затормозил и остановился. В глаза водителю и пассажирам, не мигая, светил яркий красный сигнал светофора. Поток мчавшихся по шоссе легковых и грузовых автомобилей, автобусов и троллейбусов, казалось, не остановить – таким он был мощным и непрерывным.

– Вот всегда так! – досадливо проговорил мужской голос впереди. – Прежде чем налево повернуть, обязательно простоишь и прождёшь. Будто кто-то специально такой ритуал с размышлениями придумал.

– Не опоздать бы, – забеспокоилась Алла.

После её слов красный свет на нашем светофоре волшебным образом заморгал и выключился. Через совсем короткий жёлтый включился зелёный. Непрерывно двигавшийся по шоссе поток машин остановился и прервался. Путь для нас оказался свободным, и мы поехали.

– Ал, а у тебя-то как сложилось? – вернулась Аня к прерванной теме разговора. – Я помню, какой ты была нацеленной и работоспособной. Мы все только работали, а ты, кроме работы, экстерном школу закончила, потом в вечернем техникуме училась. Потом наши дороги разошлись, и как ты жила и училась дальше, как сложилась твоя жизнь ни я, ни Вера не знаем. Расскажи, нам интересно.

– Что же вам сказать, девочки... Жизнь была нелёгкой, трудной, но мне очень нравилось учиться. Я с каждым прожитым годом ощущала, что не стою на месте, обретаю новые знания. И ещё одну особенность я ощутила. Чем больше я училась, тем мне было всё интересней и интересней. Я начала понимать, что ненужных предметов нет, а полученные знания заставляли меня интересоваться даже такими сферами деятельности человека, о которых впрямую преподаватели и не говорили. Втянувшись в учёбу, я как-то незаметно для себя окончила техникум и тут же поступила на вечерний факультет строительного института.

– Это ты уже на высшее образование замахнулась, – мечтательно проговорила Вера.

– Да вроде как замахнулась, – с улыбкой ответила Алла. – В институте было учиться очень интересно, да и с такими незабываемыми людьми познакомилась!

Я ещё училась на первом курсе, а на новогоднем вечере познакомилась с четверокурсником Иваном. Как сейчас помню, стоим мы в зале с подружками, переговариваемся о зачётах, о предстоящих экзаменах, шутим, смеёмся. И вдруг направляется к нам высокий, спортивный, подтянутый красавец,

одновременно похожий на артиста Столярова, что в кинокартине «Цирк» вместе с Любовью Орловой снимался, и на Переверзева, который в «Первой перчатке» боксёра играл. Он так уверенно подходит прямо ко мне и говорит: «Девушка, можно я буду танцевать с вами?». Мне, конечно, приятно стало, что из всех девочек он именно меня выбрал, улыбнулась я ему и говорю: «Можно».

Мы с ним весь вечер были парой, ни одного танца не пропустили. А танцевал он легко, красиво, музыку чувствовал каждой клеточкой, вёл так уверенно и вместе с тем нежно, будто вазу с цветами в руках держал. После вечера он пошёл меня провожать. Мы с ним долго шли, шли, разговаривали, и всё за один вечер рассказали о себе, о своей жизни, о своих планах.

До весны мы с ним только на танцах встречались. И поразил он меня больше всего тем, что была в нём уверенность и хорошая мужская гордость: ни словами, ни поступками ни разу он меня не обидел – не лез прижимать к себе, обнимать, целовать, шептать на ушко всякие банальности, пошлости, тем более скабрёзности.

И только после сессии, в конце июня, в первый раз пригласил он меня не на танцы. Сели мы в скверике на лавочку, он так пристально на меня посмотрел, глаза у него загорелись, и он каким-то глухим, не своим голосом говорит мне: «Алла, ты мне совсем родным человеком стала... Не могу я больше ни дня быть с тобою порознь... Выходи за меня... Я тебя люблю...»

«Ой, Иван, – отвечаю я ему, – и я тебя люблю»

– Как здорово! – радостно оценила Вера.

– Счастливые какие! – мечтательно восхитилась Аня.

– Вы правы, девчонки, – отозвалась Алла. – Вот тут уж он обхватил меня своими ручищами так – думала переломает, сгрёб в охапку и давай целовать с такой страстью! С этого момента мы уже не расставались.

К тому же оказалось, что нам несказанно повезло. Иван жил в Москве в семье старшего брата. Брат Ивана, его жена, их двое мальчишек и Иван занимали трёхкомнатную квартиру. Старший окончил военную академию, и его направили вместе с семьёй на несколько лет за границу военпредом. Когда они уехали, мы с Иваном зажили по-царски.

Через два года Иван окончил институт, а я сына родила. Год я была в академическом отпуске, а потом мы подыскали хорошую няню, и я снова пошла учиться – только по настоянию Ивана перевелась на дневной факультет.

Иван мой быстро пошёл в гору: он и до армии работал, и в армии строительными делами занимался, и после армии работал и учился на вечернем. Опыт у него был большой, работу любил и знал, да и за время учёбы сильно вырос как специалист. Ему доверяли и, конечно, выдвигали.

Ну, вот. Я продолжаю учиться, сыном занимается няня, а Ивана всё чаще стали в ответственные командировки посылать. Сначала его неделями дома не бывало, а потом пошли командировки продолжительностью и более месяца, и даже месяца по полтора-два. А я-то женщина молодая, разбуженная, страстная. Когда Иван находился в Москве, дома, мы ни одного дня, ни одной ночи не пропускали. А каково же мне было ждать его из командировок неделями, а потом и месяцами? Ну и мужчины вокруг интересные вились – студенты-старшекурсники, преподаватели, производственники, строители, архитекторы...

Один из хорошо известных специалистов как раз нам курс лекций читал по истории архитектуры и технологиям реконструкции зданий. Захватывающе, интересно читал, увлечённо. Сам он был роста среднего, но голос у него

был поставлен, как у Левитана. Чтобы его послушать и полюбоваться им, на его лекции девчонки даже с других факультетов прибегали. После одной из его лекций вышло так, что я ему при всём курсе задала три вопроса. Он их отметил и с удовольствием дал довольно обширные ответы. А на улице мы с ним столкнулись нос к носу. Он меня, оказывается, запомнил, стал расспрашивать. Мы довольно долго простояли, беседуя, а потом он меня в свою машину пригласил и, узнав, что мы почти соседи, к дому подвёз.

С этого момента он стал меня провожать на машине до дому почти ежедневно. А в одну из суббот, когда Иван уехал в двухмесячную командировку, Григорий (так звали архитектора) пригласил меня в свой загородный дом.

– Красивый? – поинтересовалась Аня.

– Не то слово, – ответила Алла. – Построил он его по своему замыслу и проекту, всё спланировал очень удобно, функционально, ну и внутри так своеобразно украсил, как в те времена можно было это увидеть только в архитектурных журналах Канады и скандинавских стран. За столом ухаживал он очень ласково, ненавязчиво, но напитки подливал. И я, девочки, расслабилась и потеряла контроль над собой. Потом я оказалась в белоснежной постели, и мне всё снилась эротика с Иваном – только Иван был каким-то очень уж мягким, ласковым, необычным, но приятным. И когда я проснулась на следующий день к полудню, а рядом со мной лежал абсолютно голый Григорий, я всё поняла. Отступить было поздно, да и не хотелось, честно говоря. И дело не только в близости. Григорий оказался очень знающим, образованным человеком. Он знал не только свой предмет, но хорошо разбирался в истории, музыке, поэзии, живописи, кино, театральных постановках, философии и даже интересовался новыми открытиями в биологии и новыми методами диагностики и лечения в медицине. Наш тайный роман с перерывами, когда из командировок возвращался Иван, продолжался месяцев восемь – десять.

– А потом? – не утерпела Вера.

– Слушайте. Сейчас расскажу, – спокойно призналась Алла. – Провожает меня очередной раз на машине Григорий и останавливается рядом с нашим подъездом как раз напротив наших окон. В окнах темно, значит, сын и няня уже спят, а Иван приедет только через две недели. А как раз напротив подъезда у нас стоит большой столб и на нём укреплен яркая лампа, освещающая пятак, как на сцене в каком-нибудь театре. Вышла я из машины, за мной вышел Григорий, расставаться ему не хочется, и он всё тянет меня за руку, пытается притянуть к себе и обнять. Я руку вырвала и направилась в подъезд, а Григорий за мной. В общем, долго мы ещё в подъезде простояли, благо поздно, никто не мешает, поцеловались не раз, пообнимались... Наконец Григорий меня отпустил, вышел на улицу, а сам уставился в наши окна и посылает воздушный поцелуй. А оказалось, что Иван приехал из командировки раньше времени, терпеливо ждал меня с сюрпризами, да подарками, а сам из-за занавески на улицу нет-нет да и поглядывал. Конечно, он увидел, как подъехала машина, как вышла из неё его жена, как её пытался притянуть к себе на улице посторонний мужчина и как он скрылся за его женой в подъезд. Времени прошло так много, что Иван сообразил: было явно интимное прощание. А потом ещё и воздушный поцелуй в сторону окон!

Да и мне, дуре, сказать бы Ивану, что архитектор – наш преподаватель, немножко ухаживает за мной, а я, дескать, с ним флиртую, чтобы домой возвращаться не общественным транспортом, а в машине, придумать бы, что задержались мы, так как не успели обсудить и обговорить мой предстоящий

проект, а что поцелуй он послал в знак восхищения, что мы такую удачную разработку задумали. Но так я, может быть, бы и сделала, если б заранее знала, что Иван приехал. А для меня, когда я вошла в квартиру, присутствие Ивана в доме стало полной неожиданностью. Конечно, я мекала, бекала, говорила невпопад, врала, изворачивалась и довела Ивана просто до бешенства, до беспамьятства. Он меня отвалтузил так, что я почти неделю подняться не могла и из-за боли, и из-за синяков. Но я ещё одну ошибку допустила. Дней через пять мы с ним снова сцепились, и я ему бросила, что он ведёт себя хуже зверя, – столько синяков насажал! И когда он особенно пристал, какие такие он мне синяки насажал, я с себя комбинацию скинула, осталась голой перед ним и показываю. А сама-то не вижу, что у меня на внутренних сторонах бёдер и на попе остались отпечатки рук Григория. Как увидел это Иван, разъярился, одним рывком выхватил ремень из брюк и так меня исполосовал! Больно было, обидно, гадко, но когда он внезапно остыл и кончил выволочку, и я кончила. И такое у меня возникло неиспытанное ощущение совершённого надо мной унижения, насилия и полного восторга и блаженства. Я тогда единственный раз в жизни поняла, какой большой смысл заложен в выражении «бьёт – значит любит».

Но хотя сама была во всём виновата, простить такого унижения я не смогла. С Иваном мы расстались.

Потом, через некоторое время, мы с Григорием расписались. Прожили мы с ним пять лет. Я ему дочку родила. К дочке он относился хорошо, души в ней не чаял, а сына, рождённого мной от Ивана, просто не замечал. Ну и потом, чем больше мы жили, тем больше находила я в его характере и поведении изъянов. Не было в нём открытости, широты, доверия, прямоты и восторженности Ивана. Не делился он со мной ни своими интересами, ни планами. Что-то он скрывал и прятал от меня, я это чувствовала. Обижало меня и его разное отношение к детям. А потом я по косвенным признакам поняла, что Григорий скрывает от меня и какую-то часть денег. С Иваном я об этом даже подумать не могла! Скоро я поняла, что у него пошли романы с новыми студентками. И хотя он объяснил мне потом, что всё это несерьёзно, что это всё для профессионального вдохновения, оттачивания художественного вкуса, я ему откровенно высказала своё отношение к этому, да ещё и укусила его тем, что он явно уступал в постели Ивану при нормальной семейной жизни, а уж удовлетворять меня после студенток – кишка у него тонка!

– Так ты и с Григорием разошлась? – спросила Вера.

– Разошлась, – ответила Алла.

– А как же ты с жильём устроилась? – поинтересовалась Аня.

– Я настояла, – ответила Алла, – чтобы Григорий либо мне с детьми оставил квартиру, либо новую купил в кооперативе. Сначала он тянул, сопротивлялся, а потом их коллективную работу по архитектуре отметили хорошей премией. Тогда он купил нам кооперативное жильё, сохранив себе и свою квартиру, и загородный дом. Я не цеплялась за чужое.

С этого момента мне стало особенно трудно. Вся жизнь была подчинена детям, хотя по служебной лестнице двигали, на месте я не стояла. А потом дети выросли, получили образование, обзавелись семьями. И осталась я одна. Промаялась годика три, и так мне стало невоготу в одиночестве. Ну, тут подружки подвернулись и сосватали меня за отставного железнодорожника, вдовца бездетного, Алексеем его зовут. С тех пор живём вдвоём – тихо, спокойно, без эксцессов. Он всё больше у телевизора за спортивными передачами

просиживает, особенно любит футбол и теннис, а я больше с книгами коротаю время. Пристрастилась я к классикам и только жалею, что не открыла всю их красоту и глубину раньше, столько времени зря потеряла!

– Алла, – спросила Вера, – теперь ты, наверное, лучше всех живешь?

– Ты знаешь, Верочка, – как-то совсем доверительно начала Алла. – Формально – да. Душа у меня спокойна – дети выросли, получили образование, встретили своё счастье, всем довольны. Мы с Алексеем тоже живём дружно, тихо, заботимся друг о друге, стараемся понимать, помогать. Вот только иногда такая тоска накатит! Понимаю я, что до сих пор люблю своего первого мужа – Ивана. Эх, Ванька-Ванюшка! Знаете, девки, всё бы отдала, если бы позвал он меня снова. Никого у меня лучше Ваньки-то и не было. Да вот молодая была, дурная, не объезженная...

– Алк, неужели до сих пор его помнишь?

– Помню, девки. Он мне часто по ночам снится. Да уж теперь ничего не исправишь.

Подруги приутихли и помолчали.

Когда автобус подъехал к конечной остановке у самого метро, женщины начали выходить чуть впереди нас.

Спускаясь по ступенькам, Алла шумно вздохнула и потом тихо и горько шепнула себе под нос: «Эх, Ванька-Ванюшка!»

Я вышел из автобуса вслед за Аллой. И в этот момент кто-то взял меня за локоть.

– Вишь, когда за сорок пять, жизнь не поворачишь вспять, – со значением произнёс старичок, просидевший весь путь в автобусе напротив меня, смежив веки. Я был уверен, что он спал.

Мы приостановились, а три уже знакомые нам женщины дружно устремились вперёд, к входу в метро. Выглянувшее из-за большого кучевого облака яркое летнее утреннее солнце с удовольствием подсветило и облакало все три женские фигуры.

– Да, жизнь не повернуть вспять, – согласился я со старичком не вслух, а про себя. – А всё-таки «ягодки» и чертовски привлекательны! – с радостью и какой-то внезапно нахлынувшей нежностью подумал я, провожая глазами уже спускавшихся в метро женщин и понимая, что расстанусь с ними навсегда.

Татьяна Парсанова – родилась в хуторе Рябовском Волгоградской области в семье донского казака. В 10 лет, вдохновлённая мимолётным общением с проживающим в соседней станице знаменитым русским писателем Михаилом Шолоховым, вдруг начала рифмовать свои рассказы. Замужество, переезды, перестройка – заставили замолчать на долгое время, но в начале 90-х желание писать возникло с новой силой. Стихи публикуются в Интернет-Альманахе «45-я Параллель», МК-Сетература, «Топос», «День Литературы», «СО-ЗВУЧИЕ» (Белоруссия), «Зарубежные задворки» (Германия), «Новый Континент» (США).

Живёт в Наро-Фоминске.

«Мне за тебя молиться надо...»

В день Победы

И снова мир раскрасила весна,
Смывая напрочь зимние печали.
Солдат с утра начистил ордена –
Аж зайчики по стенам заскакали.

Чуть-чуть пилотку сдвинул набекрень,
Рукой расправил гимнастёрку сзади...
Уж сколько лет он этот майский день
Встречает так: при полном, при параде.

Любовь сияла ярче во сто крат,
В одно соединив три поколения.
Не зря сегодня празднует Солдат
Победы день. И внука день рожденья.

Шагнул Солдат, взволнованный слегка,
Туда, где город затопляя светом,
Текла река бессмертного полка.
И гордый внук шагал с его портретом.

И вновь Солдат увидел – жаркий бой...
Хранящуюся в памяти гравюру:
Где, без раздумий, он закрыл собой
Плюющую смертью амбразуру.

Как впился в грудь расплавленный металл...
Как в травы уткнулось живое что-то,
Когда Солдат впервые осознал
Всю хрупкость жизни, с высоты полёта.

И с тихой грустью вспомнилось опять,
Какой ценою куплена победа.
Сегодня внуку ровно сорок пять.
В два раза ровно стал он старше деда.

Мы думали: два года – ерунда,
А у судьбы другие были планы.
И наши обещанья: «навсегда» –
Закрыли тенью «чёрные тюльпаны».

Зачем?! Домой вернулся, в цинк одет...
Меня на жизнь пустую сделав старше.
Познавши вечность в девятнадцать лет.
Любви земной и ласки не познавши.

Ружейный залп, взлетевший к небесам...
Хранящая молчание икона...
Кто подарил войну чужую нам,
И марш Шопена вместо Мендельсона?

*Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд*

Борис Пастернак

«Февраль. Достать чернил и плакать!»
Увидев вдруг, как сотни лет
Луны серебряную мягкость
Кровавой лапой рвёт рассвет.

И осознать предельно ёмко:
Как норы у мороза крут.
Как тонким языком позёмка
Слизнёт намеченный маршрут.

Как путь до точки невозврата
Благими помыслами взрыт.
С раздраем Понтия Пилата
«Писать о феврале навзрыд».

Но... Захлебнувшись знаньем этим
Душой почувствовать вдруг как –
На расстоянии столетий
Февраль рисует Пастернак.

Эта весна смогла небо грозой расшить,
В сумраке, нам глупцам – дать Ариадны нить...
Мы же на трон – ложь. Счастье – на край земли.
Горьких разлук дрожь в души пластом легли.

Учим себя опять прятать в ресницах взгляд.
Осень – пора считать, сколько кому цыплят.
Больше законов нет. Реки вернулись вспять.
Снова на красный свет... Что тут ещё сказать...

Вновь мерзлотою дышит тишина,
Переполняя горечью мой кофе.
Вновь я гвоздём судьбы пригвождена
К кресту раздумий на моей Голгофе.

Бегу туда, где в сумраке вины,
Заря стыдливо приспустила стяги.
Туда где ты, укравши у жены,
Швырнул мне ласку, словно кость дворняге.

Туда где я, собой не дорожа,
Шальную жизнь о шип вспорола острый.
Любовь вкушала с кончика ножа,
Не обретя обетованный остров.

И где в забвеньи окунувшись, вспять –
Обручена с болезнью тоскою,
Когда любовь ты пробуешь опять
Сравнять с землёй не дрогнувшей рукою...

В альбомах пожелтевших – лица...
Да сполохи нечастых снов...
Простить – синонимом проститься.
Сюжет не нов.

Икон безмолвных лики строги.
Ах, время... Повернуть бы вспять.
К истоку пройденной дороги
Прильнуть опять.

В ладошках мамы отогреться,
Не помня горький вкус беды.
С колодца, розового детства,
Испить воды.

Забывать, что слёзы бесполезны,
Когда любви тончает нить,
И мир летит куда-то в бездну...
Но, надо жить...

Когда январь капелями в ночи
Снежинок след смывает без остатка,
А верный мой «барометр» урчит
И зябкий нос не прикрывает лапкой,
Когда суливший холода, прогноз
вдруг почками берёзовыми вспухнет –
шальными снами ухожу вразнос,
сбивая ритмы на небесной кухне.

Беззвучно, лишь искры... ломаются копыя стрелцов.
Костры догорели... Ни дров, ни надежды в помине.
Я с детства училась – всегда сохранять лицо.
Но кто-то придумал закон параллельных линий.

Я сбилась со счёта. А осень плодит цыплят
и жёлтых и рыжих... И гонит их ветром в кучи...
Большое – лишь издали... Время, суровый взгляд,
на плечи – крестом. В подарок – венец колючий.

Желанья, как прежде – ладошки мои согрей,
сквозь годы – губами, к губам моим, тёплым вдохом...
Но ты вечный пленник суровый, седых декаблей.
Мне плохо...

Повозкой брэнной катит жизнь земная,
пока небес мы жаждем благодать.
И всё-таки приходится признать –
создатели и ада мы и рая...

Поверить надо в мудрость бытия,
и жизнью насладиться в полной мере,
и быть счастливым в этой твёрдой вере.
Раздутое поглубже спрятав – «Я».

Мне за тебя молиться надо...
Но я в бессилии – пока
Встают незримою преградой
Слова слетевши с языка.

Пока безверья давит бремя,
Пока соблазнов крепок лёд,
Я жду, когда наступит время –
Душа заблудшая взвёт

И, нивелиром угол зренья
С гордыни спустит в простоту.
Тогда, познавши суть прощенья,
Я до молитвы дорасту...

Полночь звёздною фатой
Окна занавесила...
В клетке, даже в золотой,
Жить, поверь, не весело.

Под ударами кнута
Истончает кожа...
Мыслей скорбных маета –
Песнею не сложится...

С каким азартом мы играли драму...
Напрасно ночь шептала о любви.
«Шерше ля фам» – я думала упрямо,
А ты мне эхом вторил – «Се ля ви».

Из глаз огонь – остервенело белый,
На лицах маски – холод и металл.
Зашкаливают грома децибелы.
(Илья-Пророк потише грохотал.)

Пугливый месяц ждал прихода утра,
На острый рог мотая млечный путь...
Да знали мы, что в общем-то не мудро
Надеяться на «вдруг» и «как-нибудь».

Рассвет уже приник к оконной раме
Но нет согласия, будто бы назло...
У всех своё, кому – коса на камень...
У нас с любимым – крышу сорвало...

Оскал декабря крут.
Ты в тон ему. Мой странник.
Хватай свой скорей кнут.
Возьми от меня – пряник.

Растрёпанных чувств – блик.
И горечь вины – прессом.
Я ль буду твоей Брик?
Ты ль станешь моим Дантесом...

ПУБЛИЦИСТИКА

Николай БАШМАКОВ

Хомячок в колесе

Один маститый писатель посоветовал мне не трогать публицистику, не отбирать у политологов хлеб, а писать прозу, которая, как известно, не напрямую обличает пороки людей и общества. Пытаюсь, но не могу выполнить его совет. Не хватает терпения спокойно смотреть на происходящее. А объяснить свою точку зрения в прозе не получается по той причине, что редко кто читает её сейчас, а уж сильные мира сего не берут в руки книги и подавно. Они и классиков-то, которых изучали в школе, давно забыли, а современных писак игнорируют напрочь. Тогда как от публицистики хотя бы смогут услышать звон или некое подобие эха.

Раскол в обществе

Возобновившаяся в связи со столетием Великой Октябрьской Социалистической революции полемика о примирении «красных» и «белых» заставила многих задуматься о кардинальном расколе в российском обществе. Противостояние между ними, казалось бы, исчезло после разгрома фашизма в годы Великой Отечественной войны. Тогда были разбиты не только войска европейских государств, объединённых фашистской Германией для похода на СССР, но и окончательно разбита армия «белых» соотечественников и предателей всех мастей (их было около миллиона человек), воевавших на стороне Гитлера.

Однако, начиная с конца двадцатого века и по сей день, раскол в российском обществе, как это не покажется кому-то странным, неизменно увеличивается. Он выглядит иначе, чем ранее, но в основе его всё то же противостояние Запада и России.

Сегодня в мире господствует либеральная идеология. Россию в конце XX века тоже втянули в систему, которая выстроена по либерально-демократическим законам и ценностям. Но при этом существующая не первое тысячелетие доктрина западного мира по отношению к

Николай Борисович Башмаков – родился 13 января 1949 г. в Свердловской области, с. Красная Слобода. Окончил два ВУЗа: Тюменское высшее военно-инженерное командное училище в 1972 г., Московскую военно-инженерную академию в 1982 г. С 1968 по 1991 гг. служил в Советской армии. Военный инженер. Уволен из Вооружённых сил в звании «полковник». После выхода в отставку всерьёз увлёкся литературной деятельностью. Публицист и прозаик. Автор нескольких книг. Рассказы и статьи опубликованы в региональных и российских газетах. Член Союза писателей России. Живёт в Перми.

русским – уничтожение русского мировоззрения и государства русских – никуда не исчезла. Она лишь в очередной раз видоизменилась!

Не открою секрета, что в девяносто первом году страна СССР была разрушена не прямым вторжением, а с помощью либералов-западников, постепенно проникших во все сферы нашего государства. Сейчас они лицемерно пытаются переложить ответственность за развал государства на КПСС. Но тут нелишне напомнить, что при Горбачёве либералы захватили все ключевые посты, прежде всего – в компартии. Именно либералы-западники обрушили это государство, умело создавая трудности для народа и манипулируя сознанием и недовольством людей.

После распада СССР и реставрации в России капитализма направляемый Западом и поддерживаемый материально российский либерализм объединил потомков «белых», всех недовольных советской властью с теми, кто приватизировал страну и её богатства. В России гласно возникло сообщество людей, принявших западную либеральную идеологию и западные ценности. Эти люди, поддерживающие Западную цивилизацию, её ценности, и противостоят сегодня другой части россиян, принадлежащих к Русскому миру.

В такой вот раскол трансформировалось противостояние между «красными» и «белыми» сегодня. Белые, иначе говоря те, кто поддерживает западную либеральную идеологию, воюют теперь не за СВОЮ Россию, а ведут борьбу за её УНИЧТОЖЕНИЕ. Либералы-западники и составляют ту часть общества, которую в народе называют «пятая колонна». В численном отношении они в меньшинстве, но их влияние на жизнь общества огромно. Они проникли во все сферы государства и управляют основными финансовыми потоками.

Задачу российским либералам обозначили западные «ястребы». Выделил фразу и увидел ухмыляющиеся физиономии: «Опять этот пресловутый Запад во всём виноват!» А ухмыляться особо нечего. Бжезинские, даллесы, маккейны... были и есть. Их задачи вполне конкретны. Разложить Русский мир изнутри. Уничтожить прямо или любыми другими средствами сильных людей этого мира. Заменить русское мировоззрение западным, либеральным. Поменять традиционные ценности. Растворить генетику русских в других народах. Одним словом, сделать со страной то, что в недалёком прошлом было сделано со многими соседями русских, которые давно уже стали послушными и управляемыми. Только русские по-прежнему остаются непослушными. И это непослушание в последние годы усилилось.

Прозападный, признанный в 2016 «иностранным агентом» Левада-Центр провёл очередной опрос, который сильно расстроил либералов. 72% опрошенных россиян уверены в особом значении (миссии) русского народа. (В 1992 таковых было всего 13%). А 83% гордятся тем, что живут в России.

Осознав результаты опроса, либералы немедленно сделали вывод: русские просыпаются! А это значит, что эффективность уничтожения русской идентичности на глазах снижается. Поэтому западники заторопились. Это видно и по внешнему поведению Запада (западные страны вступили в полномасштабную гибридную войну с Россией). Это видно и по поведению либералов внутренних, доморощенных.

Либеральное крыло правительства и прозападно настроенная творческая интеллигенция усилили атаку на Русский мир. Уже не таясь, искажают они подлинную историю России, уничтожают культуру народов страны, подменяя её западным суррогатом, наносят массивный удар по Русской Православной Церкви. Основной удар – по русскому народу. Потому так модна

ныне русофобия – главное оружие врагов зарубежных и внутренних. Чтобы выиграть время и оставить либералов у власти, придумываются всё новые уловки. Одна из них – призывы к ОБЪЕДИНЕНИЮ НАЦИИ.

К примеру, на последнем заседании Совета при Президенте РФ по культуре и искусству госпожа Ямпольская призвала не делить деятелей культуры на либералов и патриотов. Подобное деление она называет «вчерашним днём». Иезуитский ход, призывающий волков и овец жить в мире под надзором лояльного к волкам пастуха. Такой «мир» выгоден исключительно волкам, под убаюкивающие речи о единстве, овец они потихоньку съедят.

А ведь семидесяти двум процентам россиян (по этому опросу) уже стало понятно: если не будем отделять либералов от патриотов – потеряем самобытную культуру и в целом свою идентичность. Заменят нам её на разновидность культуры западной...

Обязательно найдутся такие, которые возразят: «Не все наши либералы являются западниками и желают русским гибели!» К сожалению, многие вполне серьёзно уверены, что мы такие же, как они, и делить нам нечего. Так ли это?

Не вдаваясь в высокие материи, можно просто сравнить людей Русского мира с живущими в России либералами. Отношение к тем или иным событиям и ценностям у этих двух групп резко противоположное.

– Мы считаем крупнейшей трагедией приход неонацистов-бандеровцев к власти на Украине. Они считают это победой западной демократии.

– Мы радуемся возвращению Крыма в состав России. Они злобствуют и называют это аннексией.

– Мы негодуем и называем величайшей подлостью, когда послу России убийца стреляет в спину. Они убийцу славят как героя.

– Для нас совесть – это лакмусовая бумажка, определяющая нравственность. Для них – это «моральная болезнь».

– Мы очень негативно относимся к лицемерию. Для них «политика двойных стандартов» – норма поведения.

– У них однополые браки – это «свобода человека». Для нас – это сатанизм.

– Мы поддерживаем Сирию и Донбасс. Они помогают тем, кто развязал там войну.

– Мы в любом деле ищем правду и справедливость. У них прав тот, кто сильнее.

– Для них война без правил – это способ достижения цели. Для нас – это величайшая гнусность и бедствие.

– Мы искренне любим свой народ и свою Родину. Они живут в России за счёт народа, презирают и ненавидят его. Как, впрочем, и саму страну.

Сравнивать можно долго. И станет понятно: примирить два антагонистических мира в одной стране невозможно. А это как раз и пытается сделать руководство страны.

Спору нет, за период правления Путина произошли положительные перемены, по сравнению с периодом правления Ельцина. Россия ушла от пропасти. Обрела гораздо больший суверенитет. Улучшилась оборона страны, имеются определённые подвижки в экономике. Были погашены внешние долги ельцинского правительства. Произошла переоценка самосознания народа. Но не решено главное: в условиях гибридной войны Россия так и не обозначила свой путь. Путин и его команда совершают серьёзную ошибку – призывают к

единству и объединению нации, пытаюсь адаптировать либеральный западный капитализм в России, который не принимает большинство народа.

В реальности получается, что мы строим в России либерально-демократический капитализм, собираясь при этом стать великой страной. Но в этом проекте уже есть великие страны. Те, которые идут впереди и командуют глобальным миром. Они и будут всегда идти впереди, ПОТОМУ КАК ЭТО ИХ ПРОЕКТ, ИХ СИСТЕМА, И РОССИЯ В НЕЙ БУДЕТ ВСЕГДА ВЕДОМОЙ. В их проекте она, в лучшем случае, может стать лишь слабой копией этих стран. Своего же проекта, в полной мере использующего русский менталитет, у России нет!

Получается всё по двойным стандартам Запада. На словах – за свой путь, а на деле – Россия всё сильнее встраивается в западную систему. Такое объединение для России не подходит. Оно приведёт самобытную страну с уникальным народом к краху!

Во-первых, объединить народ, возвращая его к истории, непрерывно пересматривая эту историю и заставляя народ каяться – нельзя! Споры о том, кто был прав ТОГДА, а кто неправ, будут лишь подогревать раскол и усиливать противостояние. Объединить нацию можно, только устремив её в будущее, при решении какой-то крупнейшей сверхсложной задачи, касающейся каждого члена общества. (В СССР это была задача построения социализма). Сегодня в стране такой задачи (по-новомодному – такого проекта) нет! Есть лишь расплывчатые формулировки типа «Россия должна стать великой страной!», «Россия устремлена в будущее!». Или «патриотические» лозунги: «Россия вперёд!», «Достояние нации работает на весь народ!» и т. п., которые явно расходятся с реальностью. «Достояние» работает на народ в очень незначительной его части.

Во-вторых (об этом писано и переписано), у людей, будто в концлагере получающих минимальную пайку и добросовестно работающих на хозяев, владеющих национальным достоянием, объединяться с этими самыми хозяевами и надзирателями за порядком нет ни малейшего желания. Как можно объединить человека с зарплатой 10 тысяч рублей в месяц с тем, кто получает более миллиона в день?

В-третьих. Желание народа жить по моральным законам предков и сохранить свои ценности постоянно натывается на законы и ценности западной торговой цивилизации, которые навязывают народу государственный аппарат и либералы-западники.

Получается, что с одной стороны декларируется свой путь. С другой – этот путь в реальности идёт по западной колее. Страна живёт и функционирует в западной системе. И любая попытка вырваться из этой системы (из этого замкнутого колеса) наталкивается на санкции Запада, иначе говоря, на удавки в любой сфере деятельности, будь то политика, экономика, культура или спорт.

Поэтому болтовню о единстве между рабами и хозяевами, между людьми русского мира и либералами-западниками, нужно рассматривать как либеральную дымовую завесу, под прикрытием которой идёт наступление на Русский мир, на мировоззрение и духовные ценности русских. Это успокаивающее убаюкивание русских людей, непонимающих пока, что объединить противоположные идеологии и ценности – невозможно. Нельзя объединять плюс и минус. Произойдёт короткое замыкание, и сама машина при таком объединении сторит!

Есть такой старый анекдот. «У армянского радио спрашивают:

– Что получится, если скрестить ужа и ежа?

– Несколько метров колючей проволоки, – был ответ».

Нечто похожее происходит у нас. Печальнее всего то, что российская власть, во все сферы которой внедрились либералы, где сознательно, а где невольно поддерживает эту ориентированную на Запад часть общества. Поддерживает потому, что экономически и финансово Россия сегодня полностью привязана к западной системе. При ТАКОЙ ПРИВЯЗКЕ все разговоры о самостоятельном пути – это тоже идеологический туман, призванный убаюкивать всех недовольных.

Пока не решена главная проблема – не преодолен раскол внутри страны, движение в будущее будет непрерывно стопориться. Современный раскол очень похож на тот, который существовал во втором десятилетии после Великой Октябрьской социалистической революции. Тогда он вылился в противостояние между народом СССР и элитой, которая нацелила страну на «победу мировой революции». Сегодня в России – противостояние между народом и той частью российского общества (тоже элитарной), которая призывает двигаться к «полной победе мирового капитализма». Иначе говоря, к полному торжеству глобализма.

Раскол 20-30-х годов Сталин преодолел радикальными методами, репрессировав мешавшую стране элиту и заменив её выходцами из народа. Сегодняшний раскол не преодолен. Национальное достояние, финансовые потоки и управление на местах – всё под контролем ЗАПАДНИКОВ, то есть людей, ориентированных на западную модель развития общества.

Такое положение создаёт колоссальное напряжение в обществе и продолжаться вечно не может. Рано или поздно какая-то из двух групп в России должна победить. Либо Русский мир генетически, нравственно и духовно растворится в мире западном, как хотят того российские либералы. Либо будут полностью отброшены вредные русским людям либеральные ценности, и тогда Россия действительно покажет всему миру новый путь развития.

Поэтому призывы – объединяться и двигаться вперёд – при существующей системе для России вредны. Вперёд куда? Если двигаться тем же путём, которым шли до сего момента, произойдёт уничтожение Русского мира, растворение его в мире западном. Но ведь большинство россиян желает сохранить русскую идентичность! А для этого Россия должна покончить с всевластием либерализма и, как минимум, выйти из глобальной системы. (Прежде всего, из финансовой). Иначе будет как у того хомячка в песенке братьев-юмористов. Хомячок в колесе сколь угодно может петь, что он свободен, словно птица в небесах. Однако чтобы стать по настоящему свободным, ему нужно сделать самую малость – выбраться из колеса. Только тогда он сможет побежать по дорожке, которую выберет сам.

Кризис системы управления

Не позволит развиваться «своим путём» и созданная на данный момент вертикаль власти. Эта вертикаль и кадровая политика российского государства выстроены в нарушение одного из законов мироздания – «Закона соответствия». Нарушение выражается не только в кумовстве и подбору кадров по принципу угодничества (холуй подбирает холуя). Но и в том, что люди с «хуторским кругозором» (так называет их часто участвующий в дебатах на телевидении Михаил Делягин) руководят районами, областями, отраслями промышленности и т.п. Когда масштаб сознания руководителей меньше

занимаемой ими должности, дееспособность руководящих кадров низка. Поэтому и нет настоящей работы по искоренению коррупции и мошенничества, борьбы с расхищениями. Нет и достойного отпора проводникам западной идеологии – либералам. Несоответствующие должности чиновники способны только разрушать. Человек с хуторским сознанием, облачённый большой властью, созидать не может в принципе.

Чтобы Россия двигалась вперёд и развивалась своим путём, необходимо направить систему управления государством в сторону простого народа и в корне изменить кадровую политику. Не тасовать колоду из замусоленных, потерявших доверие у народа «своих людей», а создать новую вертикаль власти из людей честных, справедливых и способных выполнять возложенные на них задачи.

Существующая система управления в глубоком кризисе. Кризис системы управления виден в стране повсюду, в любой области человеческой деятельности. Для примера.

– «Достояние» у страны самое большое в мире, а достойных зарплат и пенсий как не было, так и нет.

– В России огромное количество прудов, озёр, рек, вокруг моря и океаны, а рыба стоит дороже мяса.

– В стране множество законов, которые непрерывно «совершенствуются», но никто толком их не исполняет. Все ищут лазейки, как их обойти.

– С каждым годом ужесточаются Правила дорожного движения, но их нарушает не только золотая молодёжь, а, практически, каждый.

– Прилавки забиты контрафактными продуктами и алкоголем, а привлечь к ответственности тех, кто травит людей, невозможно.

– Из года в год идут реформы здравоохранения, аптеки забиты своими и импортными лекарствами, а система лечения людей поставлена так, что врачу бесплатная медицина и полное выздоровление пациента невыгодно.

– Численность правоохранительных органов из года в год растёт, а добиться правды в полиции и в судах становится всё тяжелее.

– В стране бесчисленное количество всевозможных надзоров, инспекций, а экология ухудшается, рыба в водоёмах травится, возникают гималайские горы мусора, и пожары уничтожают целые деревни.

– Есть лесники, егеря, а леса хищнически вырубаются, дичь и птицу выбивают браконьеры.

– О строительстве и ремонте дорог лучше вообще не говорить...

– В культуре на первом плане лицедеи-исполнители. Их все считают элитой. Творцы (поэты, писатели, композиторы, художники и т.п.) на втором плане. Живут в безвестности и часто не имеют возможности донести своё творчество до людей.

– В русском словаре самый большой запас слов, а говорим (и рекламируем товар) на каком-то сленге, перемешанном с исковерканными английскими словами.

– В стране сотни тысяч выдающихся людей-созидателей, а на новогодних огоньках, телевизионных шоу преобладают политологи да артисты.

– Огромное количество изобретателей, а их изобретения внедряют чаще всего за рубежом.

– В образовании из года в год идёт «оптимизация» и реформы, а дети совсем перестали читать и, за редким исключением, не умеют логически мыслить.

– Строится множество спортивных объектов, платятся большие «зарплаты» профессиональным спортсменам, а массовый спорт, который только и может оздоровить нацию, не развивается.

– Россия в огромных объёмах поставяет газ в Европу, Азию, а газификация своих городов и сёл идёт черепашиными темпами.

Перечень можно продолжать до бесконечности, вдумчивый и грамотный читатель знает эти проблемы лучше меня. Приведу ещё лишь один конкретный пример не с газом даже, а с электричеством.

В деревне, в которой живу после увольнения из армии, через которую проходит дорога, соединяющая Уфу и Пермь (республиканского значения), уже многие годы нет ни единого уличного фонаря (фельдшерско-акушерского пункта тоже нет, закрыт до лучших времён и клуб). Ночью деревня во мраке, хотя через неё днём и ночью движутся сотни машин. И никто этого «не видит». Президент в наши края не заезжает, а губернатор если и проедет раз в пять лет, то только днём.

А всего в 90 километрах мощнейшая Воткинская ГЭС. Вот вам конкретная «забота о людях», вот вам и кадровая политика. Ведь глава Большеусинского поселения, в которое входит деревня Дубовик, родом из этой деревни. Здесь живут его родители. Но поделаться он ничего не может, потому как нижестоящий чиновник не может что-то потребовать у чиновника вышестоящего. Если попытается, вылетит с должности, как пробка. Приходится лишь униженно просить и многие годы молчаливо ждать. Таких вот бездушных и покорно-молчаливых чиновников сформировала существующая вертикаль.

Подобных примеров по стране десятки, а то и сотни тысяч. Эти примеры как раз и показывают, что забота о людях, о которой так много говорит президент – отнюдь не главный конёк у чиновничьей вертикали, на которую он опирается. Потому и получилось, что ПРЕЗИДЕНТ У НАС ХОРОШИЙ, А ЧИНОВНИКИ ХАЛАТНЫЕ И КРАДУТ МНОГО. СПРОСИТЬ ЗА ТАКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ НЕ С КОГО.

Случилось это из-за того, что система управления нашим государством и кадровая политика построены с существенными недостатками и изъянами. И недостатки эти существующее ныне правительство преодолеть не в состоянии. Об этом много и подробно пишет доктор экономических наук из Санкт-Петербурга Ефимов Виктор Алексеевич. Эволюционное развитие в этом вопросе принесёт только застой. Решать проблему управления нужно кардинально. Повторюсь, нужна новая команда управленцев, честных, принципиальных, справедливых, повёрнутых не в сторону Запада, а в сторону своего народа. И неправда, что таких людей в России не осталось. Есть они. Но чтобы они пришли к власти, русским людям нужно не только «проснуться», но и освободиться от гипноза власти существующей.

Пока же при всех замечательных словесных декларациях всё остаётся, как есть. По воле либералов российское общество неспешно бежит «вперёд» в созданном Западом колесе, ПОСТЕПЕННО ТЕРЯЯ СВОЙ НАРОД, СВОЮ КУЛЬТУРУ И СВОИ ЦЕННОСТИ. Вырваться из этого колеса «методом постепенного эволюционного развития» не получится.

Можно, конечно, бежать так и дальше и превратить русский народ в разновидность народов западных, но помнить надо: без русского народа Россия никогда не станет Великой. Потому как страна без русских может быть какой угодно, но она уже не будет Россией!

ПОЭЗИЯ

Тамара ПОТЁМКИНА

Тамара Викторовна Потёмкина – родилась в Иркутской области, член Союза писателей России, член Российского союза писателей, кандидат исторических наук, доцент. Автор четырёх сборников стихов и двух музыкально-поэтических альбомов. Победитель московских литературных конкурсов (2014–2017), Фестивального движения русского мира «Осиянная Русь» (2017), лауреат Всероссийского конкурса «Герои Великой Победы» (2016), лауреат Международной Бунинской премии (2017). Награждена знаком «Серебряный крест» и орденом «Золотая осень» им. С. Есенина. В 2017 г. МГО Союза писателей России присвоено почётное звание «Заслуженный писатель». Живёт в Москве.

«Наверно, правда – посредине...»

Голос Людмилы

Памяти Людмилы Зыкиной

Я припомню былое счастье,
И того, кто был дорог и мил,
Позабыв о годах и ненастье,
Вновь поставлю пластинку-винил.
И волшебный голос Людмилы
Мне про матушку-Волгу споёт,
И откроет, «что было, то было»,
И вся жизнь, предо мной промелькнёт.

Припев:

Это – голос самой России
Вольно льётся, забыв о годах,
Где берёзы зимою стылой
В оренбургских пуховых платках.

Где весною бездонное небо
Ждёт своих журавлей домой,
Где поля колосятся от хлеба,
И простор над Волгой-рекой.

Вместе вспомним о тонкой рябине,
Что весь век одинокой расти,
И о самом лучшем мужчине,
Хоть дарил он «обман-цветы».

ТАМАРА ПОТЁМКИНА

Поскучаем о милой маме,
Представляя родное лицо
Самой «нежной, ласковой самой»,
Песней ей отошлём письмецо.

Припев:

Это – голос самой России
Вольно льётся, забыв о годах,
Где берёзы зимою стылой
В оренбургских пуховых платках.

Где весною бездонное небо
Ждёт своих журавлей домой,
Где поля колосятся от хлеба,
И простор над Волгой-рекой.

Душа

Как у природы солнце и ненастье
Проходят друг за другом чередой,
Так и в моей душе бушуют страсти,
Потом опять сменяет их покой.

Живут в ней радость и сомненье,
Заходят ревность, слёзы, боль...
То словно праздник настроенье,
То недовольна я судьбой.

Порой я радуюсь успехам
И результатами горжусь,
А иногда мне не до смеха,
И я сама себя боюсь.

В сомненьях плохо, хорошо ли,
Что вечно мается душа,
Мой разум с сердцем снова в споре,
Стремясь к дуэту не спеша.

Наверно, правда – посредине.
Жизнь – многогранна и сложна.
Душа свободна, и отныне,
Судьбы оковы рвёт она.

Привет из детства

Беловежская улица – в прошлое дворца.
Я вчера ненадолго заглянула туда.
Здесь живёт моё детство, и волнуется сердце,
В предвкушении встречи бьётся, как никогда.

Дом слегка постарел, хотя светел всё так же,
Но зато разрослись во дворе дерева,
А соседские старые пятиэтажки
Заменили большие чужие дома.

На асфальте расчерчены классики мелом,
Скачет девочка с бантами, может быть, я?
Подошла к ней поближе, застыла несмело,
А девчонка радушно приглашает меня:

«Что стоишь, прыгай быстро на клетку!»
«Я же – взрослая в детские игры играть!?»
Рассмеялась: «А врать – некрасиво, соседка!
Ты же младше меня лет, наверно, на пять».

Закружилась слегка голова от виденья.
Глядь, ни классиков нету, ни девочки той.
Просто детство вернулось ко мне на мгновенье,
Помахало из прошлого тонкой рукой.

Ты и я

Мой март заснеженный, завьюженный,
Твой март – теплынь и солнце светит.
Мой день запутанный, загруженный,
Твой лёгок, безмятежен, светел.

Мой путь в тропинку превращается.
Как ручеёк из ста дорог,
Твой только-только начинается,
Ты лишь шагнула за порог.

Твоя душа открыта настежь,
Полна желаний и предчувствий.
Моя – устала от напастей,
Покоя жаждет и сочувствий.

Ты – это я, но только в детстве –
В счастливой, солнечной стране.
Ты стать взрослее ищешь средство,
А я завидую тебе.

Кемерово

*В память о погибших на пожаре
в торговом центре «Зимняя вишня»*

В этот год страстная неделя
Началась на Земле до срока –
В адском пламени счастье горело,
Души в небо взмывали высоко.

Словно белые ангелочки,
Вы парите над грешной Землёй,
Наши сыночки, наши дочки,
Заберите и нас с собой...

Горе – плата за ложь и беспечность.
С покаяньем нести жизни крест,
Чтобы память не канула в вечность,
Дух России «распятой» воскрес!

Словно белые ангелочки,
Вы парите над грешной Землёй,
Наши сыночки, наши дочки,
Улетаете в мир иной...

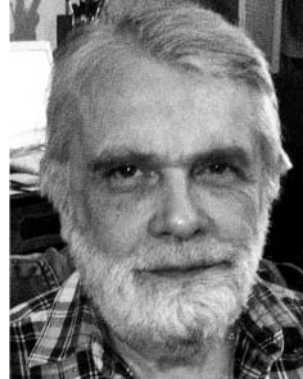
ПОЭЗИЯ

Сергей ПОПОВ

Сергей Витальевич Попов – родился в 1953 г. в Москве. В 1970 г. окончил физико-математическую школу №2 г. Москвы, а в 1976 г. – МИФИ. Кандидат технических наук. Автор более 100 научных работ по информатике. С 1981 по 1989 гг. участвовал в работе поэтического семинара при издательстве «Советский писатель». Автор нескольких поэтических книг, член Союза писателей России. Публиковал стихи в российских газетах и журналах. Стихи Сергея Попова включены в «Антологию русского лиризма. XX век» (под ред. Александра Васина-Макарова) и антологию «На границе тысячелетий. Страницы русской лирики» (под ред. Владимира Смирнова).

Живёт в Москве.

Похищение Европы

Новый лексикон

Мир раздирается словами.
Слова господствуют над нами.
От злобы пухнут буквари,
Текут загаженными реками...
Испепеляют дикари
Слова, подаренные греками.
Татуированными эками
Лежат на полках словари.

Друзьям

Любили Сталина шофёры,
Но мы не поняли тогда,
Что их зловещие моторы
Ещё не главная беда.

Мы пили пиво ежедневно,
Тихонечко ругая власть.
Какая девственная плевра
У нас на сердце порвалась...

Теперь, накушавшись свободы
В демократических хлевах,
Тирана ищем для народа,
Другой испытывая страх!

Похищение Европы

В Москве, на площади Киевского вокзала
открыт монумент Похищение Европы

Из газет

Когда-нибудь фантазии закончатся,
И перестанем мы ходить в кино,
И нас опять Будёновская конница
В прорубленное понесёт окно.

Нельзя! Нельзя освобождать Европу!
Европу полагается украсть...
Мычи, как бык! Плыви среди потопа,
Звериную разыгрывая страсть...

Кому нужна ты, голая старуха,
На привокзальной площади Москвы?
Клянись! Клянись огнём Святого Духа
Через противотанковые рвы!

А впрочем, ладно, не клянись, не надо...
Не жди любовной, розовой зари,
Когда в Париж на площадь Сталинграда
Понурые придут богатыри.

Лодке «Курск»

Слушай, лодка, по переборкам
Я к вам всё-таки достучу.
Никаким самым светлым моргам,
Ни священнику, ни врачу,
Ни фельдмаршалу, ни президенту,
Никаким заморским друзьям
Бескозырочек чёрные ленты,
Души светлые не отдам.
Из московской своей квартиры
Прямо в окна и прямо в пол
Продырявлю огромные дыры,
Чтобы воздух к вам в лёгкие шёл!

Пусть помянет Никола Угодник
Всех живущих на самом дне –
Нынче каждый из нас подводник,
Не дошедший к своей стране.

Новый год

А где-то в Битце или в Икше
Ребята прочитают Ницше
И заведут свой мотоцикл,
И западный, четырёхтактный,
Их повезет на бой контактный...

От новогодних фейерверков
Опять всю ночь болит душа,
Чечнёю душу исковеркав,
От хулиганского ножа
Дойти до взрывов на погостах,
Быть может, и не так уж просто,
Но помогает анаша.
Щенки, кого вы убивали
В том неотёсанном подвале,
В себе не разглядев врага.
И всё решила кочерга...
Который раз в тюрьме забитой
Ты достаёшь молитвослов,
Ты, даже матерью забытый,
Добрался до своих основ.
А в тех основах – доброта,
Но тяжелее всякой пытки
Твои последние попытки
Доподтянуться до креста.

Рушат коптевские бараки...
Ух, сильна ты, баба копра!
Лают коптевские собаки.
Понаехали трактора...

А у Красного у Балтийца
Строят сталинские дома.
Здесь же каждый десятый – убийца,
Но какая у нас зима!

Я качусь с бесконечной горки...
В Тимирязевском парке народ.
Я сажу у отца на закорках –
Вижу Екатерининский грот.

Там Нечаев убил студента
Иванова за просто так.
Значит русским интеллигентам
Захотелось самим в барак.

Рушат коптевские бараки!
Ух, сильна ты, баба копра!
Лают коптевские собаки.
Понаехали трактора...

Сталин

И я запутался совсем,
Я вспомнил Сталина сегодня –
Какой высокий человек,
Такого маленького роста...
Он сходит с одного помоста
И всходит на другой помост.
А там столпились палачи
С игрушечными топорами,
Всезнайки мыльными шарами
Летают, пачкая сюртук...

Да! Перестал он быть марксистом,
И в Адриатику со свистом
Ворвался воздух Крымских гор.
Так почему ж над ним топор
Занёс безжалостный очкарик?!
Землёй, подвешенной, как шарик,
Играет нехристь голубой...
А ты, рыбак, а ты, ковбой,
Доколе нам терпеть Гоморру,
Какую новую «Аврору»
Ведёт к нам просвещённый век?!
И я, несчастный человек,
Когда последний вертолёт,
О воздух лопасти ломая,
На землю боком упадёт,
И, ничего не понимая,
Искать я буду крест рукой,
Тогда, быть может, Стражник Рая,
Перелетая надо мной,
Зачтёт мне этот скорбный стих,
Зачтёт мне этот стон надежды.
Не про него он, не про них...
Про вас, про нас мой горький стих
О, просвещённые невежды.

Юра

А понедельник – день не мой.
Я повстречался с бомжем Юрой
У нас на Парковой седьмой
И, собственной почти что шкурой
Его накрыв, привёл домой.

А Юра – страшный западэнец –
Ещё сказал в конце концов,
Что отомстит, как древний немец,
За поражение отцов.

И мы кирнули – я и нищий...
За жизнь. За львовское кладбище.

Барбаросса

Безумный Фридрих Барбаросса
Опять войной идёт на Рим,
Как от огромной папиросы,
Дым чёрный тянется за ним.
Другое дело, Мартин Лютер:
Достал какой-то новый текст,
И до сих пор Землёю крутит
Его руки волшебный жест.
Сгоревший на костре Джордано
Не мог так Землю раскрутить,
Чтоб правоверным христианам
Настолько мысли замутить.
Лежат католики в окопах,
Горит ирландская трава,
А на другом конце Европы
Вздыхает Третий Рим – Москва.

В музее

Был освещённый коридор
Уставлен греческой скульптурой,
И палец мраморный в упор
Меня расстреливал культурой,
Но, отступая, я нарвался
На настоящий пулемёт –
В соседнем зале выставлялся
Разрушенный немецкий дзот.

Перед войной

Неподвижны корни праведных
В окруженьи сорняков.
Как же ветер слов неправильных
Разделил учеников?
Нам даровано молчание
На пороге у Войны,
Ну а цезарю – венчание –
Удержание страны.

Миша

Напиши за Афган –
Попросил меня Миша.
Но в Афгане я не был
И как напишу я?..
Помню только косую порошу
В переулке московском,
Кажется Банном,
Где на нож посадили приятеля Гошу
Нет, не «духи», не урки,
А так, со двора дружбоганы...
Что сказать про Россию –
Она перед Богом.
Дружбаны эти где-то в году девяностом
На машине разбились. Всмятку.
Видишь, как просто.
Да. Но о чём я?
Просил меня Миша
Написать...
О таком нам известном далёком Афгане.
Миша,
Осторожнее нужно
Нам думать о странах далёких –
Ведь мы не цыгане...
Слава русским солдатам, не дрогнувшим в брани!

Снегири

На развалинах Империи
Сядет дудочник-еврей,
Песню грустную затянет –
Песню русских лагерей.
Отчего нам так неймётся
Всё крушить и сокрушать,
Отчего нам так поётся
На развалинах опять.

Отчего скупое слово
Молчаливых снегирей
Соловьиства удалого
И понятней, и добрей.

И духовное дыханье,
Иудейский этот стон
С малороссами коханье
Вызывает в нас сквозь сон.
Из тумана заводского
Подымается Москва –
Летом, где-то полседьмого
Зажигается глава
У Великого Ивана
Надо тьмой других столиц, –
Не сыграть на фортепьяно
Песню русских зимних птиц.

Теракт

Мимо солнца
Кусты пролетели,
И автобус как будто просел...
Почему перевёрнуты ели –
Значит, с неба я к ним прилетел?
Кровь смешалась
Своя и чужая,
Кто-то белый к нам с поля бежит,
И девчонка почти что нагая
На обочине сидя дрожит.
Почему же
Так вольно, так странно,
Словно что-то спустилось с небес,
Повалиться почти бездыханно
И смотреть на нетронутый лес?

Матрос

Матрос пришёл,
Матрос сказал:
«Пойдём со мной, сынок»,
И долго, долго дребезжал
В груди моей звонок.

Матрос пришёл,
Матрос сказал:
«Снимай нательный крест –
Священник пьёт, и царь издал
Безбожный манифест!»

Матрос пришёл,
Матрос сказал:
«Я Церковь наклоню
И всех торговцев и менял
Оттуда изгоню!»

Лежит матрос в земле сырой,
Расстрелянный ЧК,
Он был поэт, он был герой,
Помешанный слегка.

Но до сих пор в груди дрожит
Встревоженный звонок,
И кто-то снова говорит:
«Пойдём со мной, сынок».

Воцерковление ума –
Большая русская забота...
То Мавзолей. То Колыма.
То Бранденбургские Ворота!
И здесь и там лежат герои.
Но чем сильнее гром побед,
Тем строже лица у конвоя,
Тем тяжелее ход планет.
А нам не выпало удачи
Кричать: «За Родину, за Ста...»
И проще вроде нет задачи –
К иконе приложить уста.

Юмористические рассказы

Труба зовёт!

— Правильно сделали, что выбрали наш магазин! У нас лучший в городе выбор детских игрушек. Вам помочь с выбором игрушки? Кому будете брать: мальчику, девочке? Сколько лет?

— Да не тарахни ты, милая! Сами управимся. Ну, чего ты стоишь, как пень, Михал Андреич? А, глаза разбежались! Ну, от тебя, я вижу, тут толку мало будет. Вот что, милая, мы вот с дедом идём на день рождения к внуку наших друзей. Парню три года...

— О, для него у нас огромный выбор игрушек! Вот действующая модель вертолёта. Вот велосипед с электроприводом. Вот...

— погоди, погоди, затарахтела. А ты, Михал Егорыч, поставь-ка на место этот чёртов танк, не будем мы его брать. Нам бы что-нибудь подешевле и посердитей. Ответ должен быть адекватным! А потому мы возьмём, пожалуй, вон ту штуку-цию.

— Так это же копия духовой трубы. Предупреждаю: очень громкий инструмент! Труба устроена так, что малыш прилагает совсем немного усилий, чтобы извлечь из него звук, по децибелам не уступающий мощности настоящего инструмента. Очень полезная для развития лёгких игрушка. Но непростое испытание для слуха окружающих.

— Как ты сказала? Непростое питание уха окружающих? О, нам это так знакомо, да, Михал Егорыч?

— Кто в коме, дорогая?

— Вот глухая тетеря! Ладно, милая, заверни-ка нам эту трубу. Да пошли мы к Кошкиным. Они нам, сволочи — барабан нашему внуку. А мы им в ответ вот эту штуку-цию! Ну, Михал Андреич, положи-ка на место этого шагающего солдата, и вперёд — труба зовёт!

Марат ВАЛЕЕВ

Марат Хасанович Валеев — родился в 1951 г. Рос и учился в целинном Казахстане. Окончил факультет журналистики КазГУ им. Аль-Фараби (г. Алма-Ата). Написал и опубликовал несколько сотен иронических, юмористических рассказов и миниатюр, фельетонов. Автор и соавтор свыше десятка сборников юмористических рассказов и фельетонов, прозы и публицистики. Автор публикаций во многих российских журналах и газетах. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов, в том числе «Золотое перо Руси»-2008 (номинация юмор), Общества любителей русского слова (номинация проза, 2011) «Рождественская звезда-2011», (номинация проза), имени Виталия Бианки (2017). Член Союза российских писателей.

Живёт в Красноярске.

На все сто!

— Добренькое утро, Галина Андреевна!

— Для кого-то оно, может, и доброе, а вот для тебя, смотрю я, Ханьгин, не очень. Что, опять за старое взялся?

— Да что вы, Галина Андреевна, не о том речь! Я хочу сказать, что вы сегодня прекрасно выглядите!

— Ну тебя, Ханьгин. Так уж и прекрасно. Я сегодня не выспалась.

— А причёска какая у вас сегодня, Галина Андреевна! Она так вам к лицу.

— Причёска? Да вроде обычная. Как всегда.

— Нет, не скажите! Вы сегодня, Галина Андреевна, вся необычная. Вон как глаза-то светятся, прямо как звёздочки. Влюбились, что ли?

— Ханьгин, прекрати меня смущать. Кому я нужна, старуха!

— Да разве тридцатник для женщины — возраст? Тем более для такой как вы, Галина Андреевна.

— Какой тридцатник, Ханьгин? Да мне уже за пятьде... Мне за со... Да мне уже под сорок!

— Никому больше не говорите так. Галина Андреевна! Тридцатник, не больше!

— Ох, Ханьгин, не знала, что ты такой льстец!

— А вот мне бы вы сколько дали, Галина Андреевна?

— Тебе? М-м, трудно сказать. Ты, Ханьгин, как раз в таком возрасте, что тебе и сорок можно дать, и все шестьдесят.

— Дайте лучше сто, Галина Андреевна!

— Чего сто?

— Рублей, рублей, Галина Андреевна. С полочки отдам, ей-богу!

— А, паразит, вон ты почему так ко мне ластился! Наврал мне тут с три короба, какая я хорошая, так думаешь, что я расслабилась, на похмелью тебе дам? Пошёл вон, Ханьгин!

— Ну, извините, Галина Андреевна. Так бы и сказали, что у вас денег нет. И ничего я вам не врал. Ладно уж, пойду к Полине Георгиевне, она вроде вчера пенсию получила.

— А ну постой, Ханьгин! Что ты там говорил про мои глаза?..

Свидание

— Мужчина, вы тут кого-то ждёте?

— Жду. Но не вас.

— А может быть, всё-таки меня?

— Почему вы так решили?

— Ну, я же вижу, вы в руках держите газету «Флирт», и рубашка на вас кремовая.

— Погодите, погодите... Ну-ка, назовите свой ник.

— «Нефертити».

— Ну да, как же я сразу не понял. Вот и кофточка на вас любимого киркоровского цвета. Юбочка синяя. Всё точно, как написали. Что ж вы так долго не подходили, я уже чуть было не ушёл.

— Не забываете, что я всё-таки дама. И потом, я хотела убедиться, что вы в самом деле тот, как вы себя описали. Я шла к Гераклу. Ведь это ваш ник?

— Да, я «Геракл». А что, непохож?

– Нет, почему же. Правда, вот этот ваш нос картошкой как-то не вяжется с тем греческим профилем, который вы приписали себе.

– Что вы говорите! А вы вот написали, что у вас большие голубые глаза. Они, конечно, с голубизной. Немного. Но вот насчёт больших... Может, вы слегка прищурились?

– Кто бы говорил! А где широкие плечи? Что за опухоль скрывает ваш брюшной пресс? Впрочем, я вижу, что он у вас действительно накачан. Вот только чем?

– А как насчёт «длинных стройных ног»? Или по дороге нечаянно погнули?

– Ах ты, коротышка! Тоже мне, Геракл недоношенный! Лгун несчастный!

– Сама-то, сама-то! Нефертитка, вот ты кто!

– Прощай! И забудь мой электронный адрес!

– Да уж конечно! Сейчас приду домой, и убью все твои посты. И без тебя всякого хлама в компе хватает!

– Ну, что же ты не уходишь, Геракл! Или как тебя на самом деле?

– Да Коля я. Слушай, а ты вообще-то ничего. Не Нефертити, конечно. Да и кто она такая, эта Нефертити? Миф египетский. А ты вот она, живая, сердитая, но в моём вкусе. Как тебя зовут?

– Ну, допустим, Вероника. А как насчёт погнутых ног?

– Вероника... Какое чудное имя. А насчёт ног, извини. Это я со зла ляпнул, когда ты по моему носу проехала. Очень даже ничего ноги. Я бы даже сказал – ножки. Признаться, не люблю глупых дылд с ножищами. До них, как до уток, всё доходит только на седьмые сутки. И вообще, мне кажется, мы подходим друг другу.

– Ты так думаешь, Николай? Признаться, и ты мне сразу понравился. Иначе бы я к тебе просто не подошла. Вот только зачем наврал про себя?

– Веронька, ну это же реклама. Ты, кстати, тоже пропиарила себя – будь здоров. Ладно, забудем об этом. Предлагаю продолжить нашу беседу у меня дома за чашкой шампанского.

– Надеюсь, приставать не будешь?

– И не надейся!

– Тогда пошли.

Баушка

– Хтой там?

– Открой, баушка! Мы по твоему объявлению.

– А, сейчас-сейчас. Только гляну в глазок... А пошто это вас двое парней?

– В чём дело, баушка? Сдаёшь комнату молодой семье или как?

– Вы, што ли, семья?

– Ну. Братья мы, сироты. Сами не местные, угла своего нету. Жить нам негде. Впусти. Поглядим на твои жилищные и прочие условия. Кстати, баушка, ты одна?

– Одна, сыночки. А, нет, ещё внучек со мной.

– Какой ещё внучек?

– Да сейчас никакой. Ну, проходите. Вот за этой дверью ваша комнатка. Сейчас там внучек спит.

– Пусть спит, нам он до лампочки. А ну говори, бабка, где твои накопления?

– Да вы что, сыночки, каки таки накопления? Пенсия у меня маленькая.

Вот потому и решила комнатку сдавать.

– Не прибедряйся. Знаем мы вас, божьих одуванчиков, у каждой по чулочку с денежкой припрятано. А ну, веди нас к своим финансам! А то мы сейчас твоему внучеку бо-бо сделаем!

– Так вы, сыночки, никак грабители?

– Ну, что-то вроде этого.

– А пошто вы не этих... как их... не олиграфов грабите, а по старушкам промышляете?

– Мы что, придурки? У олигархов охрана. Ты, бабка, много не болтай. Гони пенсию! Мы знаем, тебе вчера принесли. И твоему соседу. И твоей подружке, Аглае Баглаевне. Мы у них уже были. Теперь твоя очередь.

– А, вона вы как! Ну, тады без внучека нам никак. Мишутка-а! Ну-к вставай, тут квартиранты пришли. Твой диван хотят занять.

– А это что ещё за амбал? Ай, не надо, братан! Уй, баушка, уйми его! Да сама-то, сама-то своей клюкой тоже пореже маши!

– Да я бы и рада, паскудники вы этакие, но мы ведь теперь не успокоимся, пока вы не отдадите всё, что сегодня по городу награбили.

– Вот, забирайте! Только дайте на своих ногах уйти!

– Поздно, босяки! Вот уже и полиция по ваши грешные души!

– Какая еще полиция, баушка, когда ты её успела вызвать?

– А чего её вызывать? Мой внучек – он и есть полиция! Давно вас, заблудших волков в овечьих шкурах, пасёт! Вот мы с ним на пару операцию и провернули! Вяжи их, внучек! Погодь, дай-ка я им ещё пару раз батогом наподдам! Вот так, вот так, поганцы. А теперь веди их туда, внучек, где Макар телят не пас!

Чудовище

– Алё, полиция?

– Да, полиция. Лейтенант Горбенко. Что там у вас? Кто вы?

– Ой, миленький, ко мне в квартиру пробралось ужасное существо!

– Почему вы говорите шёпотом? Говорите громче, пожалуйста. Как вас зовут? Какое ещё существо?

– Я – Варвара Петровна, пенсионерка. А существо на кухне. Я подперла дверь стулом. Приезжайте скорее, пожалуйста, пока оно оттуда не выбралось!

– Варвара Петровна, подождите! Вы на ночь никаких таблеток не принимали?

– Да ничего я не принимала!

– Хорошо! Опишите, как выглядит это существо?

– Как, как... Ужасно! Косматое, безбровое, безгубое, глазки маленькие, злые.

– И что это существо делает? Оно агрессивно?

– Да, в общем, нет. Вот вижу через стеклянную дверь, сидит себе ко мне спиной, чай пьёт. Вообще какое-то странное... Старается лицо от меня спрятать.

– Так... Вы дома одна?

– Нет. Сын у меня дома. Спит.

– Так что же вы сразу не сказали! Идите и разбудите его, пусть посмотрит, кто это там у вас такой страшный чай распивает. А потом нам позвонит.

– Да как я его разбужу, товарищ мили... полицейер! Он только вчера

женился. У него первая брачная ночь была. И он теперь спит с молодой женой. Поди, без задних ног, хи-хи! И я его понимаю! Эллочка у него такая красавица, такая красавица!

– Так, подождите, подождите, Варвара Петровна! Говорите, сын женился? А вы часто видели жену его, красавицу эту?

– Ну, как часто... Раза три приводил он её домой. Уж такая красавица! Белолицая, брови чёрные, ресницы густые и длинные, глаза большущие, ротик аленький и маленький...

– И она у вас... То есть у вашего сына, оставалась на ночь? И вы её видели по утрам?

– Ну что вы, как можно? Разве я бы позволила им, до свадьбы?

– Уф! Ну, тогда всё ясно. Не морочьте мне голову, Варвара Петровна! Сейчас это существо напьётся чаю, и опять уляжется под бочок к вашему сыну. То есть – к своему мужу. А утром снова оборотится в красавицу. Так что спите спокойно, мамаша!

Груша на ночь

И вот в очередной раз наступило время, когда застарелый холостяк Шишкин почувствовал, что больше не может без женщины. Шишкин вышел на угол улицы, где в их небольшом городке обычно тусовались ночные бабочки.

Под одним из пока ещё неразбитых фонарей переминалась с ноги на ногу кучка вызывающе одетых девиц.

– Развлекься желаем? – подкатила к нему грубо покрашенная «мамка». – Кого желаете: блондинку, шатенку, брюнетку?

– Мне масть по фигу. Желательно такую, чтобы была на всё готова, всё умела, и чтобы была поздоровее. Причём, на всю ночь.

– Ух ты! – уважительно хмыкнула «мамка». – Не перевелись ещё мужики.

Домой к себе Шишкин привёл крупную широкоплечую девицу с грубыми, даже на вид шершавыми руками – видимо, приехала в город «на заработки» из ближайшей деревни. Её звали Груша.

Как только они вошли в квартиру, Шишкин замкнул дверь, а ключ спрятал в карман.

– Ну, Груша, за работу, – сказал он, проводя девицу в свою холостяцкую двушку.

Груша огляделась и ахнула:

– Божечка ты мой, это что за сарай? Нет, я в таких условиях работать не могу! Я девушка аккуратная.

– А ты думаешь, я тебя зачем выкупил на всю ночь? – хмыкнул Шишкин. – Вот твой фронт работ.

И он провёл Грушу по своим «апартаментам». Полы во всех комнатах были затоптаны, как будто через квартиру Шишкина прогнали стадо слонов. В кухонной раковине чуть не под потолок высилась грязная засохшая посуда. Вся ванная была забита нестиранным бельём и рубашками.

Груша обессилено села на стул, прямо на газетку с какой-то закуской, и заплакала:

– Дяденька, может, всё же в постельку, а? Я ласковая!

– Не-а, для этого дела у меня есть бесплатная подружка, – отрицательно помотал головой Шишкин. – Только ленивая, зараза. Ещё больше, чем я. Так что давай-ка, Груша, отработывай свой гонорар. А я пока сосну...

И Шишкин, упав на свой продавленный холостяцкий диван, безмятежно засвистел носом...

Банкрот

Тут на днях ко мне зашёл сосед Михеич. Мрачный такой.

– У тебя вроде ружьё есть? – спросил он прямо с порога.

– Ну, есть, – отвечаю. – А зачем оно тебе?

– Застрелиться хочу, – мрачно сообщил Михеич.

– Это почему?

– Потому как банкрот я.

– Ты – банкрот? – удивился я. – Это с каких таких щей?

– Да вот, – сел на стул сосед. – Вчера приходит с работы моя. Дулась, дулась, а потом и выдала: «Яков, я вот тут посчитала... Ты совсем у меня нерентабельный». Достает, зараза, свой куркулятор и давай тыкать в кнопки: «Посуди сам, – говорит она мне. – Вот я получаю двадцать тысяч, а ты всего двенадцать. Мяса же ты жрёшь вдвое больше меня, а ещё куришь, раз в неделю назюзюкиваешься после бани. Итоги твои затраты составляют восемь тысяч семьсот рублей. А вода, а свет, а отопление? А шапку тебе новую справили? Выходит, что ты мне ещё должен остаёшься. Ну и на фиг ты мне такой?», – говорит она мне.

Михеич задохнулся от негодования:

– «Так что давай, – говорит, – или ищи себе дополнительную работу, или с сегодняшнего дня переходим на взаиморасчёт». И включила мне в натуральную отработку стирку, мытьё полов и посуды. Прислугу сделать из меня хочут, инфляция ходячая!

Я нейтрально молчал.

– И что мне теперь делать, а? В столярке у нас больше не заработать, а на двух работах я не сдюжу – грыжа у меня. Остаётся одно... Так дашь ружьё или нет?

Михеич с надеждой уставился на меня.

– Подожди, – сказал я и сходил за калькулятором, при виде которого моего соседа просто перекосило. – А теперь, Михеич, слушай сюда. Ружьё я тебе дам, но ты мне должен заплатить за аренду – на дворе уже давно рыночные отношения, не забывай об этом. И также за патрон, а лучше за два, вдруг с первой попытки у тебя не получится. И за возмещение морального ущерба, поскольку меня в милицию таскать начнут – ты ведь из моего ружья стреляться собрался. Итого, по самым скромным подсчётам, с тебя четыре тысячи двести двадцать шесть рублей. Учти, в долг я тебе стреляться не дам...

Михеич встал и молча хлопнул за собой дверь.

А через пару дней мне стало известно, что он устроился подрабатывать в бригаду сантехников. Ну вот, а говорил – грыжа...

Датка

Мне в мэрии нужно было подписать очень важную для себя бумагу. Ну, прямо жизнь без этой бумаги – не жизнь. А вопрос не решается.

Чиновник, который мог эту бумагу подписать, упрямый попался. Говорит:

– Нельзя! Закон не позволяет...

А я ему:

– Нет в России таких законов, которые нельзя было бы обойти. При желании, конечно.

Чиновник задумался.

– Желание, – говорит, – есть. И обход один хитрый имеется. Но сами понимаете...

– Конечно, – обрадовался я. – Сколько?

Чиновник занервничал:

– Нет, деньгами не возьму. А вдруг они у вас меченые ОБЭПом.

– Да какой еще ОБЭп? – говорю я ему. – Впервые такое странное имя слышу. Ну, если деньгами не хотите, давайте я вам свою машину подкачу. Иномарка. «Таврия» называется.

Чиновник руками и ногами замахал:

– А за рулём оперативник, да? Нет, это тоже взятка. А за взятки сейчас очень крепко взялись.

Я тогда говорю ему:

– Может, у вас сын есть? Неженатый? Так давайте я за него свою дочку отдам? Она у меня опять не замужем.

– А свадьбу на скрытую камеру снимут, да? – сердится мой визави. – Это ведь тоже вроде взятка будет: вы отдаёте нам свою дочь, а мы её берём. Не, так нынче дела не решаются.

Закурили мы с ним, сидим расстроенные. Ну, никак вопрос не решается. Прямо беда. А беда – она сближает людей. Чиновник коньячку достал. Чокнулись мы. И тут меня осенило.

– А давайте, – говорю, – не я вам, а вы мне дадите. И вопрос решится, и к вам не придраться. Вы же ничего не взяли. А совсем даже наоборот. То есть, это не взятка с вашей стороны получается, а датка!

Замороченный чиновник даже подпрыгнул от радости:

– А ведь верно! Сколько?

Я написал на бумажке. Ровно столько, чтобы можно было мою иномарку отремонтировать.

Чиновник тут же залез в сейф, отключил мне, сколько я просил, и бумагу мою подписал. И расстались, мы довольные друг другом...

Предъява

– Так, это кто кинул?

– Это я. Извините.

– Ты что, ботаник, предъяву мне делаешь?

– Простите, не понял?

– Ну, в смысле, стрелку мне забить хочешь?

– Как это?

– Ты что, русского языка не понимаешь?

– Почему же? Я, в некотором роде, филолог.

– Так вот, философ, ты что, рамсы попугал.

– Чего я, извините, напутал?

– Нет, ты только погляди на него! Шлангом прикинулся!

– Боюсь повторно вызвать ваше раздражение, но я не...

– Так, заткнись, профессор! В последний раз спрашиваю! Возможно, на понятном тебе языке. С какой целью ты кинул в меня этот слепленный тобой комок снега, а?

– Ну, просто настроение у меня хорошее! Смотрю, идёт молодой интеллигентный человек с хорошим, открытым лицом...

– Ага, понятно! Расслабуху я, говоришь, допустил, открылся. Ну, дальше трактуй свой безрассудный поступок.

– Ну, я слепил снежок и кинул в вас. Просто так. Извините, если вам не понравилось.

– Значит, ты ничего ко мне не имеешь?

– Ничего, кроме первоначальной симпатии. Хотя от неё, кажется, уже ничего...

– И никто тебя ко мне не подсылал?

– Да нет. Я сам. Смотрю, идёт молодой симпатичный человек...

– А, так ты голубой?

– Простите? А, вы в этом смысле... Нет, что вы, я женщин люблю.

– Хм! Что-то я тогда никак не врублюсь... Впрочем, некогда мне тут с тобой.

– Ну, тогда я пошёл?

– Куда это ты пошёл? Ты понимаешь, что на твоё действие я просто обязан ответить противодействием? Иначе это будет не по-пацански!

– Понимаю... Наверное. Хотя не совсем.

– Щас поймёшь, ботаник несчастный! Становись вот к этой стенке.

– Вот сюда? Хорошо. Можно, я очки сниму?

– Ладно, снимай. И не шевелись, пока я не прицелюсь! Во, сходу попал! Не больно?

– Да нет! Снежок вы слепили не очень твёрдый.

– Ну, тогда мы с тобой, значит, разошлись краями. Бывай, ботаник!

Ах, какой мужчина!

Тут у Крышкина жена уехала проведать свою маму на недельку в деревню. Остался Крышкин один. А когда женатый мужчина остаётся один, его начинают одолевать всякие разные мысли. Крышкин не мог отделаться от одной: «Почему бы мне не навестить нашу одинокую соседку Марью Ивановну? Скучно ей, наверное».

А она, эта Марья Ивановна, ничего себе женщина. Когда, бывало зайдёт по соседству – за солью там, хлебушком, так порой взглянет, аж мурашки начинают бегать у Крышкина по всем щекотливым местам. Потом жена не раз говорила, что Марья Ивановна очень хвалит Крышкина. Так и говорит: «Какой замечательный у тебя муж. Не пьёт, не гуляет, хозяйственный, симпатичный. Мне бы такого!»

Ну, разве можно мужьям передавать, что о них хорошего говорят соседки и подружки? Ну и значит, решил Крышкин, купил цветов, вина и пошёл к Марье Ивановне под благовидным предлогом. Позвонил. Марья Ивановна дверь открыла, стоит перед ним в халатике, переминается с ноги на ногу. То одну коленку, покажет, то другую. У Крышкина аж в горле пересохло.

– Я это... Хотел время узнать, – пролепетал он.

А Марья Ивановна посмотрела на букет цветов у Крышкина под мышкой, на бутылку вина, которую он держал перед собой как букет (всё перепутал в последний момент от волнения), понимающе улыбнулась и нежно проворковала:

– У меня с собой нет часов. Проходите в дом, там посмотрим, сколько сейчас времени.

Вошли. Марья Ивановна забрала у Крышкина бутылку, поставила на стол, букет определила в вазу. Потом вышла из спальни с будильником и говорит:

– Ах, Григорий Фёдорович! Не скажу я вам, сколько сейчас времени. Будильник у меня сломался.

Крышкин, до этого стоявший с опущенными вдоль туловища руками и не знающий, что ему дальше говорить, как вести себя (ну, между нами, не ходок он был), аж вскинулся весь:

– Это мы мигом! У вас отвёртка есть?.. Ладно, я свою принесу!

Убежал домой, принёс набор инструментов, раскидал будильник, собрал его, и тот снова пошёл.

– Принимайте работу, Марья Ивановна! Вот только надо бы точное время поставить. Включите телевизор, вот-вот новости должны начаться.

Марья Ивановна всплеснула руками:

– Ой, Григорий Фёдорович, сломался у меня телевизор! Хотела завтра мастера вызвать...

– Зачем нам чужой мастер? – напыжился Крышкин. – Мы сами мастера!

Разобрал он телевизор, собрал его, включил – работает! Включили они с Марьей Ивановной НТВ – как раз ночные новости идут, поставили на будильнике точное время. А Марья Ивановна, уже зевает, прикрыв прелестный рот ладошкой. И вежливо так говорит:

– Чаю не хотите, Григорий Фёдорович?

– А теперь можно и чаю. Или чего покрепче, – солидно отвечает ей, очень довольный собой, Крышкин. – Вот только руки помою...

И направился в ванную комнату.

– Ай! – спохватилась Марья Ивановна. – Осторожнее, Григорий Фёдорович. У меня только горячая вода идёт, кран с холодной сломался. Давайте я вам лучше из чайника полью!

– Ещё чего не хватало! – возмутился Крышкин. – Или я не мужчина? Сейчас починим.

Провозился он с краном долго. Но под утро таки отремонтировал. Кричит из ванной:

– Марья Ивановна, принимайте работу!

А в ответ – тишина. Вышел Крышкин в гостиную, и видит: спит Марья Ивановна на диване. Уютно так свернулась калачиком, кулачок подложила под розовую щёку и посапывает, улыбаясь во сне.

Вздыхнул Крышкин, на цыпочках вышел из квартиры Марьи Ивановны и захлопнул за собой дверь.

А Марье Ивановне в это время снилось, что Крышкин ремонтирует ей квартиру.

– Ах, какой мужчина! – томно пролепетала она во сне и перевернулась на другой бочок...

Прямая линия с переворотом

После предновогодней президентской пресс-конференции некто Иван Лыткин собрал вокруг себя всё своё семейство.

– Поскольку семья наша – это как бы государство в государстве, то я могу считать себя в ней президентом, – торжественно объявил он.

– И открываю прямую линию со своим народом. Так мы узнаем, какие у нас есть проблемы и как их решить.

Первой высказалась жена Лыткина, Маргарита. Ядовито так:

– Уважаемый президент, можно ли принять такой указ, чтобы мужья всю зарплату приносили домой?

– Этот вопрос мелкобытовой. Мыслить надо глобальней, – внушительно ответил «президент».

– О чём вот молчит уходящее поколение?

Он ткнул пальцем в тестя. Павел Петрович вскочил с места и тонко закричал:

– Я ещё никуда не уйду! И скажу всю правду как есть. Почему наша верховная власть не ограждает молодёжь от тлетворного влияния западной культуры? Эти оглоеды всё время переключают телевизор на эротику да бевеики.

– Когда это? – страшно удивился «президент».

– А тогда, когда ваше превосходительство изволят дрыхнуть без задних ног.

– Так, – зловеще сказал Лыткин и принялся расстёгивать ремень.

– Незаконно это, – басом сказал Вовочка. – Неконту... Не-конс-титущионно!

– Да, – поддержал младшего брательника шестиклассник Фёдор.

– А деду не верьте. Он наглотеется «колёс», вот и глючит...

– Нет, ну что это такое! – всплеснула руками тёща, Харитина Ивановна.

– Требую пресекать хамство со стороны молодёжи! Нужен закон об уважении к старшим.

– Да? А младшие что, не люди? – опять выступил вперёд Вовочка.

– Господин президент, хочу компьютер! Стану хакером, взломаю банк.

И тогда пап... господину президенту не надо будет делать нычки в старом валенке.

– Это где? – встрепенулась «первая леди».

– Да в темнушке, я сколько раз оттуда брал на жвачки, – проболтался будущий хакер.

– Вот почему у нас нехватка финансов: народ вкалывает, а государство, понимаешь, обирает его! – возмутилась супруга «президента». – Ну, старый пим, погоди!

Она оставила высокое собрание и скрылась в чулане. Вышла на свет с пыльным валенком в руках.

Потрясла его. На пол выпала пятирублёвая монета и со звоном покати-лась под диван.

За монеткой наперебой кинулось подрастающее поколение.

– Валютный запас давно исчерпан! – не моргнув глазом, заявил Лыткин.

– Инфляция вон какая, какие тут сбережения выдержат.

– Господин президент! – сказала, нехорошо улыбаясь, его половина. – Прошу вас пройти в совещательную комнату... Для выяснения некоторых моментов вашей социально-экономической политики.

И «первая леди» втокнула его мощным торсом в спальню. Оттуда почти сразу же послышались глухие удары валенком.

– А ну, все ко мне! – обрадованно закричал Павел Петрович. – Это переворот! Будем создавать временное правительство...

ПОЭЗИЯ

Надежда ОХРИМЕНКО

Надежда Николаевна Охрименко – член Союза писателей России и Союза журналистов России, член Международного Союза славянских журналистов, член Академии российской литературы. Окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана и народный университет рабочих корреспондентов им. М.И. Ульяновой. Автор пяти поэтических сборников: «Парус сердца», «Радуга надежд», «Живая душа», «Синие сны», «Спокойно рассвета». Награждена дипломом 1-ой степени и медалью «России верные сыны», памятным знаком «300 лет российской журналистике», памятными литературными медалями: «А.С. Грибоедов», «А.П. Чехов», «М.Ю. Лермонтов», орденом «В.В. Маяковский «Светить всегда» и др. общественными наградами. Шестикратный дипломант конкурса МПО «Галерея избранного стихотворения».

Живёт в Москве.

«Светлый образ России моей...»

Плакун-трава

Как пойдёшь по полюшку по русскому,
Где растёт теперь плакун-трава,
Песнь сама на ум приходит грустная,
И с тоски – кружится голова.

И идёшь, земли своей не чувствуя,
Небосвод весь тучами объят...
Ой, ты, доля русская горячая!
Ой, печалью полонённый взгляд!

А душа – лоскутиком потрёпанным –
Память перелистывает вновь,
И стоишь на полюшке не вскопанном,
Чувствуя, как стынет в жилах кровь.

И себя – поблекшею ромашкою
Горько ощущаешь на ветру.
Где ты, жизнь, счастливая вчерашняя?
Где поля с хлебами на юру?

Ничего нет! Только долу клонится,
Взгляд куда ни кинь, плакун-трава...
Да колокола гудят со звонницы,
Да кружится с горя голова.

Юбилейное

К 70-летию профессора МГУ им. М.В. Ломоносова,
председателя Союза славянских журналистов
В.А. Сухомлина

Осенний ветер постучал в окно
И пригубил сентябрьский воздух пряный.
Так значит, нынче будем пить вино
И Вы, и я, и даже гость незванный.
Припомним и статьи мы, и стихи,
И всё, что было славно и... не очень.
Простим друг другу мелкие грехи, –
Чтоб был Союз славянский долго прочен.

...За эти годы множество утрат
Мы пережили, в столь нелёгкой жизни,
Но, всё равно ей говорим:
– Vivat! –
И, несмотря на горести Отчизны,
Пойдём вперёд, а СЛОВО, словно стяг,
Пусть, впереди идущего – струится!
А если что писали мы *не так*, –
Так этот «грех»... не должен повториться!

Прощаемся

Прощаемся, прощаемся, прощаемся,
На этот раз – разлука глубока.
Хоть шар земной по-прежнему вращается,
Но жизнь течёт – *увы!* – не как река.

Как не просты взаимоотношения,
Коль две души, – как дальних две реки!
А шар земной вершит своё движение,
Но уж не вместе наши две руки.

И верится как будто, и не верится,
Что между нами чувства больше нет,
Но, кажется, Земля быстрее вертится,
Новой жизни увидеть рассвет.

Мой храм

Той тишиной душа полна,
В которой места нет веселью,
В ней даже голосов волна
Приводит к сильному волнению.

В той тишине – душа Творца
И тихое свечей мерцанье.
Я в ней могла бы до конца
Прожить, без слёз и ликований.

Но не замаливать грехи
И дни, и ночи утомлённо.
Я в ней слагала бы стихи
Душой окрепшей, просветлённой.

...Но не дано нам тишины
В сей суетливой жизни шумной,
В которой горестные сны
Всё чаще вижу, всё безумней,

В которой неуёмный гам –
С годами всё большее слушать.
...Я из стихов построю Храм,
Чтоб в нём мою отпели душу.

У заводи

Здесь, у заводи, дальней и тихой,
Вдалеке от людской суеты,
Забывая житейское лихо,
Становлюсь я с природой на ты.

Запоёт голосистая птица,
И у берега дрогнет камыш.
Долго-долго потом будет снится
В скромных красках душистая тишь.

А кувшинок цветы, как наяды,
Любоваться собою зовут.
Как же мало от жизни мне надо –
Больше светлых подобных минут!

А стемнеет, – лягушки всем хором
Будут «петь» и «плясать» до утра,
И такая досада, что скоро
Мне домой собираться пора!

Увезу я с собой эти ночи,
Теплоту и раздолье полей,
Тихой заводи кроткие очи –
Светлый образ России моей.

ПРОЗА

Светлана КОМРАКОВА

Уроки музыки

Мой старший внук Петя родился в декабре. И когда подошло время идти ему в школу, моя дочь приняла решение, что он пойдёт учиться только в полные 7 лет. И я тогда подумала, что его надо учить музыке, дабы не пропал год. Тем более что дома стоял инструмент – пианино марки «Красный Октябрь», на котором когда-то играла я, затем моя дочь. Своего сына я не стала учить музыке, посчитав почему-то, что мальчику это не обязательно. И была очень удивлена, когда уже став взрослым, он упрекнул меня, что я не дала ему музыкального образования.

Дочь моя моему решению обучать Петю играть на пианино не противилась. И я стала искать учителя музыки. Причём, мне нужен был учитель, который приходит на дом. Таскать ребёнка в транспорте, особенно осенью и зимой, мне не хотелось.

В нашем доме на первом этаже живёт семья музыкантов, и я обратилась к ним. Они мне помогли, порекомендовав учительницу их уже давно взрослого сына. И к нам пришла Анна Иосифовна. Она была интеллигентной дамой в возрасте и классической учительницей. Усадив Петра за пианино, Анна Иосифовна спросила:

– Петя, ты хочешь заниматься музыкой?

– Бабушка хочет, – честно ответил мальчик.

И они стали заниматься. Поначалу дело пошло очень хорошо. Простенькие пьесы давались Пете легко. Вернее так, он тратил время на то, чтобы прочитывать ноты, а когда мысленно переносил их на клавиши, начинал играть наизусть и по слуху, не глядя в ноты вообще!

Анна Иосифовна была им вполне довольна, даже стала в тетрадке для записи домашнего задания ставить оценки – пятёрки, четверки. Но на второй год занятий стали появляться тройки. С одной стороны, это было понятно, Петя пошёл в школу, и к его нагрузкам (музыкальным и спортивным) прибавились домашние уроки. Поэтому занятия музыкой проходили нестабильно. То Анна Иосифовна его хвалила, то ругала, и порой

Светлана Семёновна Комракова – родилась в Ленинграде, выпускница МВТУ имени Баумана, преподаватель одного из московских вузов. Автор пяти стихотворных сборников: «Стихотворения», «Какая радость – солнце в ноябре!», «Я нигде не тороплюсь», «Удивительный цветок – белая ромашка», «Осень – пора для поэтов», член Союза писателей России. Является автором книги рассказов и новелл «Отражаясь в зеркалах», книг для детей «Приглашаем в сказку», «Про кошку Лесю». Руководит литературным объединением «Чонгарский бульвар» при московской библиотеке имени Ф.И. Тютчева. Живёт в Москве.

так расстраивалась из-за его неисполнительности, что мне было её жалко. И у меня появилась мысль освободить учительницу от таких переживаний, найдя Пете какого-нибудь студента консерватории.

Время шло, Анна Иосифовна старалась, огорчалась, Петя то выдавал прекрасное исполнение, то ленился. И мы подумали о том, что у него нет выхода на публику. Когда дети занимаются в музыкальной школе, у них бывают отчётные концерты, к которым они готовятся, и это придаёт интерес работе. И я стала привлекать Петра к участию в концертах моей подруги, композитора Ольги Кузьмичёвой.

Выступать Петру нравилось. Он с удовольствием ездил со мной в музей или библиотеки, где проходили концерты Ольги. Так мы протянули ещё пару лет.

Петя пошёл в четвёртый класс, был сентябрь, занятия с Анной Иосифовной ещё не начались, как меня на одном из концертов в библиотеке познакомили с очень приятным и симпатичным музыкантом, аспирантом консерватории, по имени Тихон Хренников. Он оказался правнуком всемирно известного композитора Тихона Николаевича Хренникова. И я набравшись смелости спросила Тихона-младшего:

– А вы даёте уроки музыки?

– У меня есть только одна ученица.

– И где она живёт?

– В Чертаново.

– Да что вы! И мы в Чертаново. Может, возьмёте ещё ученика?

– Надо подумать.

Так в нашем доме появился новый молодой учитель музыки – Тихон Андреевич. Анне Иосифовне я объяснила ситуацию, и та её легко приняла, потому как, думаю, уже устала от Петинной лени.

Занятия с новым учителем проходили иначе. Он старался подбирать тот репертуар, что нравится Петру. А Петру ещё нравилось, что у него педагог – мужчина. Через пару месяцев Тихон пригласил нас на концерт со своим участием в консерваторию. Мы с Петром пришли нарядные, сели в партере и с удовольствием слушали концерт в исполнении Тихона Хренникова, а Пётр был горд, что на сцене – его учитель!

Сам Пётр продолжал играть выученные произведения в концертах Ольги Кузьмичёвой, и еще один год занятий музыки прошёл вполне благополучно.

Петя и Тихон Андреевич ладили между собой, и кроме музыки у них были ещё общие интересы в виде компьютера. А однажды они оба меня удивили. Пете надо было найти новую пьесу. Посмотрев те сборники произведений, что подходили Петру по возрасту, они ничего интересного не подобрали, и я увидела, что Пётр вышел из комнаты, где проходили занятия, к себе.

– Ты чего? – спросила я из кухни.

– Надо.

Пётр быстро вернулся, урок продолжался дальше, я слышала, что они нашли что-то. Пётр начал разбирать, только мне даже на слух было понятно, что это не из классического репертуара.

Когда урок закончился, я вошла в комнату, чтобы рассчитаться и попрощаться с учителем, и застыла. На пюпитре чёрного пианино «Красный Октябрь», выпущенного ещё во второй половине двадцатого века, стоял электронный планшет, а на его экране – ноты!

– Это что? – изумилась я.

– Майкл Джексон! – воскликну Пётр, а Тихон пояснил:

– Петя сказал, что хотел бы выучить песню Майкла Джексона, мы нашли в Интернете ноты, пусть мама их распечатает, будем учить.

– Хорошо, – только и ответила я. И подумала, какое правильное педагогическое решение. Чтобы ученик работал, надо, чтобы присутствовал интерес!

С этой песней Майкла Джексона Петя неоднократно выступал в концертах и продолжал заниматься музыкой до той поры, пока они с мамой не переехали на новую квартиру. Старое пианино они забирать не захотели, а новое ещё не купили. Занятий музыкой у Петра сейчас нет, и это его не огорчает.

ПОЭЗИЯ

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВА

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. По окончании в 1987 г. МГПИ им. В.И. Ленина преподавала английский язык в школе. С 2001 г. старший преподаватель кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор шести сборников лирических стихотворений: «Имя моё...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010), «Крылатая мечта» (2012), «Иду по клавишам судьбы...» (2015), а так же трёх сборников прозы – «Букет ландышей» (2009), «Окно в сад» (2011) и «Дневник» (2015). Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Лучший город земли

Моя Москва

Какая же Москва моя красивая
Весной, когда умыта вся дождём.
И церкви, будто кони златогривые,
Зовут, как мать зовёт ребёнка в дом.

А летом, когда зной испепеляющий,
Пройдёшься по бульварам не спеша.
И солнышком в листве дерев играющим
От счастья замирает вдруг душа.

И в платья Воробьёвы горы осенью
Оденутся. Готовы к дефиле.
И небо кружевное с яркой просинью
Подарит на показ тебе билет.

И набережных грусть на радость сменится
Зимой. От снега кругом голова...
Я стала навсегда твоею пленницей,
Мой город и судьба. Моя Москва!

Двое

На горах Воробьёвых весна.
Двое, за руки взявшись, бегут.
Вечер. Едет по небу луна.
Мама зорко детей стерегут.

На горах Воробьёвых жара.
Двое рядом сидят у воды –
Над влюблёнными в форме шатра
Август выложил в небе цветы.

На горах Воробьёвых в простом
Одеянии осень живёт.
Двое рядом идут под зонтом.
Серым стал от дождя небосвод.

На горах Воробьёвых зима.
Двое, за руки взявшись, бредут.
Снег настроил вокруг терема,
А дороги все к храму ведут...

Ленинский проспект

Ленинский проспект... Старые дома...
В городе моём царствует зима.
Снегом замело скверы и дворы,
И не слышно в них криков детворы.

Бьются как хрусталь все сосульки с крыш.
Ленинский проспект, ты куда летишь?
От мороза вновь замирает дух,
Арии ветров не ласкают слух.

Холодно в Москве, холодно в душе.
Прерванный полёт чувств на вираже.
Ленинский проспект, ты мне не перечь –
Дай тепло мечты в сердце уберечь!

Московские акварели

Я люблю вот такую Москву –
Без подсветки на площади Красной.
Город наш акварельно-прекрасен
В размышлениях и наяву.

Я люблю тихий свет фонарей
На бегущих по кругу бульварах,
Шёпот юных деревьев и старых,
И загадочность разных дверей.

Вечерами приятно гулять
И вдыхать ароматы сирени
В скверах так по-московски весенних,
Где с небес к нам сошла Благодать.

Как мне нравятся звуки весной:
Тишину переулков ломая,
Нарушают спокойствие мая
Соловьи серенадой ночной.

Сбросив с башен накидку из сна,
Город мой окунается в утро.
Пусть же будет оно светло-мудрым,
Хоть везде торжествует весна!

Весна в Москве

Из ярких изумрудов ожерелье
Набросила на город мой весна.
Зима давно укрылась в подземелье,
А в небе лучик солнца, как струна.

Москва, к лицу тебе наряд из листьев.
У наших душ случился резонанс.
Хотела б написать портрет твой кистью,
Иль грустный о тебе сложить романс,

Воспеть бульваров сумрачных монисто,
Изящество Садового кольца
И новых улиц отблеск серебристый...
Любуюсь я тобою без конца.

Исчезает Москва

Исчезает Москва за стеклом и бетоном,
Небоскрёбы растут, как в других городах.
И в сердцах москвичей отзывается стоном
Плитка вместо брусчатки в любимых местах.

Аромат тополей не заменит пластмасса,
И побелка фасадов не красит дома.
Для кого это всё? Для людей? Нет, для массы.
Коренных москвичей город сводит с ума.

Потому подались за пределы столицы,
И повсюду нерусскую слышим мы речь.
Где славяне? Их милые, добрые лица?
Отчего город наш не сумели сберечь?

Чтобы вера в добро появилась, окрепла,
Отдадим мы Москве и сердца, и дела.
Возродится она, словно Феникс из пепла –
Отражая лучи, заблестят купола.

Запахи Москвы

Пьянит меня холодный зимний запах
Прозрачно-зачарованных небес
И снега, что лежит в еловых лапах,
И дыма, что из труб идёт окрест.

Пьянят меня весной ароматы
Журчащего ручья по мостовой,
Нарциссов, что застыли, как солдаты,
Сирени, что укутана листвою.

Пьянит меня клубничный запах лета,
Газонной свежескошенной травы,
Земли, лучами солнышка согретой,
И дымки пробудившейся Москвы.

Медовым ароматом осень дышит
И манит заглянуть в Нескучный сад,
Где дождь, котёнком двигаясь по крышам,
Пьянит меня, как много лет назад.

Пьянит меня любимый город детства,
Хоть много изменений вижу в нём.
Навек я с ним. Мне никуда не деться –
Любовь к Москве не вытравить огнём!

Лучший город земли

Москва – лучший город зимы,
Где ветры гуляют по крышам
И нам напевают чуть слышно
О том, как менялись холмы.

Москва – лучший город весны.
В апреле бушуют капли,
И с каждой новой неделей
Дни, словно волшебные сны.

В июне красива Москва,
Когда на дворе снова лето,
И в зелень бульвары одеты,
И из-под асфальта трава.

Как осенью ты хороша,
Москва в разноцветном пожаре.
И листья летят, как в угаре,
И дождик идёт не спеша.

В Москве наступает рассвет,
Что красит по-своему город.
Душою не стар он, а молод,
И в мире его лучше нет!

